

Пермский герб XVII в. и современная карта Верхнего Прикамья с обозначением городов и других населенных пунктов, постройки которых рассматриваются в книге

В.В.КОСТОЧКИН

ЧЕРДЫНЬ
СОЛИКАМСК
УСОЛЬЕ

МОСКВА СТРОЙИЗДАТ 1988

Косточкин В. В. Чердынь, Соликамск, Усолье. — М.: Стройиздат, 1988. — 181 с.: ил. — ISBN 5-274-00186-6

Книга посвящена архитектурному наследию трех интереснейших, но мало известных городов Верхнего Прикамья, которые до сих пор сохранили не только великолепные произведения архитектурно-строительного искусства, но и самобытный художественный облик своих древних центров, забытых архитектурно-градостроительной наукой. Анализ памятников архитектуры, интересных архитектурных ансамблей и не публиковавшихся ранее планов городов XVII — XIX веков дан в книге на фоне развития социальных отношений и экономики края, развивавшегося в общем потоке развития страны. Все это публикуется по существу впервые и безусловно вызовет интерес со стороны читателя, особенно интересующегося историей нашей страны, ее архитектурным наследием.

Для архитекторов и искусствоведов.

Ил. 160, список лит. 105 назв.

Печатается по решению секции литературы по архитектуре и градостроительству редакционного совета Стройиздата.

Рецензенты: д-р искусствоведения Г. К. Вагнер, канд. архитектуры Г. В. Алферова.

К $\frac{4902010000-615}{047(01)-88} 189-88$

ISBN 5-274-00186-6

© Стройиздат, 1988

Путь красоты не яркая звезда,
Как путь войны он труден и не мирен.
Где на горах рубили города,
За Строгановыми шел Прокопий Чирин.

В. Чердынцев

ВВЕДЕНИЕ

Биармия! Названия этой страны нет ни на одной карте мира — только современной, но и самой древней. Кажется, что Биармия еще не географическое, а мифическое понятие, что страны с таким названием никогда и не было. И, несмотря на это, Биармии оказывается все же менее проблематичным, нежели загадочной Атлантиды.

Если судить по арабским источникам X века, то Биармия была огромной. Она располагалась в бассейнах Камы, Северной Двины и Печоры и простиралась с юга на север вплоть до Ледовитого океана. Ее покрывали бесконечные непроходимые болотные топи, труднопреодолимые горные кряжи. Центр Биармии находился где-то в районе волоков Кама — Вычегда и Кама — Печора. Считалось, что по рекам Биармии шел чрезвычайно далекий, но зато и весьма удобный путь в «полуночные страны», которым будто бы и пользовались предприимчивые арабские купцы¹.

Впоследствии Биармию стали называть Пермью Великой — настолько бесконечными были ее обширные пространства².

Знают Биармию и древние западно-европейские источники. Норвежский мореход Отера, достигший в IX веке устья Северной Двины, со ссылкой на

слова местных жителей, рассказывал, что народ биармский очень многочислен, а в древней истории Швеции Олафа Далина говорится, что Биармия управлялась собственными князьями³.

Те же источники отмечают наличие в Биармии и каких-то крупных населенных пунктов. Рассказы о «подвигах» норманнов в стране биармов нередки и на страницах скандинавских саг, восходящих к X веку. В одной из них сообщается, например, что воины Торера «Собаки», направившиеся в Биармию, подошли к свободному от деревьев пространству с курганом, насыпанным из золота, серебра и земли, и с высокой окружающей его деревянной оградой, охраняемой по ночам местными жителями. Приблизившись к ограде, Торер и его спутники увидели, что стража ушла, а смена еще не заняла своих постов. Тогда Торер разрешил воинам подойти к кургану, запретив, однако, трогать бога биармов Иомалю. Когда же воины собрали около кургана «сколько можно больше денег, сложив их в свое платье», Торер приказал им удалиться, а сам «вернулся к Иомалю и похитил серебряную чашу, наполненную серебряными монетами, стоявшую у него на коленях»⁴.

Правда, рассказ этот долгое время считался фантазией. Курганы из золота и серебра, серебряные чаши на коленях

Серебряная чаша греко-иранской чеканки II в. Найдена в Перми. ГЭ

идолов неподалеку от Ледовитого океана — все это воспринималось как сказочный вымысел.

Но вот в XVIII веке появляются сообщения русских путешественников о святилищах, похожих на то, которое ограбил Торер «Собака». Возвращаясь из Перми Великой, побывав в бассейнах Камы, Северной Двины и Печоры, они рассказывали, что виденные ими святилища принадлежали хантам (остяки) и манси (вогулы). Они были обнесены высокими заборами с воротами, охраняемыми бдительными стражами, и с деревянными идолами внутри оград, державшими чаши или блюда, наполненные деньгами. Путешественники указали также на обычай местного населения смешивать золотые монеты с землей. Так сказание скандинавской саги о Торере «Собаке» приобрело очевидную реальность.

Русские летописи, издание которых началось в XVIII веке, подтвердили сведения о хантах и манси. В 1193 году, когда новгородская рать осадила городок на Северном Урале, жители этих мест — югры — предложили выкуп — «сребро и соболи и ина узорочья». И не случайно, что в 1332 году князь великий Иван (Иван Калита), возвратившись из Орды, потребовал у новгородцев, вызвавших его гнев, «сребро закамское»⁵.

В середине XIX века изделия из так называемого «закамского серебра» стали почти ежегодно находить на территории Урала и Сибири⁶. Это были серебряные блюда восточного производства с великолепной художественной чеканкой, узкогорлые кувшины с изображениями диковинных зверей и царей с клиновидными бородами в развевающихся плащах, чаши с воспроизведенными на них витязями, вступающими в единоборство с пантерами и львами, граненые кубки, испещренные затейливыми узорами и сказочными цветами, всевозможные предметы декоративноприкладного искусства. Их возраст исчислялся в полтора тысячелетия.

Чердынский купец В. Н. Алин, как рассказывали старожилы, разбогател даже на покупке и переливке древних серебряных вещей восточного происхождения, находимых населением Северного Приуралья во второй половине XIX века. От него стремились не отстать и другие скупщики, превращавшие бесценную посуду в бесформенные куски металла. В силу этого большое количество древних предметов восточного прикладного искусства так и осталось не известным науке, но некоторая часть найденной тогда древней восточной утвари все же появилась в Петербургских музеях. Относящаяся к тому времени, когда в Иране правила могущественная Династия Сасанидов (220 — 651 г.), эта утварь вызвала настоящую сенсацию⁷. На ее основе исследователи сделали вполне убедительный вывод о том, что в течение многих веков из роскошных дворцов знатных вельмож Персии и сопредельных стран на Урал и в Сибирь в далекие времена (VII и VIII вв.) в стойбища глухих таежных племен непрерывным потоком текла серебряная река. Драгоценное серебро III—VII веков из Хорезма, Бактрии и Персии неопровержимо доказало, что

этот серебряный поток кончался в снегах Урала и Сибири и не был чем-то особенным во времена глубокой древности.

Серебряное чеканное блюдо с изображением всадника в пышном персидском одеянии и с короной на голове, преследующего медведя, найденное в 1957 году в пермской деревне Аниковской, подтвердило мнение исследователей прошлого столетия о серебряном потоке: на драгоценном блюде оказался изображенным Хосров I — персидский правитель VI века.

Раскопки советских археологов доказали, что контакты народов Урала и Сибири со странами Востока начались еще в эпоху бронзы и продолжались в раннежелезном веке⁸. Через песчаные пустыни, труднопроходимые таежные леса и горные перевалы на далекий север изделия из металлов и украшения из серебра, а затем драгоценные золоченные чаши и блюда, в обмен на пушнину, поступали в Прикамье и близлежащие земли, где их использовали при исполнении религиозных обрядов⁹. В итоге сказочная Биармия оказалась такой же реальностью, как и всемирно известная гомеровская Троя, считавшаяся до раскопок Генриха Шлимана досужей фантазией.

Преемником древней Биармии, подарившей науке бесценные произведения местного (чудского) и восточного искусства сасанидского времени являясь теперь и Верхнее Прикамье. Это один из интереснейших районов нашей страны — край, покрытый изобилующими зверем таежными лесами и прорезанный огромным количеством богатых рыбой рек. Он славится неисчерпаемыми подземными ископаемыми и титаническим трудом простого народа, занимавшегося их освоением. Одновременно это и край городов,

стоящих по берегам Камы и впадающих в нее рек. Они расположены и на местах поселений манси и хантов и на еще не освоенных ранее местах, но на той же Каме и ее притоках, по которым в глубокой древности тек в Биармию поток восточного серебра. Появление наиболее древних из них связано с развитием русской государственности, с освоением природных богатств Прикамья, Урала и когда-то чрезвычайно далекой Сибири. Среди них древнейшая Чердынь, старый Соликамск и совсем молодое по сравнению с ними Усолье занимают главное место. Расположенные в северной части современной Пермской области, в непосредственной близости от Уральского хребта, эти города буквально выросли на соли. В промышленном развитии стра-

Серебряное блюдо с изображением сасанидского шаха Шапура II, охотящегося на львов. IV в. Найдено на берегу реки Вятки. ГЭ

Чудский литой бронзовый образок. Найден в 1900 г. в Чердынском уезде. ГЭ

Медная бляха чудского происхождения. Найдена в 1900 г. близ Чердыни. ГЭ

ны XVII—XIX веков они поочередно играли важнейшую роль и заслуженно обрели громкую славу.

Однако, снабжая страну дорогой поваренной солью, а затем и не менее ценными рудными ископаемыми, давая ей промышленный металл и металлические изделия, названные города были также и очагами художественной культуры. В них и ближних селениях возводились прекрасные здания, писались иконы, резались иконостасы, изготовлялась фарфоровая посуда, делалась всевозможная утварь и появлялось на свет огромное количество различных произведений декоративно-прикладного искусства. Здесь в Прикамье, в прикамских городах и селах трудились собственные и заезжие «каменных дел мастера», работали местные и пришлые живописцы, создавали всевозможные изделия либо прибывшие издалека, либо родившиеся на местах ремесленники. Сюда же в район верхнего течения Камы для церквей строгановских вотчин привозились из Москвы произведе-

ние лучших царских изографов и тут же на Каме, в Пыскорском монастыре, в непосредственной близости от Чердыни, Соликамска и Усолья действовала единственная во всем крае строгановская иконописная мастерская, распространявшая свою «продукцию» по всему Уралу. И не случайно, что в камских приуральских городах воспитывались мастера, творческая деятельность которых выходила подчас и за пределы Прикамья.

Особенно много мастеров вышло из строгановского Усолья. Известно, например, что усольский иконописец Василий Осипов сын Кондаков в 1684 году работал в Можайске. Родом из Усолья был, возможно Федор Евстихийев Зубов (умер в 1689 г.) — известный русский живописец, талант которого высоко оценивали современники. Он много работал в Соликамске и Великом Устюге, а позднее стал и первоклассным московским мастером. В семье усольского канцеляриста, крепостного графа А. С. Строганова родился также Андрей Никифорович Воронихин (1759—1814)—знаменитый русский архитектор, один из представителей русского классицизма. Всему миру известны такие сооружения зодчего, как Казанский собор и Горный институт, созданные в начале XIX века в столице Российской империи. Под конец жизни А. Н. Воронихин отдал, видимо, творческую дань и родному Усолью; в Пермской художественной галерее экспонируется даже небольшая картина «Внутренний вид костела» — одно из малоизвестных живописных произведений зодчего, явно не случайно оказавшееся в Прикамье¹⁰.

С Усольем связана, наконец, и деятельность менее известного архитектора Трофима Тудвасева — еще одного крепостного графов Строгановых, много

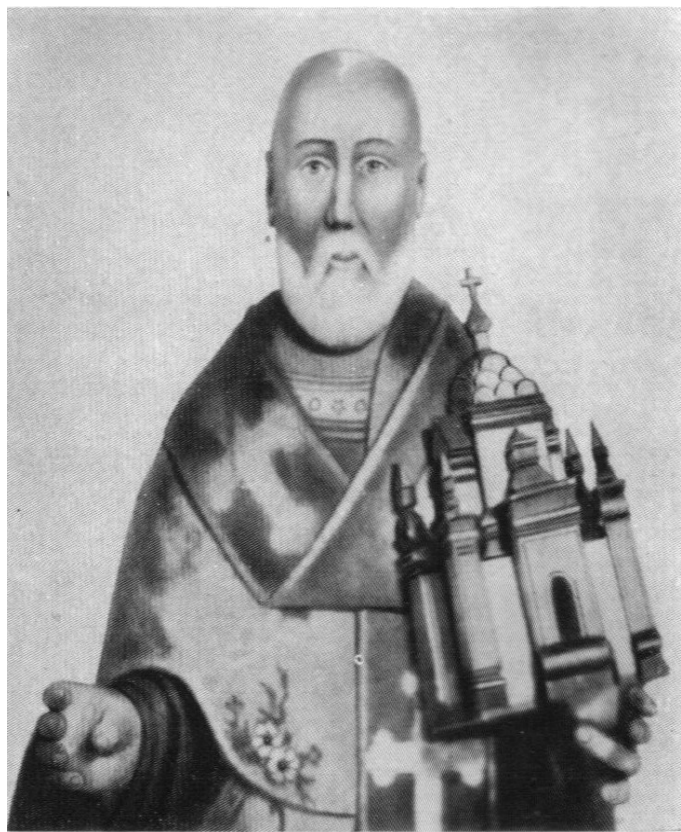

*Архитектор А. Н. Воронихин (1759—1814).
Автопортрет*

работавшего на Урале между 1800 и 1865 годами.

К сожалению, история городов Верхнего Прикамья и в первую очередь Чердыни, Соликамска и Усолья, утративших экономическое значение для Российской империи в середине XIX века в связи с бурным развитием Урала, еще мало известна. Почти неизвестны и памятники архитектуры этих городов; литература о них крайне бедна и давным-давно стала библиографической редкостью, а приводимые в ней исторические сведения об этих памятниках не только скупы и отрывочны, но и противоречивы¹¹. Исключение составляет Соликамск, архитектурное наследие которого привлекло внимание исследователей начала нынешнего столетия (В. С. Малченко, А. И. Слупский и др.)¹². Однако возросший интерес к истории Урала, развитию уральской промышленности, формированию уральских городов и архитектуре старых уральских заводов отвлек вскоре от него внимание¹³. Его изучение было продолжено уже в наше время (Г. Д. Канторович, А. С. Терехин и др.)¹⁴, в силу чего о Соликамске мы знаем несколько больше, нежели о Чердыни и Усолье, почти совсем забытых исследователями¹⁵. Между тем представить Верхнее Прикамье без памятников архитектуры Чердыни, Соликамска и Усолья так же невозможно, как Москву без Кремля и Василия Блаженного. Многие из них достойны стоять в одном ряду с архитектурными постройками таких широко известных городов, как Ярославль и Вологда, Кострома и Рязань, Углич и Муром, Торопец, Устюжна и другие.

Высокими художественными достоинствами отличаются также произведения живописи и скульптуры Верхнего Прикамья. Достаточно отметить, что великолепные, подчас подписные иконы

*Изображение Николы Можайского из Чердыни.
XVII в.*

Пермский художественный музей

XVI—XVII веков, выставленные теперь в залах Пермской художественной галереи, являются строгановскими вкладками в храмы прикамских городов и сел, а знаменитые «Пермские боги» — прекрасные деревянные изваяния XVII—XVIII веков, заслужившие высокую оценку А. В. Луначарского¹⁶, доставлялись в ту же галерею из древних сооружений Чердыни, Соликамска, Усолья и прилегающих к ним районов¹⁷.

Названным городам и посвящена настоящая книга. Не претендуя на широкие обобщения и развернутые выводы, она знакомит читателя с историей Чердыни, Соликамска и Усолья и их художественным наследием.

Главное место в этом наследии принадлежит памятникам архитектуры XVII—XIX веков, реставрацией которых занимается Пермская реставрационная мастерская (существует с 1948 г.). Взятые под охрану государст-

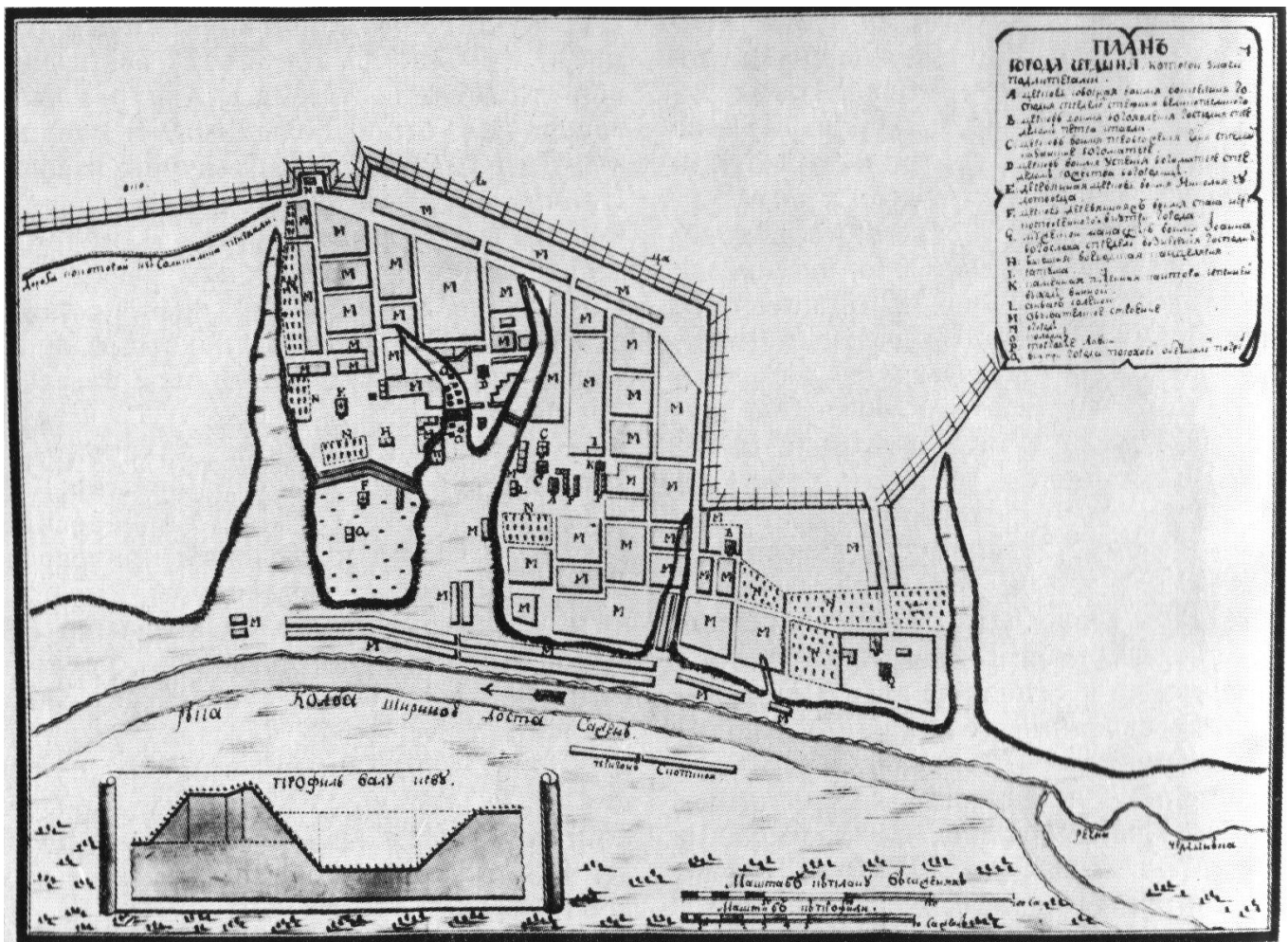
ва как всенародное культурное достояние, они во многом определяют их художественный облик и служат композиционной основой их центров. Однако было бы серьезной методической ошибкой рассматривать памятники архитектуры этих городов в отрыве от их экономического развития, ибо экономика города всегда влияла на характер его постройки и территориальный рост. Существенный отпечаток накладывала она и на строительство городских зданий, их архитектуру. Поэтому в книге должно внимание уделено и истории Верхнекамских городов, их возникновению и экономическому состоянию в XVII—XIX веках, на фоне которого становятся более понятными не только их быстрый рост и столь же быстрое увядание, но и основные этапы застройки, тесно связанные с причинами подъема и расцвета архитектуры.

Конечно, количество памятников архитектуры Чердыни, Соликамска и Усоля не столь уж огромно. Это не Владимир на Клязьме, не Кострома на

Волге. Даже в пору наивысшего расцвета (рубеж XVII—XVIII вв. и первая половина XIX в.) приуральские города не были большими. В связи с этим и памятники архитектуры городов Прикамья расположены, как правило, поблизости один от другого. Данное обстоятельство позволяет нам рассматривать их не в хронологической последовательности, а группами, хотя в некоторых случаях мы и отходили от этого правила.

Конечно, памятники архитектуры сохранились не только в Чердыни, Соликамске и Усолье. Много интересных зданий, с которыми связаны произведения живописи и скульптуры, имеются и в удаленных районах, по рамки настоящей книги не позволяют уделить им внимание. Однако мы стремились все же к тому, чтобы читатель познакомился с архитектурными сооружениями не только упомянутых городов, но и некоторых наиболее крупных населенных пунктов, расположенных от них поблизости.

План города Чердыни 1770 г. ЦГИАЛ

Чердынь — древнейший город в предгорьях Урала. Расположенный на севере Пермской области, в окружении лесов и болот, он первоначально возник, возможно, южнее современного, там, где теперь находится село Пянтег. Основу нынешней Чердыни составляла деревянная крепость, срубленная Давыдом Нуриевым на высоком берегу быстротечной Колвы. Тогда это был главный город Перми Великой, имевший свои промыслы и торговавший с центральными районами страны и Сибирью. Позднее, оказавшись в стороне от новой сибирской дороги, город перестал играть роль перевалочного пункта перед грядой Уральских гор и быстро потерял свое торгово-экономическое значение. Его планировка и немногочисленные каменные храмы — отголосок того монументального каменного строительства, которое развернулось в районе Верхнего Прикамья с начала XVIII века.

ЧЕРДЫНЬ

1.ОЧЕРК ИСТОРИИ ГОРОДА

Чердынь — самый древний город Прикамья. Он расположен в глубине таежных лесов Пермской области, на правом берегу быстротечной Колвы, в шести километрах от слияния ее с Вишерой. На высоком овражистом берегу этой реки и стоят его немногочисленные строения.

Исторические сведения о Чердыни крайне скупы и отрывочны. Неизвестно и время основания города. Предполагается, что где-то в районе Чердыни во времена глубочайшей древности и находился центр обширной Биармии. Многочисленные курганы и давно забытые городища, существующие по берегам Колвы и Вишеры, вместе с различными археологическими находками, сделанными как в самом городе, так и поблизости от него, говорят, что в районе Чердыни человек поселился очень рано — примерно в VIII веке^{1.1}. В далеком прошлом Чердынь нередко называли Пермью Великой, отождествляя ее с наименованием края^{2.1}. Считается, что в X—XII веках именно она и вела обширную торговлю с далекими землями — сперва с волжскими булгарами и Ираном, а позднее с Великим Новгородом и северными народами. Тогда город был будто бы торговым центром на пути, который соединяя бассейн Камы с бассейном Печоры, шел к Ледовитому океану и расположенной

сравнительно недалеко от устья Печоры Новой Земле^{3.1}. Это находит отклик в почти забытом предании, согласно которому Чердынь славилась когда-то во всем крае, а ее купцы добирались до Каспийского моря на юге и «Скифского» (Ледовитого) океана на севере^{4.1}.

Куфические арабские монеты IX—X веков, найденные в Чердынском уезде, серебряный сосуд XII века с Ближнего Востока и поясной набор серебряных блях с зернью, обнаруженные в чердынском селе Вильгорт, серебряные чаши и ковши с рельефными изображениями слонов, страусов, крокодилов и тигров, извлеченные из земли в окрестностях Чердыни, а также монеты Абу-Саид-хана (1327—1332) и Хозыр-хана (1372), подобранные при земляных работах в том же уезде, вносят в это предание элемент реальности^{5.1}.

В те далекие времена город располагался, якобы, южнее современного, на реке Каме, там, где теперь находится село Пянтег. Часто посещали его заморские гости, поднимавшиеся на судах по течению Волги. Позднее Чердынь будто бы переместилась на север, в район села Покча, а затем оказалась уже на занимаемом ныне месте.

Вполне достоверные сведения о Чердыни относятся, однако, лишь ко второй половине XV века — времени объ-

единения русских земель и сложения Русского централизованного государства. В ту пору Верхнее Прикамье стало привлекать особое внимание Ивана III (1462—1505). В 1462 году сюда, в Пермь Великую, по Вятке и Каме, вместе с устюжанами, вологжанами и галичанами проникает московская рать, а через десять лет, в 1472 году, назначается епископом игумен Филофей и присылается воеводой устюжский князь Федор Давыдович Пестрый, который и «приводит» за великого князя всю Великопермскую землю^{6.1}. Тогда-то Чердынь, упомянутая летописью еще под 1451 годом^{7.1}, и входит в состав Московского великого княжества. Вновь название города в источниках встречается под 1481 годом. В этом году Андрей Мишнев «с шилники и с устюжаны» ходил в Пермь Великую и побил «вогуличь под Чердынем»^{8.1}.

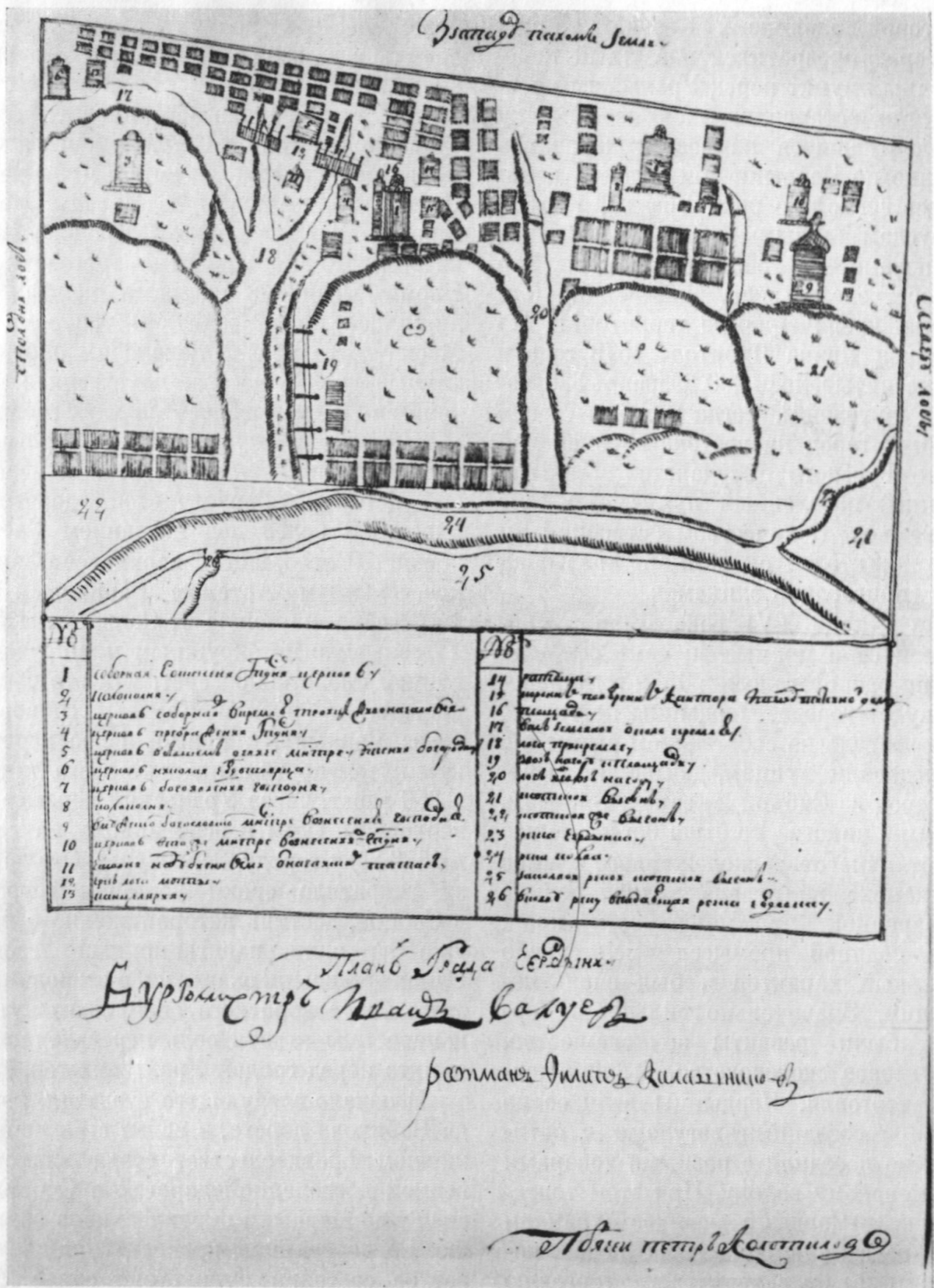
Основу Чердыни конца XV века составляла деревянная крепость, срубленная у впадения Почки в Колву князем Федором Пестрым при окончательном завоевании им Пермии в 1472 году^{9.1}. Впоследствии на ее месте выросли новые укрепления; в 1504 году «город згорел Чердынь и князь Матфей Михайлович великопермский поставил город на Почке новый» — скупно сообщил о их появлении Великоустюжский летописец^{10.1}. Тогда Чердынь была центром удельного княжества и имела призрачную самостоятельность. Каким был ее новый «город» — сказать трудно. Известно, однако, что после его появления коми-пермяцкий князь Матвей, находившийся в вассальной зависимости от великого князя, был великопермским князем очень недолго. На следующий год, как сообщает тот же источник, Иван III, проводя политику упрочения своего влияния в собранных под единым началом Москвы землях, «свел с

Великия Перми вотчича князя Матфия Михайловича», то есть полностью ликвидировал условную самостоятельность Чердыни, «а на Великую Пермь послал наместника своего князя Василия Андреевича Ковра». Первым он был от «русских князей» добавил современник^{11.1}.

В Чердынь, или Пермь Великую, Василий Ковра приехал «в неделю цветную» и почти сразу же был вынужден дать отпор вражеским силам, так как «в понедельник на страстной неделе» к Чердыни «рать пришла без вести ис Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми». Правда, города тюменцы не взяли, но «землю нижнюю извоевали» и «русаков вывели с Усолья на Каме». Это вынудило князя Василия принять ответные меры; несмотря на «полую воду», он незамедлительно послал за ними в погоню «русаков в судах», которые «в Сылве на перевозе» не только догнали, но и побили «заднюю заставу» тюменцев^{12.1}.

Позднее, уже в начале XVI века, мы находим Чердынь на высоком берегу Колвы, у впадения в нее Чердынки, в средней части современного города, на так называемой Троицкой горе. Сейчас здесь виднеются остатки земляного вала, перегораживающего большой мыс косогористого берега реки. Весьма не приступной была расположенная на нем деревянная крепость, прикрытая по сторонам глубокими оврагами. Она была срублена в 1535 году Давыдов Семеновым, сыном Курчевым, имела острожные стены, шесть башен, четверо ворот и один тайник^{13.1}. Тогда это был главный город Перми Великой. Через него из Камы по Вишере проходила единственная дорога за Камень (Уральский кряж), и он начинал играть важную роль в освоении Сибири.

Значение Чердыни сильно возросло

План города Чердыни начала XVIII в. ЦГИАЛ

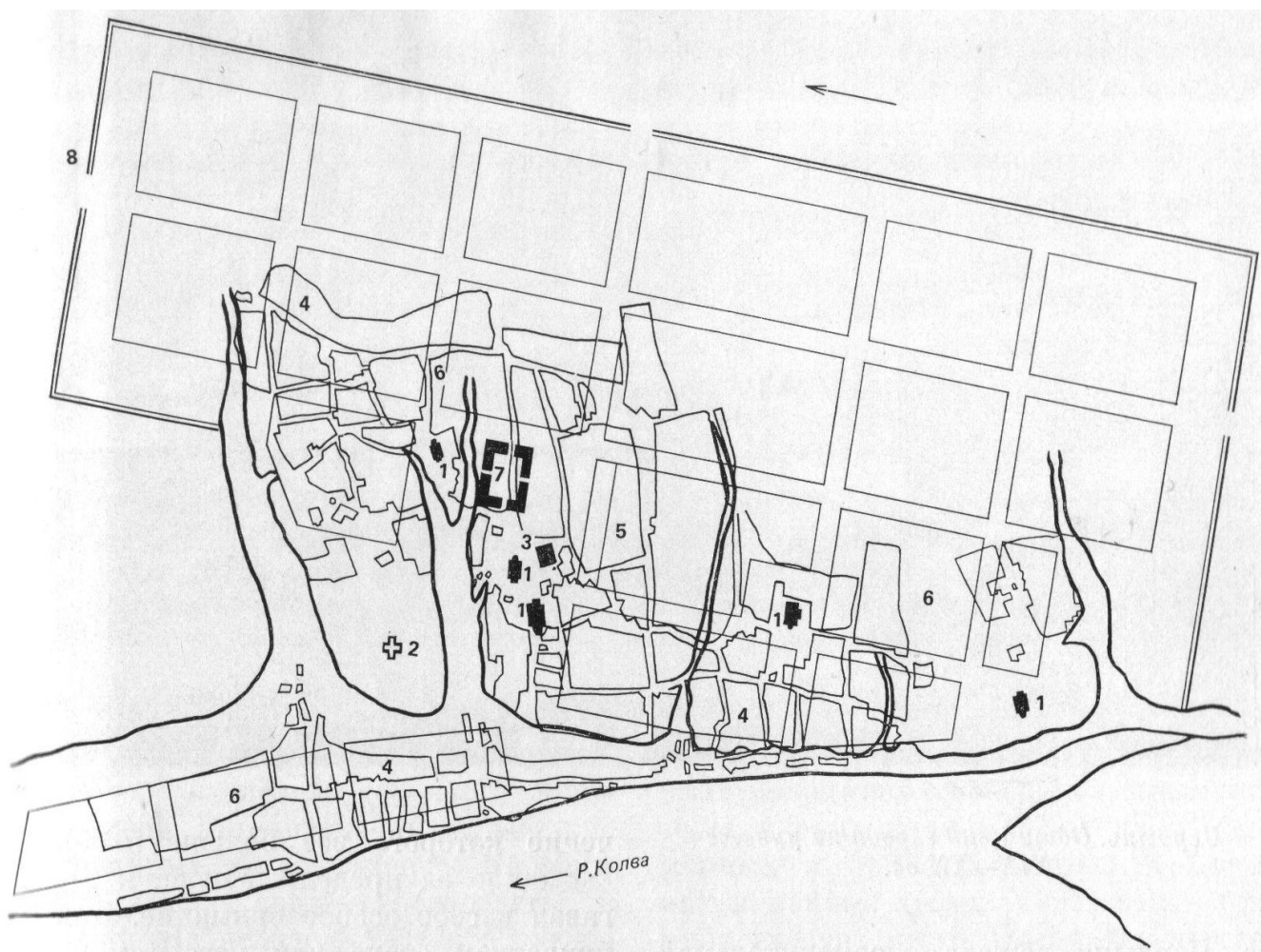
во второй половине XVI века. В то время город превратился в важный перевалочный пункт перед Уральским хребтом, где останавливались на зимовку все двигавшиеся на восток караваны. Именно из Чердыни они волоком добирались весной до реки Лозьвы, а затем по руслам Тавды и Тобола сплавливались к основанной в 1586 году Тюмени. Это способствовало росту населения Чердыни и увеличению ее территории. По переписи Ивана Яхонтова 1579 года в ней насчитывалось 290 дворов и 326 человек жителей^{14.1}. Тогда это был самый крайний город на востоке европейской части Русского государства и самый крупный населенный пункт в районе Прикамья. Количество строений и числом жителей он намного превышал свой «пригород» Соликамск.

На исходе XVI века были в Чердыни и свои промыслы; семь соляных варниц располагалось в 1579 году неподалеку от города. Чердынцы не только сбывали соль на собственном рынке, но и продавали купцам, двигавшимся через город из Сибири на запад. Впрочем, Чердынь никогда не была богата солью и в отличие от расположенного южнее Соликамска не играла видной роли в солеваренной промышленности края. Здесь соляной промысел имел сугубо локальный характер и был очень небольшим. Значительно сильнее в Чердыни были развиты земледелие, скотоводство, рыбная ловля и торговля. Чердынцы вели ее не только с соседними вогулами и остяками, но и ездили с разными товарами к Тюменскому волоку. При этом торговые люди Чердыни ревниво охраняли свои права от местничьих людей, которые пытались захватить эту торговлю в свои руки и всячески мешали другим купцам вести дела с вогулами и остяками, пока сами их не закончат. Им

даже удалось получить правительственную грамоту, запрещающую пермским наместникам и их людям вести торг с этими народами и получить особую привилегию на право торговли с Великим Устюгом, Вычегдой и Вяткой. Приезжим же людям из Москвы, Новгорода, Твери и других городов было категорически запрещено торговать в Перми Великой, но сами чердынцы лишились права ездить с товарами в Москву. Это хотя и давало им определенные преимущества, но стесняло их действия и сказывалось на росте города.

На дальнейшую судьбу Чердыни сильно повлияло также открытие новой «государевой Верхотурской дороги», известной более под названием Бабиновой. Разведанная верхнеусольским крестьянином Артемом Бабиновым в 1595 году, она пошла от Соликамска на Тюмень уже не окружным маршрутом, длиной около 2000 верст, как это было раньше, по руслам Камы и Вишеры через Чердынь, а прямо, более коротким путем протяженностью всего лишь в 250 верст, через Уральский перевал к верховьям Туры и основанному на ней в 1598 году городу Верхотурье. Это сразу сократило сроки доставки грузов в Сибирь, достичь которой можно было уже за один навигационный сезон. Однако Чердынь оказалась в стороне от этого более короткого сибирского пути и перестала играть роль перевалочного пункта перед грядой Уральских гор.

В начале следующего столетия, когда Бабинова дорога, в связи с распоряжением правительства, стала единственной дозволенной дорогой в Сибирь, значение Чердыни снизилось еще больше. Ее деревянная крепость пришла в ветхое состояние^{15.1}, пустеют ранее обжитые дома, сокращается количество чердынских торговых людей. И хотя по Писцовой книге Михаила Кайсарова в

городе в 1624 году насчитывалось 275 дворов и 309 человек жителей^{16.1}, его дальнейший рост был приостановлен. Позднее, в 1636 году, когда Чердынь перестала получать воевод и административно подчинилась возвысившемуся Соликамску, ее размеры быстро сокращаются. Уменьшению города способствовал и грандиозный пожар 1638 года, уничтоживший его церкви, 99 лучших дворов, 5 дворов бобыльских и все торговые лавки. Это было страшное бедствие для города, уже приходившего в упадок.

Положение изменилось после 1640 года, когда вблизи Чердыни начал работать металлургический завод. Однако восстание посадских людей в 1648 году

Проект перепланировки города Чердыни второй половины XIX в. ЦГВИА

- 1 — каменные церкви; 2 — деревянные церкви; 3 — винный магазин; 4 — обывательское строение;
- 5 — присутственные места;
- 6 — вновь проектируемая застройка;
- 7 — гостиный двор; 8 — ров и вал

вновь накладывает отпечаток на развитие города. В то время Чердынь и Чердынский уезд становятся районом производства древесных строительных материалов. Чердынцы сплавляют лес по Колве, Вишере, Каме и Волге, торгуя им в Казани, занимаются выделкой деревянных изделий, сбыт которых неуклонно возрастает к концу столетия.

Немалой известностью пользовались в ту пору и чердынские плотники. Чуть ли не на протяжении всего XVII века

Чердынь. Общий вид города на рубеже XIX—XX вв.

на Чердыни лежала обременительная повинность ежегодно посылать плотников в Верхотурье, где они вместе с плотниками Устюга Великого, Соли Вычегодской и других приморских городов использовались на постройке судов, развозивших хлеб по Сибири.

Одновременно чердынские плотники трудились и в своем городе. Они строили избы местных жителей с просторными сенями по сторонам горниц, рубили амбары и другие хозяйственные постройки. Приходилось им возводить и деревянные церкви. Новый Воскресенский собор, срубленный ими в 1700 году^{17.1}, пользовался таким же уважением горожан, как и более старый, сгоревший годом раньше. Однако в целом жизнь чердынцев протекала уже в лоне быстро процветавшего Соликамска. Именно Соликамск, экономическое зна-

чение которого все больше и больше выходило за пределы Урала, и притягивал к себе особое внимание. Как бы придатком стала для него и то время Чердынь. И не случайно, что по переписи князя Солнцева в ней в 1722 году, в пору экономического процветания Прикамья и роста быстро набравшего силу Усолья, насчитывалось всего лишь 817 душ населения. Правда, в середине и второй половине столетия в Чердыни строятся новые каменные храмы, оказывающие влияние на ее архитектурно-художественный облик, но плановая структура города остается прежней. Кривые улицы, тяготеющие к берегу Колвы, и неправильные, разной величины и формы кварталы, застроенные деревянными домами обывателей, — вот самая общая характеристика плановой структуры Чердыни середины XVIII века.

Только во второй половине столетия, уже после правительственного указа

1763 года о «сделании» всем губернским городам новых планов, на старую сетку улиц Чердыни была наложена новая, геометрически четкая, а его планировка стала постепенно упорядочиваться. Тогда же (1783) был утвержден и городской герб (лось на серебряном фоне). Но, несмотря на это, Чердынь и в конце XVIII века оставалась небольшим провинциальным городком. Ее дальнейшему упадку способствовал грандиозный пожар 1792 года, во время которого выгорел почти весь город. Огнем были повреждены четыре его каминных храма, сгорел Троицкий собор в старом кремле, все приходские рубленые церкви и более 100 дворов жителей. В огне пожара, «растопившего» даже двухсотпудовый соборный колокол, погибли и некоторые чердынцы. В городе уцелело только 35 домов и мужской Богоявленский монастырь, стоявший на его окраине^{18.1}. Это обусловило вскоре новое строительство в Чердыни. На исходе XVIII и в начале XIX века она застраивалась уже на основе регулярной планировки и наряду с деревянными начала получать и каменные двухэтажные жилые дома, которые выстраиваются в одну

линию вдоль новых, четко разбитых тогда улиц. При этом чердынцы строят их не так, как старые, а уподобляют домам чиновников, меняя планировку, увеличивая число комнат, по-новому расставляя в них мебель и украшают главные помещения большим количеством богато убранных икон^{19.1}.

Подобного рода каменные и, особенно, деревянные дома возводились в Чердыни и позднее, однако в целом город сохранял уже тот облик, который он приобрел после пожара 1792 года. Правда, позднее в Чердыни появилось шесть кожевенных заводов, оказавших влияние на ее развитие, а в 1857 году было построено даже здание торговых рядов, но город по-прежнему считался «медвежьим углом» России и оставался очень небольшим. В нем в 1861 году было менее трех с половиной тысяч жителей и всего лишь 602 здания (33 каменных и 569 деревянных)^{20.1}. Среди них каменные храмы XVIII века занимали главное место. Отличаясь простотой архитектурных форм и скромностью внешнего художественного облика, они и сейчас служат прекрасным украшением Чердыни, придавая ей неповторимый колорит.

2. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА

Современная Чердынь насчитывает несколько тысяч жителей. Это небольшой город с сеткой перпендикулярных улиц, застроенных двухэтажными деревянными и каменными домами. Словноobelisks поднимаются над их крышами старинные храмы. Их немного, но все они определяют художественный облик города.

Самая старая постройка Чердыни — Иоанно-Богословская церковь 1718 года. Она стоит рядом с глубоким оврагом, у кромки берегового откоса, круто ухо-

дящего в речную долину. Когда-то здесь была окраина города и располагался монастырь Иоанна Богослова, еще в 1580 году получивший привилегии от Ивана Грозного^{21.1}. Тогда это была самая древняя обитель на Урале. В 1631 году монастырь был приписан к Троице-Сергиевой лавре под Москвой. В пожар 1700 года два его деревянных храма сгорели. Существующая каменная церковь, окруженная простой железной оградой с кирпичными столбами и трехпролетными воротами, встала на

*Чердынь. Иоанно-Богословская церковь.
Общий вид*

их место. Грамота на ее постройку была выдана Вятским и Великопермским архиепископом Дионисием монастырскому игумену Григорию в марте 1717 года. Она предписывала готовить на строительство церкви «камень и кирпич, известь и лес и всякие припасы», требовала, чтобы церковь была не шатровой, а с одной, тремя или пятью главами, с круглым и светлым алтарем, и указывала, чтобы она возводилась «по чину правильного и уставного законоположения, как о сем правила и устав повелевают»^{22.1}. Так и выстроили ее безвестные каменщики, выдержав и «правила и устав». Ими руководил «прикащик» Лев Колотиллов, а за работой наблюдал выборный Иван

Ветошев. Заказчиком церкви был сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин, проехавший через город несколькими годами раньше (1705). Он же прислал на ее строительство пленных шведов, сосланных в Прикамье Петром I после Полтавской битвы 1709 года^{23.1}. Церковь Иоанна Богослова небольшая, кирпичная, под четырехскатной железной кровлей. Выстроена она вытянутым четвериком, в нижней части которого размещен зимний храм, а в верхней — двухсветный, летний. С востока к четверику примыкает высокая полуцилиндрическая апсида, а с запада — равная ей по высоте трапезная с более низким притвором. Первоначально четверик храма окружала сводчатая галерея, разобранный в конце XVIII — начале XIX века^{24.1}.

Крайне незамысловата декоративная обработка церкви. По углам ее объемы снабжены слабо выявленной рустовкой. Крупными пятнами смотрятся на фоне побеленных известью стен храма большие прямоугольные окна. В нижней части четверика они снабжены чуть выступающими наличниками с сильно приподнятыми закруглениями, заменяющими фронтоны, а вверху — обведены чуть выступающими рампами без венчающих полукружий. Богатством усложненных барочных завершений выделяются наличники нижних окон апсиды да тех световых проемов верхней части четверика, на месте которых в прошлом размещались двери, выведившие на окружающую храм галерею.

Не слишком большой вынос имеют и карнизы постройки. Сделанные напуском кирпичной кладки, они снабжены еще и частой лентой сухариков,

охватывающей ее основные объемы. Над карнизами трапезной и апсиды возвышаются небольшие глухие «аттики», видимо, более позднего происхождения, которые как бы вторят такому же «аттике» четверика, узкое поле которого украшено еле приметными полукружиями, имитирующими закомары.

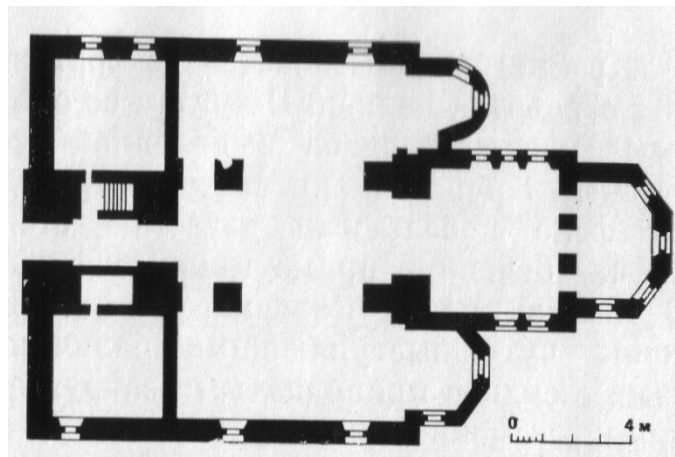
Интерес вызывает небольшая восьмигранная колокольня церкви Иоанна Богослова, поставленная на сомкнутый свод четверика. Именно она выделяет церковь из среды всех других памятников архитектуры близлежащих районов. Ее расположение над кровлей сооружения сближает композицию церкви Иоанна Богослова с московскими многоярусными центрическими храмами конца XVII века. В прошлом между арочными проемами колокольни

Чердынь. Воскресенский собор, колокольня и церковь Преображения. Общий вид

Чердынь. Воскресенский собор. Вид с южной стороны

Чердынь. Воскресенский собор. План. Обмер студентов САрХИ

Иоанно-Богословской церкви, парапетные стенки которых украшены декоративными балясинами, висели специально отлитые для нее колокола. Чуть ли не с любого конца Чердыни видна луковичная главка этого храма, граненый барабан которой встал на свод колокольни.

Сложностью архитектурных форм не отличается и Воскресенский собор Чердыни, стоящий в центре древней части города, поблизости от глубокого, выходящего к Колве оврага. Он сравнительно небольшой, в виде простого двухсветного кубовидного четверика с низкой граненой апсидой и приподнятыми вверх широкими полукружиями на фасадах. Существенно отличается

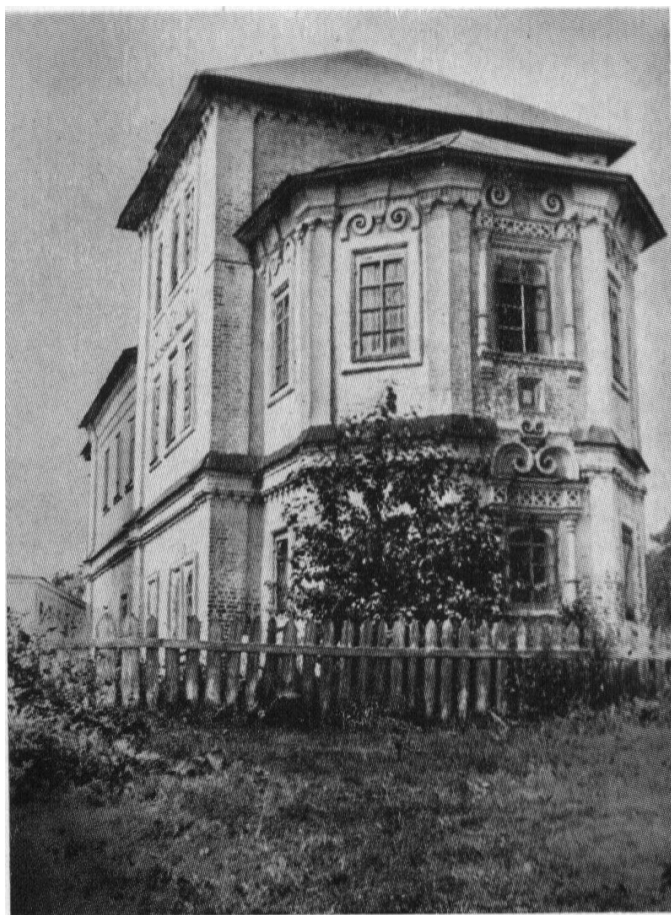
этот собор от церкви Иоанна Богослова. Выстроен он в 1750—1754 годах взамен обветшавшей деревянной церкви, вставшей, в свою очередь, на место более древней^{25.1}, сгоревшей в пожар 1700 года. Подобных ему нет в районе. Отличающийся предельной скромностью и отсутствием каких-либо пышных декоративных деталей, он зримо характеризует тяготение чердынцев к простым и ясным архитектурным формам. Только живописное пятиглавие служит собору украшением. Торжественно возвышаются его железные луковичные маковицы над кровлей. Барабаны угловых глав стоят на глухих кубовидных постаментах; основанием барабана центральной главы служит чуть приземистый световой восьмерик, поставленный на своды четверика.

Два придела и трапезная Воскресенского собора выстроены взамен обветшавших в 1911 году по проекту гражданского инженера И. К. Бакарева.

Словно гигантский обелиск взметнулась ввысь приставленная им к трапезной высокая колокольня. Кирпичная, столповидная, в три убывающих кверху восьмигранных яруса с полуколоннами и пилястрами на углах, с широкими арочными проемами звона, треугольными фронтонами над ними, имитиру-

ющими кокошники, и с небольшой луковичной главкой на тонкой шейке, она занимает в силуэте города господствующее положение. Представить Чердынь без этой вертикали невозможно. Видимая с окраин, она давно стала ее главной архитектурной доминантой.

Немалую роль в художественном облике города играет также Успенская церковь, стоящая к юго-западу от Воскресенского собора. Выстроена эта церковь не ранее чем в середине XVIII века. От других храмов города она отличается пышностью и нарядностью. Это традиционный, чуть вытянутый четверик с высокой пятигранной апсидой и обширной трапезной. Уступчатый междуэтажный карниз с частыми фигурными кронштейнами, характерными для многих других памятников архитектуры Прикамья, четко отделяет нижнюю теплую часть храма от верхней холодной. Широкие лопатки на углах как бы подчеркивают его вертикальную устремленность. Красиво разместились между ними плоские контурные наличники уверенно посаженных окон. Внизу они простые, рамочные, чуть выступающие за плоскость стены, а вверху — снабжены еще и скромными, повернутыми один к другому спиральными волютными завитками, не чуждыми и другим церковным постройкам района. Особенно выделяются наличники осевых окон алтарной части, это уже не рамки с простыми спиралями наверху, а богатые ордерные обрамления с коринфскими полуколонками, перехваченными тонкими валиками, с выносными опорными кронштейнами, с широкими рисунчатыми антаблементами и разными по форме нарочными волютными то сходящимися, то расходящимися спиралями, энергично прорывающими расположенные выше карнизы.

Чердынь. Успенская церковь. Общий вид

Колоритными пятнами, бросающими широкую причудливую тень, смотрятся на фоне кирпичной кладки стен эти затейливые детали. Также выложенные из кирпича, они придают церкви Успения какую-то особую привлекательность.

Большой интерес вызывают и 12 огромных деревянных хлебных амбаров древней Чердыни. Это крупные хозяйственные постройки второй половины XIX века. Таких в пределах Верхней Камы сохранилось немного. В свое время они принадлежали чердынскому купцу первой гильдии В. Н. Алину — тому самому, который, как говорилось выше, разбогател на скупке и переливке находимого населением Верхнего Прикамья сасанидского серебра.

*Чердынь. Успенская церковь.
Центральное окно апсиды*

Длинной цепочкой вытянулись один за другим некогда принадлежавшие И. Н. Алину, амбары у подошвы крутого откоса речного берега. Со стороны города этих амбаров не видно. Их потемневшие от времени срубы с двускатными крышами со стороны воды опираются на массивные «стулья» — толстые, глубоко забитые в землю бревенчатые стойки. Длина срубов 10, ширина 6 и высота 4 м. Их верхние части снабжены либо повалами, либо подшивными карнизами. Под карнизами в продольных стенах амбаров прорезаны небольшие волоковые окна, предназна-

ченные не столько для проникновения света, сколько для проветривания. В средней части стены, обращенной к реке, каждый сруб имеет широкую дверь. Через эти двери с речных баркасов и барж до сих пор производится загрузка амбаров. Предельно простые, они кажутся одинаковыми, но каждый из них индивидуален. Рассматривая их, невольно представляешь себе город того времени, когда он был сплошь деревянным, а над его добротными жилыми и хозяйственными постройками возвышались не каменные, как сейчас, храмы, а шатры высоких давным-давно сгоревших деревянных церквей. Тогда облик Чердыни был, очевидно, еще более острым и выразительным.

*Чердынь. Хлебные амбары
второй половины XIX в.*

3. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ БЛИЖНИХ СЕЛ

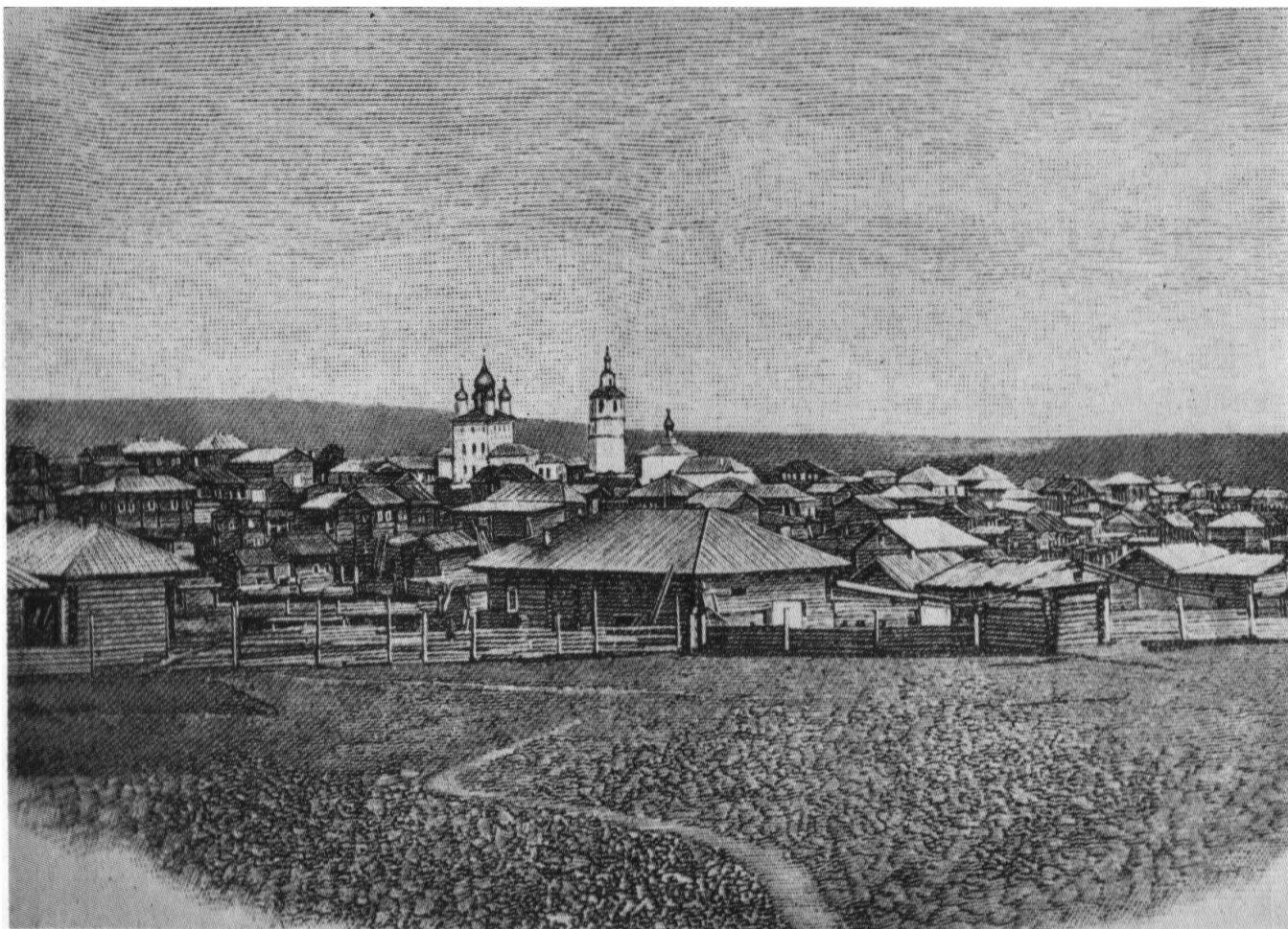
С древней Чердыню связаны (изредка вальмовыми) дощатыми селения, среди которых своими крышами и всем своим видом говорили древними постройками славятся о суровых климатических условиях Ныроб, Пянтег (Пентек, Пянтежское) и Приуралья. Некоторые из таких домов Янидор (Енидор). сохранились до нашего времени.

Основная их масса была выстроена Ныроб расположен в пятидесяти километрах к северу от города, в еще в прошлом столетии.

Первое известие о Ныробе окружении глухих, изобилующих пушным зверем лесов и топких болот. относится к 1579 году. Тогда в нем было всего лишь шесть крестьянских дворов. Только дорога, проходившая еще совсем недавно в этом поселке насчитывалось всего лишь 150 дворов^{26.1}. Их деревянные дома с через Чердынь в Сибирь, оставленная хозяйственными строениями свободно в связи с открытием Бабинова тракта в конце XVI века, давала жизнь этому располагались в небольшой ложбине крохотному населенному пункту.

В начале XVII века размеры Ныроба немного увеличились. В 1624 году это был уже погост, состоявший из восьми крестьянских дворов, между которыми возвышалась деревянная рубленые в обло из толстых бревен, без каких-либо декоративных деталей, они стояли на высоких подклетах, были покрыты двускатными

Ныроб. Общий вид селения. Гравюра XIX в.

Ныроб. Жилой дом XIX в. Не сохранился

Ныроб. Жилой дом второй половины XIX

*Ныроб. Церковный комплекс.
Снимок конца XIX в.*

клетская Никольская церковь с шатровым верхом. Две мельницы, принадлежавшие жителям погоста, находились на речке Лильве.

Среди жителей Ныроба сохранилась память о каменной часовне, стоявшей некогда на берегу реки. Место расположения часовни уже забыто, но известно, что на ее стене имелась сделанная вязью надпись, текст которой рассказывал, что в 1601 году был прислан «из Москвы от царя Бориса Годунова в Пермь Великую, в Чердынский уезд, в погост Ныроб в заточение... боярин

Михаил Никитич Романов, святейшему патриарху Филарету Никитичу брат родной»^{27.1}. В надписи отмечалось, что Михаил Романов сидел в землянке, на месте которой впоследствии была поставлена деревянная часовня. В 1793 году по указу Екатерины II «тщанием и коштом» волостных крестьян и «усердным старанием» крестьянина Михаила Денисовича Пономарева эта часовня была заменена каменной. Согласно преданию, Михаила Романова, мешавшего Борису Годунову, привезли в Ныроб зимой, под конвоем, в кандалах и поместили в крытую досками яму, куда дети местных жителей тайком приносили узнику съестные припасы^{28.1}.

Для нас интересна, конечно, не история строительства церкви мастерами, обросшая вымыслами история «неизвестно кем нанятыми, неизвестно откуда пришедшими», но присланными будто бы родственниками Годунова. К этому народная фантазия добавила, что церковь возводилась без лесов и подъемных механизмов, и то, что делалось днем, за ночь уходило в землю. Поэтому каждый раз кладка велась от уровня земли. Когда же работы были закончены, церковь «вышла» на поверхность, а ее мастера скрылись неизвестно куда, не получив даже денег за работу.

Привлекает внимание каменная холодная Никольская церковь Ныроба (реставрирована в 1962 г. архитектором Г.Л. Кацко), связанная с преданием о Михаиле Романове. Она построена в 1704 - 1705 годах^{30.1} на месте деревянной, срубленной в 1619 году по распоряжению царя Михаила Федоровича. Легенда рассказывает, что Никольская

По своему типу Никольская церковь принадлежит к числу бесстолпных одноапсидных пятиглавых храмов, ка-

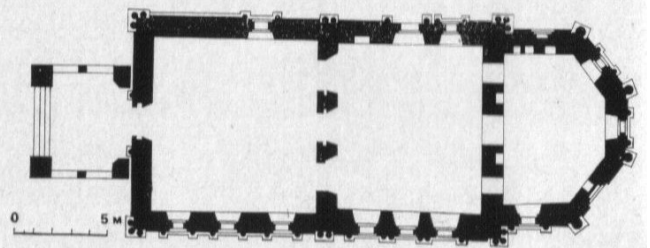
*Ныроб. Никольская церковь и колокольня.
Гравюра Ю. Шюблева. XIX в.*

Ныроб. Никольская церковь. Общий вид

*Ныроб. Никольская церковь. План.
Обмер ПСНРПМ*

ких немало в церковном зодчестве Прикамья конца XVII — начала XVIII века. Она сложена из большемерного кирпича, перекрыта сомкнутым сводом, на внутренних плоскостях которого в виде неглубоких ниш выложены крупные кресты с голгофами, и снабжена

обширной сводчатой трапезной с распалубками над окнами. В свое время это было самое монументальное сооружение древнего поселка. Внимание зрителя Никольская церковь привлекает незамысловатостью объемно-пространственной композиции

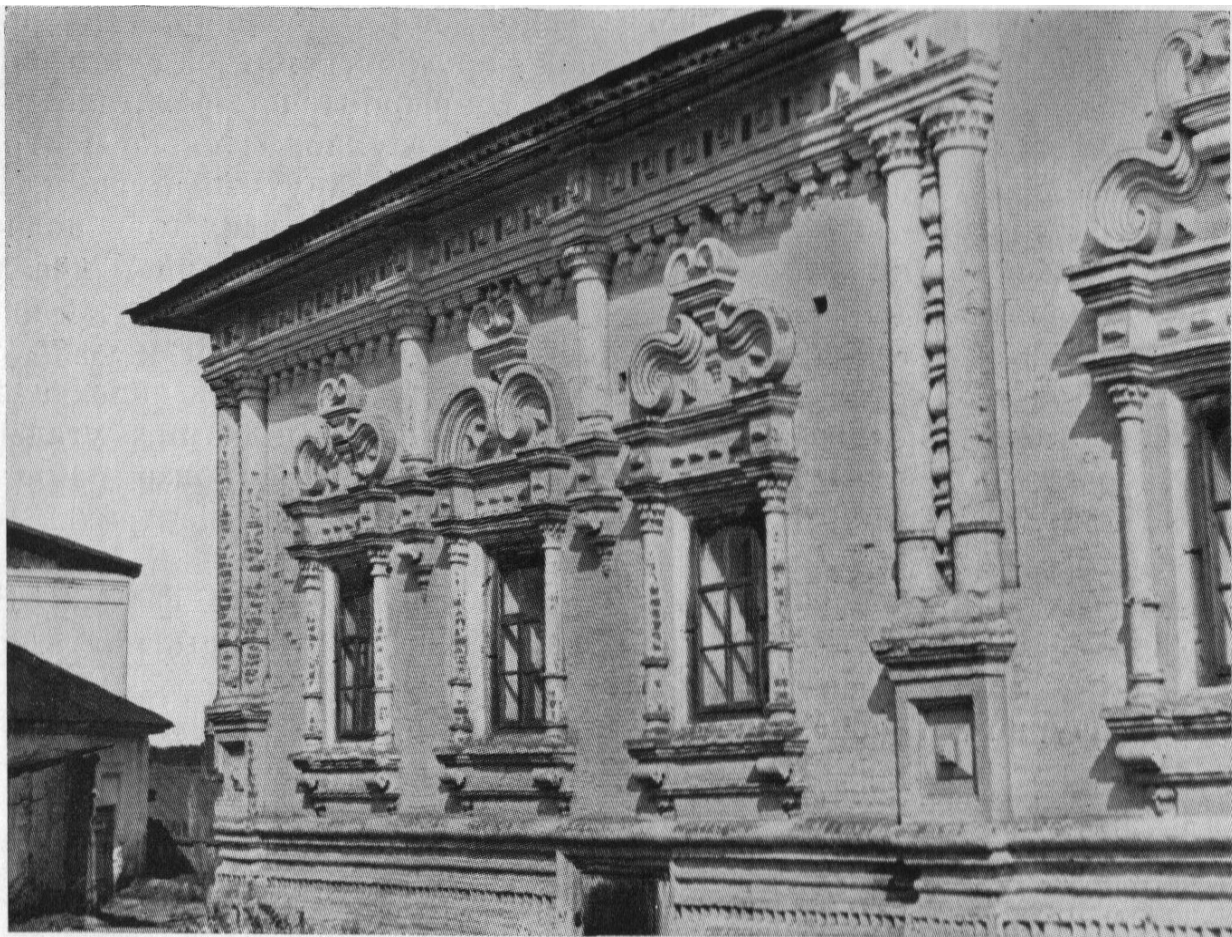
и богатством декоративного убранства. Фасады ее сильно вытянутого двухсветного четверика скреплены по сторонам двойными, как бы накладными и поставленными одна на другую полуколонками, упирающимися в широкий фриз с квадратными ширинками. Такие же, но уже одинарные и как бы повисшие в воздухе полуколонки, членят верхние части фасадов на равные доли, где разместились широкие прямоугольные окна, обрамленные колончатыми, богато профилированными наличниками. Над фризом из фигурных ширинок, характерных для зодчества Прикамья, расположены крупные декоративные закомары. Их пышная обработка кажется вычурной и даже тяжело-

весной, но пять больших глав, поднятых над кровлей, смягчают это впечатление. Барабаны четырех глав по обыкновению глухие, и только центральный прорезан вытянутыми окнами. В обработке барабанов этих глав подвесными уступчатыми консолями и небольшими декоративными арками с их висячими накладными гирьками и довольно толстыми полуколонками, перехваченными дольчатыми дыньками, угадываются формы, присущие более ранним церковным постройкам центральных районов страны.

В архитектурных формах Никольского храма проглядывают и местные

Ныроб. Никольская церковь. Апсида

Ныроб. Никольская церковь. Трапезная

*Ныроб. Никольская церковь.
Карниз четверика*

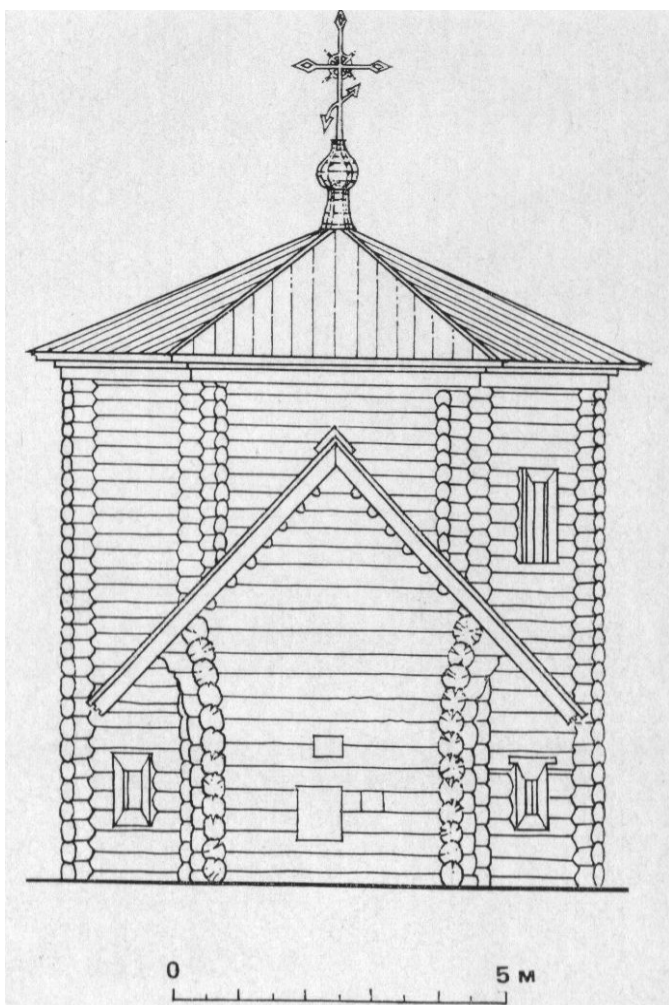

Пянтег. Церковь Богоявления. Вид с севера

особенности. Их можно усмотреть и в обработке граней апсиды, снабженной по углам еще более «полными» колонками с капителями и квадратными постаментами, и в декоративной отделке трапезной, усложненные, сильно профилированные наличники которой перекликаются с наличниками световых проемов алтаря и основного объема. Однако пышная обработка фасадных плоскостей сооружения не скрыла его геометрической четкости и тектонической ясности. Не расплылась постройка и в какую-то бесформенную аморфную массу. За богатой игрой чуть грубоватых декоративных форм уверенно выступает его конструктивная основа, четко читаются простые и незамысло-

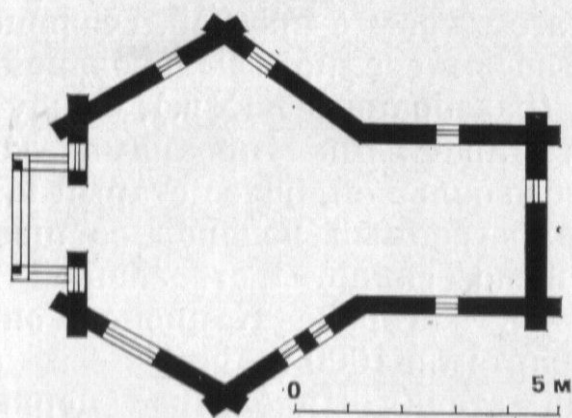
ватые объемы. Прекрасно контрастировал этот храм с простой, стоявшей рядом восьмигранной колокольней 1736 года (разобрана в XIX в.), между широкими арочными проемами которой висел небольшой, более старый и, видимо, дарственный колокол со шведской надписью, свидетельствующей о его отливке в городе Кампене Генрихом Вегевартом в 1600 году.

На стенах Никольской церкви сохранились фрагменты подновлявшейся масляной живописи, созданной Михаилом Базановым в 1722—1725 годах^{31.1}. Тематика росписи — страдания Христа и сюжеты из Апокалипсиса. Особенно

*Пянтег. Церковь Богоявления. План.
По И. Маковецкому*

*Пянтег. Церковь Богоявления.
Восточный фасад. По И. Маковецкому*

левой ноги и поднятым крестом в правой руке. В сказании о жизни этого святого говорится о его соблазнительной красоте. Поэтому Христофор просил бога изменить его внешность. Молитва была услышана, и с тех пор его стали видеть в облике человека с собачьей головой. Особенно почитавшийся на севере как избавитель от моровых поветрий, Христофор был для чердынцев помощником звероловов и покровителем собак.

* *
*

Большое село Пянтег, расположенное на левом берегу широкой Камы, в сорока километрах к югу от Чердыни, — самый древний населенный пункт края. Предполагается даже, что это далекий предшественник города, как бы его первооснова. Однако первое достоверное известие о Пянтеге относится лишь к 1579 году. Тогда это был довольно крупный погост, в котором в 1623 году суще ствовало 22 крестьянских двора и одна деревянная клетская церковь Ильи Пророка^{32.1}.

Сейчас в Пянтеге имеются две церкви — каменная Ильи Пророка и деревянная Богоявленская (в литературе именуется иногда Богородицкой).

Каменная церковь Ильи Пророка выстроена в XIX веке. Она стоит на том месте, где в начале XVII века возвышался одноименный деревянный клетский храм, сгоревший в 1768 году.

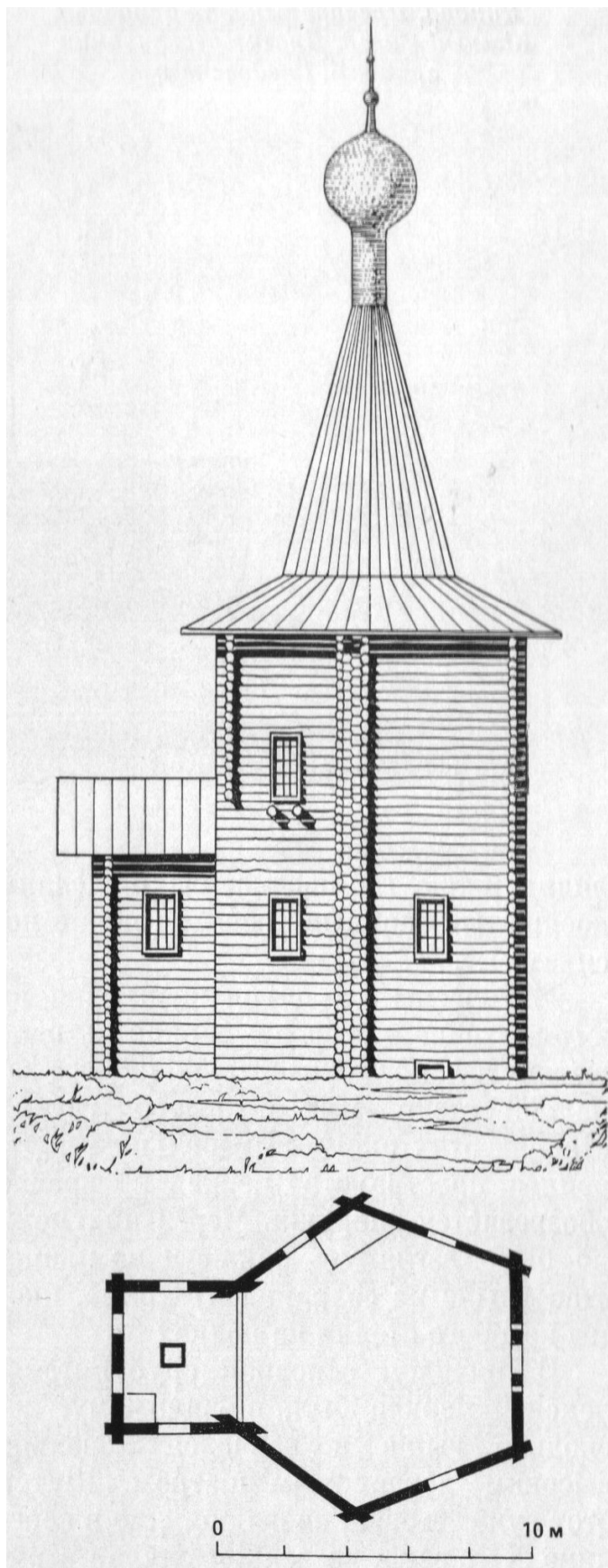
Время постройки деревянной церкви Богоявления неизвестно. Обыкновенно ее датируют рубежом XV — XVI веков^{33.1} либо просто относят к XVI веку. При этом считается, что отсутствие указаний на существование в Пянтеге церкви Богоявления даже в источниках XVII века обусловлено тем, что она издавна относилась местным населением к числу часовен, а ча-

интересно изображение Христофора с собачьей головой, окруженной венцом. Христофор написан в рост, в одеянии римского воина, с опущенным мечом у

совни, как известно, в описях селений никогда не учитывались^{34.1}.

По своему характеру пянтежская церковь Богоявления предельно проста и выразительна. Это высокий, шестигранный в плане храм, величаво поднявшийся вверх прямо с уровня земли. Снабженный с восточной стороны прямоугольным алтарным прирубом, а с западной — небольшим, явно пристроенным впоследствии крыльцом, он всем своим видом напоминает сторожевую башню. Таких храмов нет больше в древнерусском деревянном зодчестве. Стоит он перед длинной шеренгой сельских строений в излучине реки Камы. Рядом с ним группа могучих кедров, которые жители Пянтега относят к остаткам некогда существовавшей здесь «священной» рощи, а вдали — величественная панорама бескрайних водных просторов реки с заливными лугами противоположного берега и беспечными таежными лесами, спускающимися к речному руслу с предгорий Урала. Живописность этой красивой панорамы усиливается крутизной откосов холма, на котором стоит церковь, и ребристыми струйками холодной воды подземных ключей, бьющих у его подошвы.

Ничем не проконопаченные, стены Богоявленской церкви рублены в углах с остатком из сосновых бревен. Ее высокий шестерик покрыт полой дощатой крышей на шесть скатов и венчается маленькой луковичной главкой на тонкой шейке. Алтарный прируб снабжен спокойным повалом и накрыт крутой, сильно нависающей над стенами дощатой кровлей на два ската. В восточной стене прируба существуют два волоковых окна, сохранивших свои задвижные доски. Такие же окна имеются и в западной стене шестерика у входной двери. Пазы волоковых окон

*Пянтег. Церковь Богоявления.
По Ф. Волегову*

*Янидор. Преображенская церковь.
Южный фасад. Проект реставрации
архит. Б. Гнедовского*

видны и там, где позднее были сделаны косячатые оконные проемы (окна с косяками).

Интересны два спаренных окна на юго-восточной стороне церкви и одно вытянутое по горизонтали на юго-западной стене. При открытых глухих ставнях этих окон все небольшое внутреннее пространство церкви прекрасно обзревается снаружи. Через них можно было взглянуть также и на иконостас (ныне не сохранился) храма, иконы которого стояли на полках^{35.1}.

В прошлом основной сруб Богоявленской церкви был, по-видимому, несколько выше и венчался довольно высоким деревянным шатром. Шатер этот существовал, очевидно, еще в середине XIX века, во всяком случае в рукописи 1850 года, переданной Ф. Волеговым в начале нынешнего столетия в Пермский музей, сообщается, что тогда под церковь, находившейся уже в вет-

хом состоянии, существовала кладовая, а сама она завершалась шатровой кровлей^{36.1}.

С шатром Богоявленский храм изображен и на чертеже, приложенном к статье Ф. А. Волегова. Его обрубленный центральный столб до сих пор существует на чердаке шестерика. Сейчас он поддерживает главу и крест церкви. На нем имеются глубокие пазы, куда раньше входили раскосы, крепившие его к срубу. Кроме того, здесь же, на чердаке почти горизонтально лежит лестница, сделанная из тяжелых брусьев. В прошлом она, безусловно, давала возможность подняться к венчавшей шатер главке.

Интересно, что в верхней части шестигранного сруба церкви существуют никуда не ведущая дверь и остатки выносной площадки. Кроме того, в бревнах северо-западной и юго-западной стен шестерика имеются вырублен-

Янидор. Преображенская церковь.
Северный фасад. Проект реставрации
архит. Б. Гнедовского

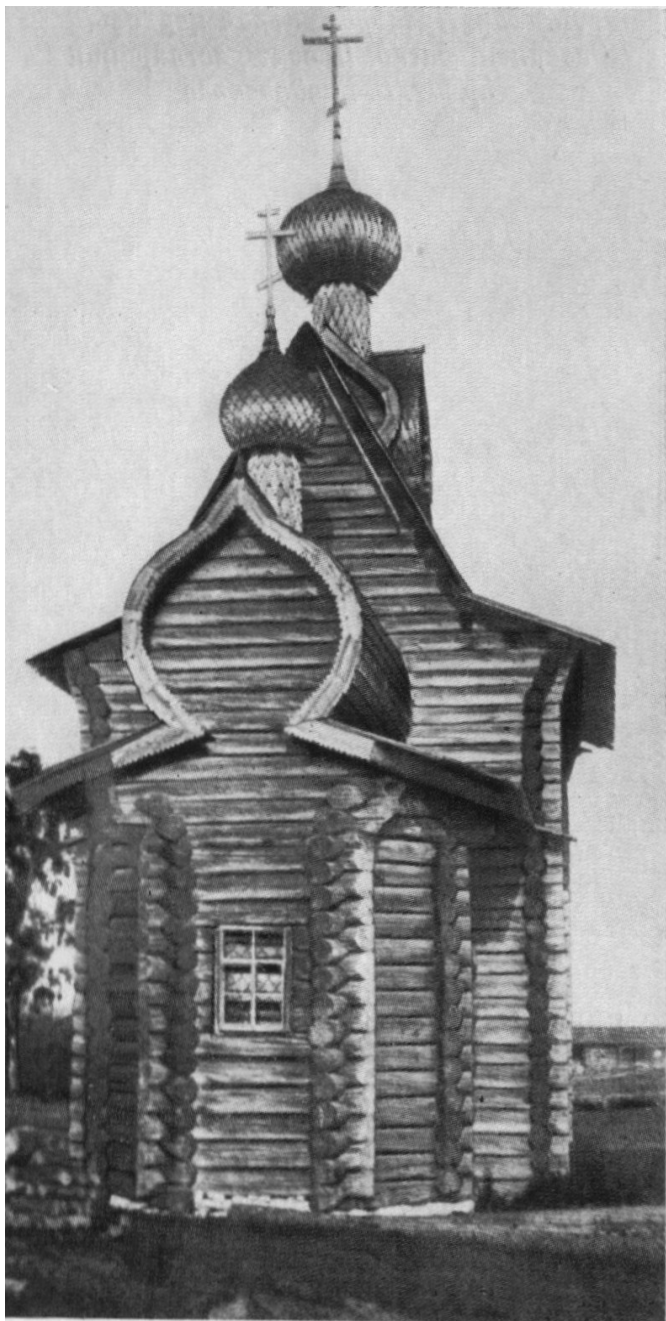
ные пазы и гнезда, свидетельствующие о примыкании к ним каких-то пристроек. Некоторые исследователи склонны думать, что это следы древнего крыльца с двускатной кровлей и галереи, окружавшей церковь с трех сторон^{37.1}. Другие же, основываясь на крайне необычной форме плана церкви, известной лишь по крепостным башням^{38.1}, и следах несохранившихся пристроек, склонны думать, что в Пянтеге, на высоком берегу далеко обозримой Камы стоит не столько церковь, сколько приспособленная под церковь угловая крепостная башня, к двум противоположным граням которой когда-то примыкали прясла рубленых стен^{39.1}. Бесспорно, однако, что существующая ныне в селе Пянтег деревянная башнеобразная церковь Богоявления является самой древней культовой постройкой на Верхней Каме. Это уникальный памятник деревянного зодчества, не знающий се-

бе подобных во всей древнерусской архитектуре.

* *

*

Янидор — тоже весьма крупное колхозное село Чердынского района. Расположено это село в глубине таежных лесов, в тридцати шести километрах к северу от города. Его возникновение дореволюционные историки относили ко времени княжения Михаила^{40.1}, но указание на такое время появления села является, пожалуй, слишком осторожным. Во всяком случае данные топонимики говорят о существовании в Янидоре языческого капища, на месте которого во времена активной христианизации края встала православная церковь. Возможно, что именно о ней и упомянул историк И. Кривошеков, когда писал, что в Янидоре еще недавно «была древняя курная (? — В. К.) деревянная церковь», разобранный лишь в 1899 году^{41.1}.

*Янидор. Преображенская церковь.
Вид с востока до реставрации
Фото А. Каптикова*

В пользу более древнего происхождения села говорят также болгарские и арабские монеты XI—XII веков, найденные не так давно на его окраинах, в урочищах Матныб и Шуныч, где до сих пор существуют невысокие холмы-курганы.

Когда-то через Янидор из Прикамья шла дорога на север. В одном направлении купцы везли по ней соль, хлеб, ткани и изделия из металла, а в дру-

гом — меха, дичь, кожи. Для них Янидор становился последним населенным пунктом перед длинным путем. Тогда это был большой и многолюдный погост, расположенный «на родниках», в одной версте от того места, где река Сыпана впадает в Пильву. Возвращаясь в него из дальних путешествий, купцы заказывали в Янидорской церкви благодарственные молебны.

Деревянная Преображенская церковь Янидора (реставрирована в 1965 г. архитектором Б. В. Гнедовским) возвышается в центре современного села. Низкие деревянные постройки сельских жителей как бы расступились перед ней, образовав вокруг большую свободную площадь. В прошлом здесь происходили сельские сходы, решались насущные вопросы местной общины.

К сожалению, каких-либо документальных свидетельств о времени постройки церкви Преображения не сохранилось. И. Кривошеков упоминает о ней как о «старой», освященной в 1707 году^{42.1}. Видимо, в связи с этим ее и датируют 1702 годом^{43.1}. Это прекрасный образец клетского храма, высокий четырехстенный сруб которого с нависающими повалами покрыт двускатной клинчатой кровлей с широкими полками. Стоит церковь Преображения на высоком подклете, где в прошлом, как рассказывают местные старожилы, хранилась драгоценная пушнина. Ее стены, рубленные в углах с остатком, сложены из крупных бревен. Они уложены так плотно, что конопатить пазы между ними не было никакой необходимости. Также срублены пятистенная апсида церкви и ее трапезная. С западной и северной сторон трапезная охвачена галереей, восстановленной по следам и остаткам. Все скаты кровли галереи, трапезной и самого храма покрыты те-

*Янидор. Преображенская церковь.
Фрагмент верхней части. Фото А.Каптикова*

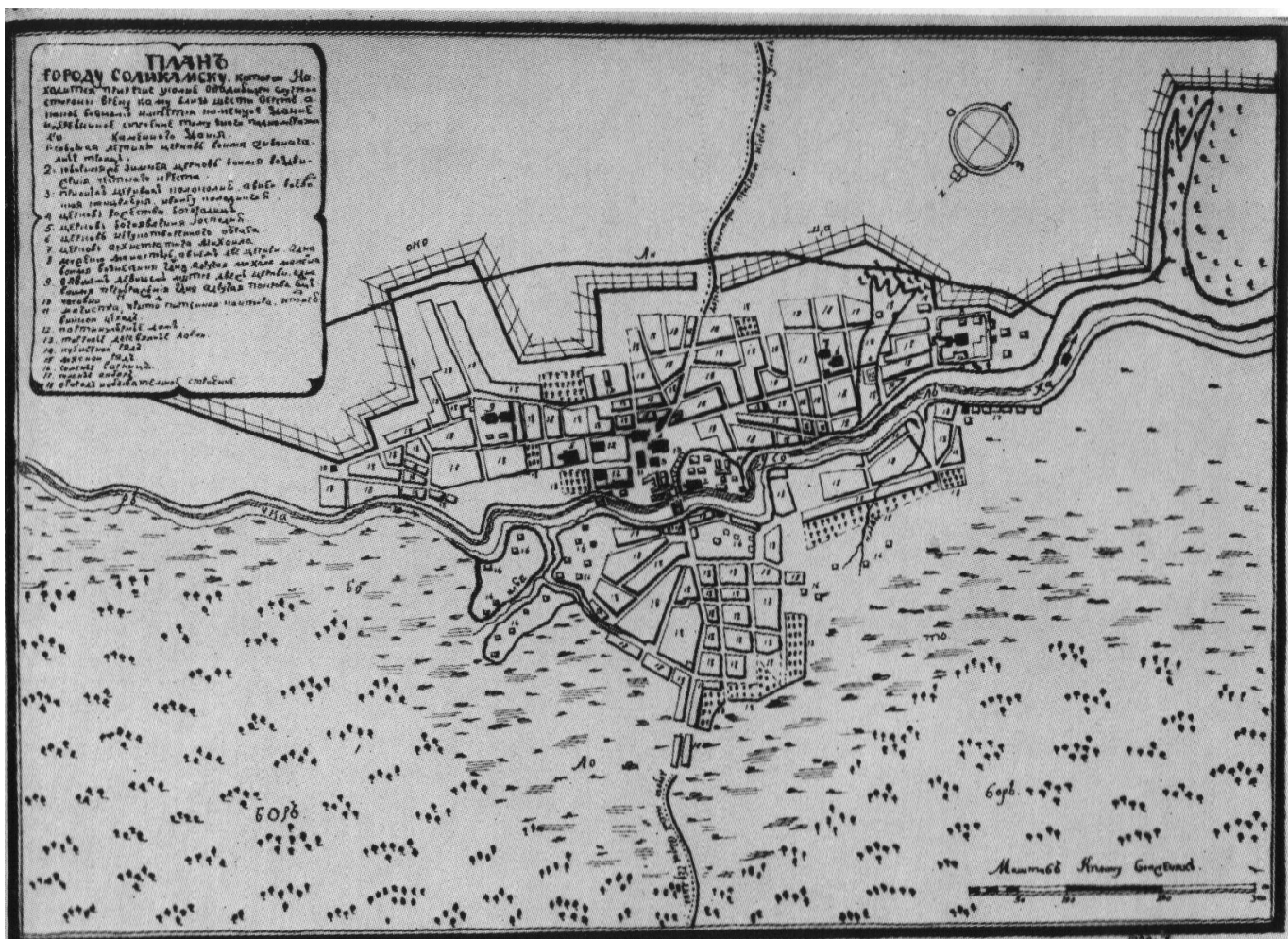
сом и только криволинейные элементы покрытий сделаны из лемеха.

Необычно завершение крутой клинчатой кровли основного массива Преображенской церкви в виде крещатых бочек, на пересечении которых стоит луковичная главка. Такую же форму имеет и главка бочкообразной кровли алтарного прируба.

Немалый интерес вызывает и интерьер церкви Преображения. Красивым порталом ведет из галереи в трапециевидную, потолок которой сделан из тол-

стых плах. Плахами подшит и потолок храма, вдоль стен которого чинно стоят приземистые деревянные скамьи. В целом это интересный памятник русского деревянного зодчества — дело рук потомков тех чердынских плотников, которые в XVII веке занимались сплавом леса и трудились на стапелях корабельных верфей города Верхотурья.

Соликамск. План города 1740 г. ЦГВИА

Соликамск намного моложе Чердыни. История этого города, называвшегося Солью Камской, связана с развитием солеваренной промышленности на Руси и дальнейшим освоением восточных районов страны. Время основания Соликамска — самое начало XV века, когда на реке У солке начал быстро развиваться промысловый поселок. Получив деревянные укрепления, он приобретает название города. Его активное развитие началось в конце XVII века, когда в нем развернулось и обширное каменное строительство, свидетельством которого являются великолепные каменные храмы и другие постройки. Однако в следующем столетии промысловая деятельность Соликамска быстро затухает. Он превращается в обыкновенный провинциальный город, который Ф. А. Волегов (историк середины XIX в.) назвал «старинным, историческим», что вполне справедливо и в наши дни.

СОЛИКАМСК

1. ОЧЕРК ИСТОРИИ ГОРОДА

Соликамск значительно моложе Чердыни. Было время, когда название этого живописного городка, ставшего теперь крупным промышленным центром Прикамья, не только писалось, но и произносилось раздельно. Перекликающееся с наименованием такого древнерусского города, как Сольвычегодск, оно также вобрало в себя два других названия — географическое и промысловое. Крупнейшая на Урале река Кама и поваренная соль, добывавшаяся на впадающей в нее речке Усолке, дали Соликамску жизнь и красочное имя.

История Соли Камской — это истории освоения далекой Сибири, истории развития солеваренной промышленности на Руси и освоения естественных богатств обширного Пермского края.

Предполагается, что основание Соли Камской, ставшей впоследствии знаменитой благодаря богатым соляным промыслам, было положено в 1430 году, когда предприимчивые посадские люди Калинниковы, организовавшие выварку соли на реке Боровице, выше села Верх-Борового, в связи со слабой концентрацией получаемого там соляного рассола, перенесли свое несложное промысловое оборудование к югу, на берег Усолки, где залегание соляных пластов было менее глубоким, а крепость рассола значительно выше. В конце XV века здесь на Усолке и образовался не-

большой промысловый поселок. Правда, в начале следующего столетия этот поселок был опустошен тюменцами, захватившими в полон его немногочисленных обитателей, но несмотря на это, он быстро возобновил свою деятельность, а в 1558 году получил уже деревянные укрепления и тем самым превратился в город.

В 1559 году большая часть деревянных строений Соли Камской сгорела, но город вскоре вновь отстраивается. По Писцовой книге Ивана Яхонтова, составленной в 1579 году, в нем насчитывалось 190 обывательских дворов, 26 торговых лавок, 16 соляных варниц и 201 человек жителей^{1,2} — выходцев из Вологды, Великого Устюга, Усть-Сысольска, Балахны и Чердыни. Он становится тогда центром обширного Усольского уезда, население которого, вываривая соль на посаде, занималось также заготовкой дров для варниц, сельским хозяйством, кустарными промыслами и торговлей. Лишь неожиданное нападение пелымского князя Кихека в 1582 году, во время которого был сожжен соликамский посад, перебита часть соликамских жителей и разорены соседние села, приостановило жизнь города, но восстановление его и на этот раз длилось недолго. С окончательным присоединением Сибири и усиленным заселением Северного и Сред-

него Урала количество соликамских жителей, несмотря на суровые климатические условия и малую плодородность почв, начинает неуклонно увеличиваться. Рост соледобывающей промышленности в Камском Усолье все более и более повышает экономическое значение города. Особое влияние на его развитие оказывает «государева Верхотурская дорога», превратившая Соль Камскую в главный перевалочный пункт перед Уральским хребтом. В ней появляются ямщики, проводящие караваны в Верхотурье и обратно, она становится важным транспортным узлом на «государевой Верхотурской дороге». В 1614 году московское правительство дает даже распоряжение воеводе близлежащей Чердыни произвести ремонт соликамских укреплений, чтобы «воровские люди» к «городу и к острогу безвестно не пришли и дурна какого не учинили»^{2.2}.

В начале XVII века выгодное расположение Соли Камской на «государевой» дороге, прочно связавшей центр страны с далекой Сибирью, сказывается на ее развитии еще сильнее. Город становится важным узлом русско-сибирских торговых связей. Участвуют соликамцы и в западноевропейской торговле. Через Сольвычегодскую, Великоустюжскую и Архангельскую ярмарки «ни продают в Англию меха, воск, кожи, сало, скупая их в окружающих районах, и получают из-за границы атлас, бархат, шелк, письменные принадлежности, лекарства, вина, драгоценные камни, изделия из золота, серебра и других металлов.

В связи с потребностями соляных промыслов в Соликамске появляется также много кузниц и формируется мелкая металлообрабатывающая промышленность. Он превращается в крупный населенный пункт Прикамья.

Крепость его была деревянной, прямоугольной в плане, с четырьмя глухими и пятью воротными башнями, потайным выходом в лес и тайником к реке Усолке. Внутри ее стояли церковь Михаила Архангела, колокольня и осадные дворы. Вблизи крепости, на посаде, размещались воеводский двор, различные казенные строения, деревянный Троицкий собор, четыре клетских шатровых церкви и жилые дома соликамцев.

За пределами посада, на реке Усолке, находился Вознесенский монастырь с храмом, колокольницей, кельями для старцев и оградой со «святыми» воротами и надвратной церковью.

В районе Прикамья это был самый значительный торгово-промышленный город, экономическое значение которого выходило далеко за пределы Урала.

Судя по Писцовой книге Михаила Кайсарова, составленной в 1624 году, в нем в ту пору насчитывалось 357 дворов, 67 лавок, 37 варниц и более 620 человек жителей только мужского пола. Населенный вологжанами, москвитянами, новгородцами, белозерцами, двинянами, чебоксарцами и выходцами из многих других русских земель, Соликамск по числу дворов уступал тогда только Устюгу Великому, Хлынову (Вятке), Каргополю и Холмогорам — весьма крупным «поморским» городам начала XVII века.

Особенно интенсивно Соль Камская стала развиваться во второй четверти XVII века, после огромного пожара 1635 года, уничтожившего 11 церквей и оставившего в трех местах на посаде лишь «малое дело»^{3.2}. В это время на новую, более высокую ступень развития поднимается народное хозяйство страны. Развиваются различные ремесла, расширяется ассортимент и растет качество ремесленной продукции.

От работы на дому ремесленники переходят к работе на рынок. Усиливаются хозяйственные и культурные связи между областями, способствующие процессу складывания всероссийского рынка. Появляются мастерские с применением наемного труда. По всей территории государства идут поиски железных, медных, золотых и серебряных руд. Делаются попытки их промышленного использования. На далекой северной Каме выдает продукцию первый в стране медеплавильный Пыскорский завод (основан в 1640 г.). В обрабатывающей и добывающей промышленности возникают крупные мануфактуры, среди которых видное место занимают соледобывающие предприятия. В таких условиях Соль Камская, отличавшаяся крепостью соляных рассолов и удобством их получения, притягивает к себе особое внимание гостей (приезжих купцов) и торговых людей из других городов государства. Среди соликамских солеваров появляются люди, посторонние соликамскому посаду. Накопив средства в сфере обмена и торговли, пришельцы стремятся увеличить свое состояние и начинают вкладывать деньги в соликамские соляные промыслы, являвшиеся тогда главным источником богатства города и прилегающих земель. Вследствие этого количество соляных варниц Соли Камской стало быстро увеличиваться. Расширяется и административная роль города. В 1636 году сюда, из Чердыни, в бывший Чердынский «пригород», переводится резиденции воеводы и сосредотачивается управление всем краем.

Одновременно ширится наплыв гостей и торговых людей в Соликамск. Трескучие морозы, сопровождавшиеся гибелью скота, сильные ураганы, запросто срывавшие кровли с построек, неурожай, вызывавшие голод и эпидемии,

а также весенние разливы Усолки (в связи с напором вод вздувавшейся Камы), затапливавшие амбары с солью и жилые дома,— все это не могло снизить увеличивавшегося интереса к Соли Камской. И не случайно, что соликамские солеварни с их рассолоподъемными трубами, «варнишными столбами» и черпаками для воды произвели значительно большее впечатление на неизвестного иностранца, проехавшего в Сибирь в 1664 году, нежели сам Соликамск, названный им «скверным городком». «Когда выезжают к городу из леса, то вид его производит впечатление будто здесь стоит много сот кораблей с их мачтами»,— писал он о Соли Камской, представившейся ему в виде крупной корабельной верфи^{4.2}.

На промышленное развитие города не влияли и страшные пожары, являвшиеся следствием не только отсутствия элементарных противопожарных условий при выварке соли, но и умышленных поджогов, вызывавшихся либо мстью доведенных до отчаяния работных людей, либо конкуренцией солепромышленников, не брезговавших никакими средствами для нанесения ущерба своим деловым соперникам. Они уничтожали не только отдельные улицы с их домами, хозяйственными постройками, промышленными строениями и церквями, но и весь город в целом. В один из таких пожаров (1672) в Соликамске «на горе» сгорел и рубленый «город» со стенами, башнями и внутренними строениями. Однако Соль Камская, словно феникс, всегда поднималась из пепла. По переписи 1678—1679 годов на Соликамском посаде насчитывалось 513 дворов местных жителей и 318 изб, принадлежавших людям, прибывшим в город на заработки. Общее количество его жителей составляло тогда 2257 человек только муж-

ского пола^{5.2}. Это был период дальнейшего развития соликамских солеваренных промыслов, обративших на себя внимание чуть ли не всех видных торговых людей государства. Среди них трудно найти хотя бы одного, который во второй половине XVII века не вложил бы своих капиталов в солеваренную промышленность Соли Камской. Торговые гости, по происхождению ярославцы, москвичи, дединовцы (крестьяне дворцового села Дединова), старорушане, нижегородцы, вятчане, балахонцы, а вместе с ними и многие, многие другие,— все они имели тогда дворы на Соликамском посаде, каждый из них был владельцем соляных варниц, стоявших либо в самой Соли Камской, либо в Усольском уезде. Братья Шустовы и братья Суровцевы были настолько богаты, что помогали впоследствии Петру I средствами в его военных мероприятиях и пользовались его особым доверием.

Среди большого количества соликамских предпринимателей второй половины XVII века был и такой крупный нижегородский купец, как Семен Задорин. В Нижнем Новгороде на его средства были выстроены церкви Воскресенского монастыря в кремле (1647), Рождества Богородицы «на Бечеве» (1653) и Николая на Нижнем посаде (1656). Он охотно брал подряды на строительство храмов и восстановление укреплений Нижегородского кремля, подписывал сметы и инженерные обоснования на производство строительных работ. Связанный со строительством С. Задорин и сам был, вероятно, опытным строительным мастером^{6.2}. Его доходы, в том числе и с выварки соликамской поваренной соли, позволяли ему не стесняться в расходах и строить храмы на собственные средства.

Свое солеваренное «дело» имел тог-

да в Соликамске и хорошо известный думный дьяк Аверкий Степанович Кириллов, усадьба которого с жилыми палатами и дворовой церковью до сих пор сохранилась в Москве на Берсеневской набережной.

В 1693 году Аверкий Кириллов и его сын Яков (тоже думный дьяк) продали свои соликамские варницы с рассолоподъемными трубами и разными амбарными постройками для «железных, трубных и судовых снастей и якорей» соликамскому посадскому человеку Александру Васильевичу Ростовщикову, ставшему к тому времени одним из крупнейших солепромышленников Соли Камской. Тогда же Ростовщиков приобрел у Якова Кириллова принадлежавшие ему на Соликамском посаде и в Усольском уезде пахотные земли, сенные покосы и все стоящие на них строения^{7.2}.

Шел неуклонный процесс укрепления соликамских солеваренных предприятий, когда из одной варницы или даже из части варницы в Соликамске в близлежащих районах вырастали крупные солеваренные производства, обеспечивавшие дальнейший рост и промышленное развитие города. Неглубокое залегание соляных рассолов, их высокая насыщенность солью, обилие леса, необходимого для ее выварки, удобство сплава дров по Каме и ее притокам и, наконец, сама продолжительность варничного сезона, начинавшегося в середине июня и кончавшегося в апрельские разливы,— все это способствовало тому, что Соль Камская превратилась в самый крупный солеваренный центр государства. В конце XVII века в ней, на посаде и в Усольском уезде, действовало уже более 200 солеварен. Они вываривали в год до семи миллионов пудов соли — в несколько раз больше, чем солеварни

Старой Руссы, Северного Поморья, Тотьмы, Сольвычегодска, Балахны и всех других крупных центров русского солеварения, вместе взятых. В производстве выварочной соли с Соликамском не мог конкурировать даже Соловецкий монастырь — один из самых крупных солеваров русского севера, дававший ежегодно стране до 200 тысяч пудов своей продукции.

Конечно, соликамцы продавали соль не только в городе, но и на отдаленных рынках края, в частности в Вятке и Кунгуре, откуда везли хлеб и различные сельскохозяйственные продукты. Одновременно соль вывозилась в Верхотурье; обслуживая перевал через Урал, верхотурские ямщики, доставляя в Соль Камскую грузы из Сибири, везли с собой обратно соль, закупленную на Соликамском рынке. Но самые крупные торговые операции соликамские солевары совершали в Нижнем Новгороде, центре распределения их продукции по всей европейской части страны. Отсюда соликамская соль попадала в Коломну, Москву, Тверь, Калугу, Орел, Смоленск и далее на Украину. В Рязани, Коломне, Калуге и Орле наиболее крупные солевары Соли Камской имели даже свои дворы и соляные амбары. Их груженные солью суда отправлялись с городской пристани весной, в апреле, и двигаясь вниз по Каме до ее устья, поднимались затем волоком по Волге до нижегородской пристани. Путь этот был хорошо освоен солеварами Соли Камской и работными людьми, обслуживавшими караваны с солью. Соединяя Соликамск с центральными районами страны, он способствовал и культурному развитию города, куда наряду с различными товарами привозились и произведения искусства.

Попутно связи соликамцев ширились и в противоположном направле-

нии. Во второй половине XVII века Соль Камская была последним европейским городом для каждого, кто следовал в Сибирь и далее на восток. В 1654—1658 годах через нее проехало в Китай посольство сына боярского Федора Байкова. Затем туда же через город по поручению правительства ездили И. Перфильев, С. Аблин и И. Милованов. Через Соликамск в 1675—1678 годах тайно проехал и русский посол Николай Спафарий, собравший о Китае обширные сведения. Установление политических и экономических отношений с Китаем — вот та цель, которую преследовали московские посольства того времени.

Одновременно торговые связи с Китаем устанавливали и сами соликамцы. В 1674 году чаронец Гаврила Никитин — один из соликамских солеваров (впоследствии богатейший русский купец) как приказчик гостя Остафия Филатьева, еще более крупного солепромышленника Соли Камской, проходит с караваном в Китай через монгольские степи, опровергнув тем самым легенду о их непроходимости. Позднее Никитин организует вывоз из Китая тканей, жемчуга, золота, фарфора, фаянса и других изделий, доставляя китайцам русские и западноевропейские товары. В итоге некоторые предприимчивые соликамские купцы и промышленники включаются в русско-китайский товарооборот, а Соликамск превращается в транзитно-торговый центр между Москвой и Бейпином (Пекин). Это также наложило отпечаток на культурное развитие города, как и его связи с центральными областями страны. Его территория увеличилась, в нем появилось много новых церковных построек, административных зданий, торгово-промышленных сооружений. «Город Соль Камская изрядной и расположи-

ем не малой, а торги славные имеет, однакож паче всего от соляных заводов прославился», — писал в 1692 году иностранный купец Эбергард Избраннедеса, отправленный московским правительством в Китай для установления торговых отношений^{8.2}.

В конце XVII века, когда Соль Камская, играя ведущую роль в жизни Урала, достигла зенита торгово-промышленного развития, в ней разворачивается большое каменное строительство.

В основном из камня (кирпича) возводились тогда культовые здания. Они ставились и в центре города, и на его окраинах. Соликамцы воздвигали их, по обыкновению на местах старых деревянных церквей, уничтоженных пожарами 1688 и 1695 годов. Это были отдельные сооружения, но некоторые из них стали впоследствии основой архитектурных комплексов. Строились они жителями города, усольскими и посадскими уездными людьми. Некоторые из храмов возводились также «тщанием и коштом» торговых людей, местных солепромышленников и их родственников. В их украшении соликамские «каменных дел мастера» широко применяли детали из лекального и тесаного кирпича, использовали при их постройке сперва привозимые из Орла-городка, а затем и сделанные непосредственно на месте глиняные голосники, многоцветные поливные изразцы и глазурованную черепицу^{9.2}.

Наряду с богато убранными каменными храмами на улицах Соликамска в конце XVII века появились и каменные жилые дома состоятельных жителей, а гость Яков Бабушкин в 1696 году своим «коштом» выстроил даже каменное здание соликамской таможни.

Такого широкого строительства, какое на исходе XVII века развернулось

в Соликамске, никогда еще не было в Прикамье. Внесшие элементы нового в художественный облик города, основная застройка которого по-прежнему оставалась все же деревянной, оно продолжается и в начале следующего столетия, распространяясь постепенно и за его пределы. Благодаря ему знаменитый соляной промысел становится главным центром строительной культуры во всем крае, законодателем его художественной моды. Он переживает самый бурный период своего развития. Слава о нем распространяется по всей стране. О его постройках знают в Москве, говорят в городах Сибири.

Наряду с «каменными здателями» в Соликамске в начале XVIII века работали также местные живописцы, трудились плотники, столяры и резчики по дереву, выдавали свою продукцию кузнецы, гончары и другие ремесленники. Их плодотворная деятельность на городских стройках привлекла вскоре внимание Петра I, начавшего спешно строить тогда на Неве новую государственную столицу. И не случайно, что в 1703 году царским указом соликамских кузнецов отправляют в Тихвин и в Таганрог «к городскому строению», а в 1710 году забирают соликамских плотников, столяров и котельников на петербургские стройки^{10.2}.

Уделил тогда внимание Петр I и самому, уже сильно изменившемуся, Соликамску. В 1722 году по его распоряжению в город присылается даже «академии учитель» Степан Жеребцов, обязанный обучать детей местных жителей «арифметической и геометрической» наукам^{11.2}.

Это был период наивысшего развития «соляной столицы» Российской империи, пора ее бурного экономического подъема и культурного роста. Город в то время занимал уже значи-

тельную территорию и был больше, чем в начале XVIII века. Извилистая и быстротечная речка Усолка, вздувавшаяся в весенние паводки, делила его на две неравные части. На левой, косогористой стороне, прорезанной небольшими оврагами, размещалась основная часть городской застройки с торговой площадью, деревянными купеческими лавками, мясным и кузнечным рядами. Здесь можно было приобрести все, что интересовало приезжих и требовалось самим соликамцам. На рынке продавали также изделия медеплавильного Талицкого завода, продукция которого не уступала качеством привозной фран-

*Соликамск. Рассолоподъемная башня.
Рисунок А. Тумбасова*

цузской бронзе^{12.2}, тончайшие кружева местных мастериц, славившихся своим искусством во всем крае, произведения местных иконописцев, пользовавшиеся большим спросом, всевозможные изделия соликамских серебрянников, медников, оловянщиков, кожевников и других ремесленников. Тут же, рядом с торговой площадью, размещалось городское управление и главные каменные храмы. Это был центр Соликамска, его ядро и самое оживленное в праздничные дни место.

Площадь и центральную группу храмов окружали партикулярные постройки и огороды обывателей с их деревянными строениями. Здесь же стояло и пять каменных жилых домов, принадлежавших наиболее зажиточным гражданам.

В стороны от площади, прорезая городскую территорию вдоль и поперек, отходили улицы с деревянными мостовыми, застроенные по краям бревенчатыми домами обывателей. За ними внутри участков размещались огороды и хозяйственные строения. С юго-восточной стороны главную улицу города, проходившую почти параллельно речному руслу, как и прежде, замыкал мужской монастырь с двумя церквями, колокольней, домом настоятеля, братскими кельями и окружавшей его оградой. Здесь по-прежнему была окраина Соликамска. Однако все строения монастыря, включая и ограду, были тогда уже не деревянными, а каменными.

Большой деревянный мост, перекинутый через Усолку в непосредственной близости от торговой площади, соединял левобережную часть Соли Камской с правобережной, более низменной, окруженной со всех сторон болотом. От моста шла дорога на Чердынь. Заречной называли соликамцы эту меньшую часть города. Она была также занята огородами и постройками обывателей, которые частично располагались вдоль берега Усолки. Здесь же, в заречной части Соликамска, за пределами огородных участков, стояли промышленные сооружения — соляные колодцы и рассолоподъемные башни, рядом с которыми возвышались лари для соляного рассола, соляные варницы и амбары с солью.

Большие строительные работы велись в Соликамске и в третьей четвер-

ти XVIII века. Однако на этот раз они были обусловлены уже не столько ростом экономики города, сколько двумя грандиозными пожарами, последовавшими друг за другом в середине 1743 года.

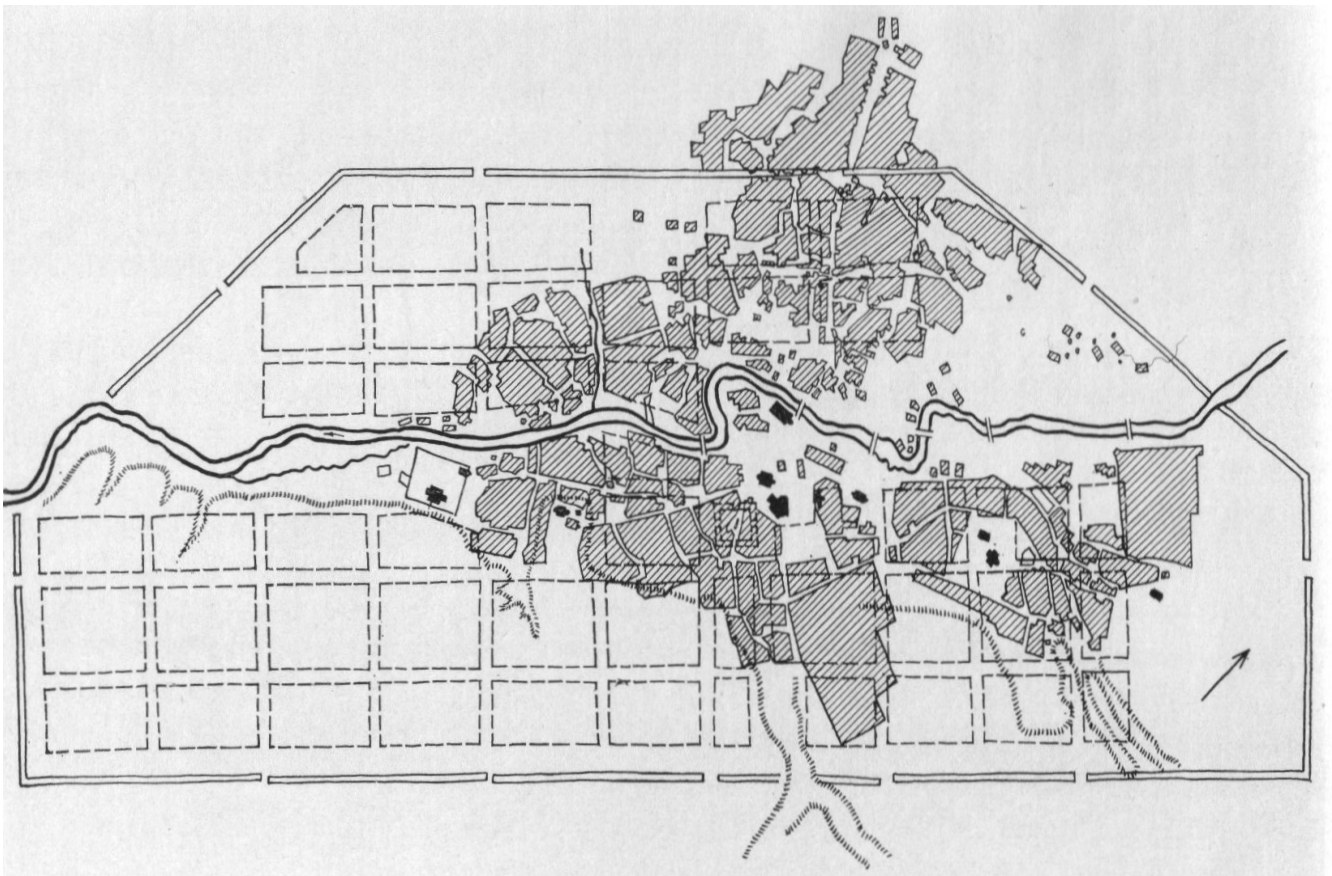
Особенно сильным был июльский пожар 1743 года, унесший за собой 16 человеческих жизней и уничтоживший 700 посадских домов, не считая торговых рядов и большого моста через Усолку, а также общественных и казенных строений^{13.2}. После этого пожара, расплавившего даже колокола на двух церквях, в Соликамске уцелели только две деревянные церкви и 20 домов. Это было страшное бедствие, вызвавшее отъезд многих погорельцев в Кунгур, Степаново городище и Чердынь. С последствиями этого пожара познакомился известный исследователь Сибири Г. Ф. Миллер, живший в Соликамске в 1745 году. Однако вскоре город вновь поднялся из пепла. Были построены заново не только дворы его именитых жителей и дома обывателей, но и отремонтированы все обгоревшие каменные церкви, с их приделами и колокольнями, на которых вскоре повесили новые колокола; их специально отливали в 1746 и 1747 годах в Чебоксарах^{14.2}.

В ходе этого колоссального восстановительного строительства, прерывавшегося более мелкими пожарами 1753 и 1759 годов^{15.2}, начала упорядочиваться и общая планировочная структура города. Его кварталы становятся еще более прямоугольными, улицы и переулки — более широкими и прямолинейными. Деревянные дома обывателей и ремесленников выстраиваются в одну линию, на расстояниях, обеспечивающих противопожарную безопасность. Это вносит в архитектурный облик города много нового.

Интересной достопримечательностью Соликамска второй половины XVIII века становится прекрасный оранжерейный ботанический сад, созданный Прокопием Демидовым, — одним из представителей знаменитой династии уральских заводчиков, — чуть в стороне от города. О «заморских» растениях этого сада (500 видов) с увлечением рассказывал впоследствии (1771) доктор и адъюнкт академии паук Иван Лепехин^{16.2}. Все это внесло существенные изменения в облик Соликамска, сделало его совершенно новым городом. Поэтому на капитана Николая Рычкова, путешествовавшего по разным провинциям Российского государства в 1700 году, уже полностью отстроенный Соликамск произвел боль-

Соликамск. Водяная мельница. Не сохранилась
шое впечатление. «В нем, — писал он, — шесть каменных церквей, один мужеский монастырь и более 1000 обывательских домов». Обратил внимание Н. Рычков и на то, что в городе и по берегам Усолки «построены солеварни, принадлежащие тамошним гражданам, и два кожевенные завода»^{17.2}. Последние вместе с Троицким «медным заводом» Михаила Турчанинова, начавшим работать в стороне от Соликамска еще в 1730 году, и медеплавильным заводом Акинфия Демидова, выстроенным в двух верстах от города в 1760 году, активно способствовали его промышленному процветанию. И не случайно, что число жителей Соли Камской в ту

Соликамск. Проект перепланировки города второй половины XIX в. ЦГВИА

пору резко возросло. Увеличилось тогда и количество торговых лавок города, численность купцов которого в 1770 году доходила уже до 1354 человек.

Соликамск стал «еще знаменитее», — писал впоследствии об этом времени советник Пермской казенной палаты Василий Берх, занимавшийся изысканием исторических древностей в крае. Исследователь указал также, что Михаил Турчанинов вместе с Акинфием Демидовым, женившимся в 1731 году на дочери крупнейшего местного солепромышленника Павла Суровцева, «соделали город сей лучшим и завиднейшим между всеми Закамскими городами. Обладая оба великими капиталами и отличным вкусом, украсили они его многими великолепными зданиями»^{18.2}.

Это также был бурный период в строительном развитии знаменитого

промысла, как и время конца XVII — начала XVIII века. Постройка корпуса Присутственных мест в 1781 году и утверждение соликамского герба в 1783 году (соляной колодец с опущенным в него ведром на золотом фоне) были как бы завершающим его этапом.

Однако во второй половине XVIII века солеваренная промышленность Соли Камской, столь развившаяся к концу XVII века, уже не играла значительной роли в экономике города. С начала XVIII века, в связи с введением казенной монополии на соль в 1705 году и изменением условий ее производства и сбыта, удельный вес соликамской солеваренной промышленности начал быстро снижаться. Резкому сокращению местного солеварения способствовал также рост добычи самоосадочной соли открытым способом из поволжских озер Эльтон и Баскунчак. Это привело к уменьшению количества варниц Соли Камской. Часть их просто не восстанавливали после пожаров.

И если в 1724 году на Соликамском посаде действовало 44 соляных варницы, то в 1743 году их работало здесь только 34, а в 1760 году это число снизилось даже до 23. Город теряет значение основного центра русского солеварения, которое в связи с созданием крупной металлургической промышленности на Урале вообще перестает быть передовым участком русского производства, и в 1816 году в нем не остается уже ни одной действующей варницы.

С появлением нового сибирского пути, прошедшего от Казани через Пермь и Кунгур на основанный в 1721 году Екатеринбург (Свердловск), Соликамск к концу XVIII века теряет также значение и торгового центра. Он оказывается в стороне от этого пути. С переводом же провинциальной канцелярии в Кунгур в 1738 году Соли-

камск перестает быть и административным центром края. Некогда кипевшая в нем торговая, промышленная и ремесленная деятельность затухает. «Ныне увидит путешественник в городе сем,— с горечью отмечал в начале XIX века Василий Берх,— одни только развалины, свидетельствующие о прежнем великолепии онаго»^{19.2}.

Правда, тогда в городе работали мыловаренный и семь кожевенных заводов, а около него действовала кустарная колокольная фабрика^{20.2}. Кроме того, в 1830 году в Соликамске строится здание торговых рядов^{21.2}. Однако постройка этого здания была скорее всего отголоском того широкого строительства, которое в первой половине XIX века

Соликамск. Общий вид центральной части города. Снимок начала XX в.

*Соликамск. Фрагмент застройки
правобережной части города*

развернулось во многих городах Российской империи.

«Старинным историческим городом» назвал тогда (1833) Соликамск Ф. А. Волегов, много сделавший для разработки истории Пермского края и особенно рода Строгановых^{22.2}. В целом же Соликамск в начале XIX века перестает интересовать русских купцов и предпринимателей и превращается в обыкновенный уездный город. Шестнадцать каменных зданий, 427 деревянных домов и 2934 человека жителей — вот характеристика Соли Камской по состоянию на 1835 год. И не случайно,

что в сороковых годах прошлого столетия Соликамск произвел удручающее впечатление на Павла Ивановича Мельникова-Печерского (1819—1893), проехавшего через него в Сибирь. «Город не улучшается, а с каждым годом падает более и более», — писал он в «Дорожных записках». «Какое-то грустное чувство овладело мною,— добавлял он,— когда я посмотрел на это обвалившееся великолепие; улицы пусты, заросли травой, на каждом шагу видно разрушение»^{23.2}. В ту пору это был уже бедный городок, не имевший ни торговли, ни промышленности^{24.2}. Запустение стало его характерной особенностью. Он оказался в том же положении, что и Чердынь двумя столетиями раньше.

2. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА

Теперь Соликамск — крупный центр современной химии. Заводы и промышленные предприятия, кварталы высоких жилых домов, учреждения культурного, бытового и коммунального обслуживания — все это здания, определяющие его современный архитектурный облик.

Давным-давно город перерос пределы прежних границ. Сильно вытянулся он с юго-запада на северо-восток по левому берегу неширокого русла извилистой речки Усолки. Однако основу старой регулярной планировки Соликамск сохранил до сих пор. Сохранилось в городе и много памятников архитектуры. Особенно хорошо они воспринимаются в общей панораме города с севера, с дороги на Чердынь, со стороны небольших песчаных возвышенностей, окаймляющих долину Усолки. Стоят они друг за другом, вытянувшись с северо-востока на юго-запад параллельно речному руслу. Главное место среди них принадлежит храмам — живым свидетелям истории города, монументам его прошлого величин. Первой обращает на себя внимание небольшая, в прошлом кладбищенская церковь Жен Мироносиц. Еле просматривается она теперь в гуще деревянных строений старой части города. Правее виднеются Преображенская и Введенская церкви бывшего Спасо-Преображенского монастыря, а за ними — церковь Богоявления. В центре же города стоят соборы — холодный Троицкий и теплый Крестовоздвиженский. Тут же приютилась и малозаметная сейчас церковь Воскресения. Между ними, словно гигантская свеча, решительно взметнувшись ввысь, расположилась колокольня «на палатах». Теперь это символ Соликамска,

его архитектурная доминанта и своеобразный «опознавательный знак». Образую живописную композицию, эти постройки издали кажутся как бы прижавшимися друг к другу. Они составляют архитектурное ядро Соликамска, его градообразующую основу. К северо-западу от них видна другая группа храмов — холодная Спасская и теплая Архангельская церкви. Раньше около них стояла колокольня. Вместе они фиксируют то место, где в далеком прошлом размещалась деревянная крепость города, его кремль. Вдали же просматриваются церкви бывшего Вознесенского (Троицкого) монастыря, окруженные кирпичной оградой, а за ними, на противоположном конце городской застройки четким силуэтом на фоне неба читаются контуры красносельской Иоанновской церкви, славившейся в прошлом звоном колоколов.

О таком расположении городских храмов один из соликамских историков середины XIX века писал, что «линия белых церквей с высокими колокольнями» представляется ему линией парусных судов, плывущих по морю. На востоке, у кладбищенской церкви, образно отмечал он, «покоятся отшельники света», а на западе, в монастыре, «живут отшельники мира». С одной стороны города «мертвые ожидают восхода невечернего солнца и новой жизни», с другой же — «иноки, ушедшие для мира», ждут заката своих дней. И только группа церквей в центре застройки представилась ему сердцем Соликамска, дающим городу «одушевление и движение»^{25.2}.

Ведущее место в центральном ансамбле Соликамска занимает Троицкий собор (реставрирован в 1964 г. архитектором Ф. М. Тольцинером). Это са-

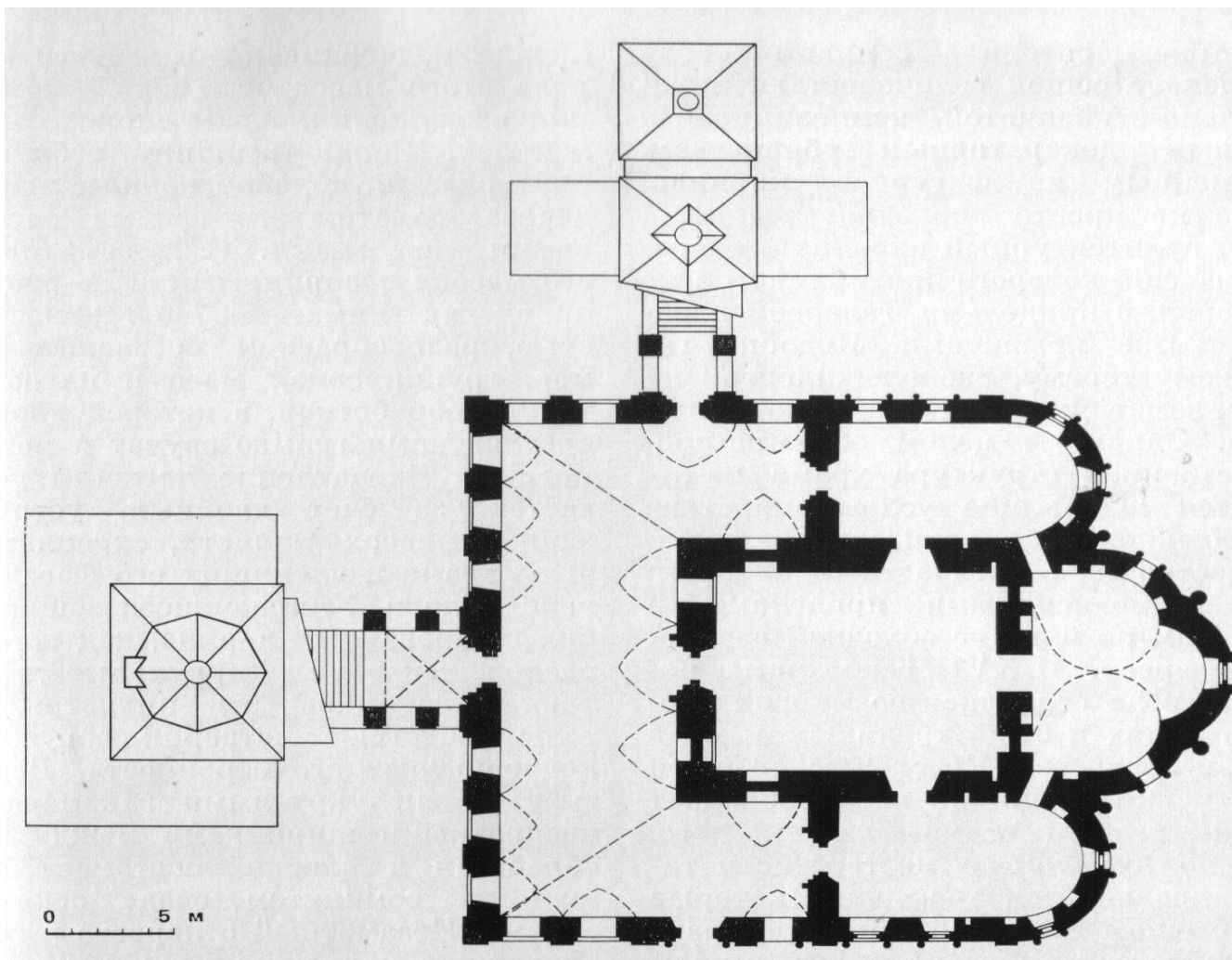
*Соликамск. Троицкий собор.
Вид с юго-западной стороны*

мое монументальное и самое живописное сооружение города.

Постройка Троицкого собора, рассчитанного на летнее богослужение, была начата в 1685 году на средства соликамских посадских людей и закончена на пособие, полученное от царей Иоанна и Петра Алексеевичей, предписавших в 1688 году выдать на его завершение двести рублей казенных денег, взяв их из «усольских таможенных и кабацких доходов»^{26.2}. Жители города внимательно следили за тем, как ряд за рядом поднимались вверх

кирпичные стены этого сооружения, как появлялось на них «дивное узорочье», и с нетерпением ожидая окончания строительных работ, еще до полного их завершения вводили в эксплуатацию отдельные части постройки. В 1689 году был освящен Иоанно-Предтеченский придел, в 1693 — Никольский, а в 1697 году и основной храм во имя святой Троицы^{27.2}.

Сплошь застроенный деревянными домами, над крышами которых возвышались шатры деревянных церквей Соликамск получил тогда первое монументальное каменное здание, которое встав на высоком пригорке в центре города, внесло в его художественный

облик элемент нового, соответствующий его экономическому процветанию и территориальному росту.

В память о том, что строительство Троицкого собора велось частично и на государственные средства, в его южную стену был вставлен зеленый, овальной формы изразец с изображением российского герба в виде двуглавого орла (не сохранился), а на западном фасаде впоследствии выложена из кирпича царская корона, позднее (1849) ярко раскрашенная. Эти декоративные вставки, четко воспринимавшая на фоне стен, покрытых слоем известковой побелки, вносили в худо-

*Соликамск. Троицкий собор. План.
Обмер ПСНРПМ*

жественный облик собора элементы конкретной исторической действительности, говорили о той роли, какую Соликамск играл в экономической жизни Русского государства.

Во время городских пожаров 1711, 1741 и 1743 годов Троицкий собор горел и не раз ремонтировался. Не исключено, что появление рельефной короны на его западном фасаде связано с одним из этих ремонтов и является следствием производства восстановительных работ на казенные государственные средства.

Внимание зрителя Троицкий собор привлекает общей величавостью, пирамидально-ступенчатой композицией и изящным декоративным убранством, выложенным из фигурного кирпича. И это не просто церковное здание, а целый архитектурный ансамбль, основной массив которого живописно оброс по сторонам приделами, галереей и раскидистыми крыльцами. Подобно гигантскому терему, расположился он на холме, взметнув ввысь свои луковичные главы. Однако в целом объемно-пространственная структура храма не отличается какой-либо усложненностью. Это обыкновенная пятиглавая церковная постройка с трехчастным алтарем, двумя одноапсидными приделами и равной им по ширине обходной сводчатой галереей. В XVII веке храмы подобного рода строились во многих русских городах и были традиционными в русском зодчестве. Но сходный с ними соликамский Троицкий собор обладает и своими особенностями. Глядя на него, невольно думаешь о мастерстве и таланте древнерусских зодчих, которые при обычной схеме объемно-пространственной структуры здания сумели придать его простым и ясным формам индивидуальное сочетание, «одеть» их и свой собственный декоративный наряд и сделать его художественный облик неповторимым.

Стоит Троицкий собор на «рундуке» — высоком сводчатом подклете, служащим всем его объемам как бы основанием. В помещениях подклета соликамские купцы хранили свои товары. В центре подклета, своды которого опираются на два столба, высится бесстолпный, квадратный в плане кубовидный массив самого храма. Значительно меньшие по высоте одноглавые приделы с пониженными алтарными полукружиями и сильно опущенная

апсида подчеркивают главенствующую роль этого массива в общей композиции сооружения. Храм спокоен и торжествен. Заняв вершину небольшого пригорка, он, подобно корням могучего дерева, охватил его своими раскидистыми крыльцами. С любой стороны его массив воспринимается по-разному, привлекая внимание общей живописностью, разнообразием составных объемов, группировкой масс и их декоративной обработкой, в которой наряду с ярославскими громко звучат и местные мотивы. Впечатление легкости усиливается за счет двойных, устремляющихся вверх пилястр, скрепляющих углы храма и членящих его фасады на равные доли. Упирающиеся в широкий профилированный карниз, над которым расположены полуциркульные декоративные закомары, эти пилястры зрительно облегчают четверик сооружения, подчеркивают его стройность. Декоративными полукруглыми закомарами с квадратными ширинками между ними обработан и плоский постамент, стоящий на сомкнутом своде основного объема. Незаметный с первого взгляда, он служит подножием для пяти луковичных глав храма. Их зрительная невесомость усиливается обработкой барабанов (один световой, четыре глухих) свисающими вниз колонками с перехватами и ажурными, как бы стремящимися ввысь и растворяющимися в воздухе крестами. Они завершают уступчатую композицию здания и еще более устремляют его ввысь.

Крупными декоративными пятнами, рельефно выступающими на гладком фоне белых, сверкающих на солнце стен, воспринимаются наличники широких оконных проемов храма. Среди них нет одинаковых. Каждый по-своему необычен и индивидуален. В общем убранстве сооружения они играют

главенствующую роль. Особо выделяется наличник центрального окна апсиды, острые «стрелы» которого врезаются в сложный карниз. Интересен так-же обрамленный валиком крупный дверной арочный проем, расположенный в нижней части апсиды, непосредственно под алтарным окном. Вход в подклетную часть храма в его полукруглой апсиде — явление весьма редкое в русском церковном зодчестве.

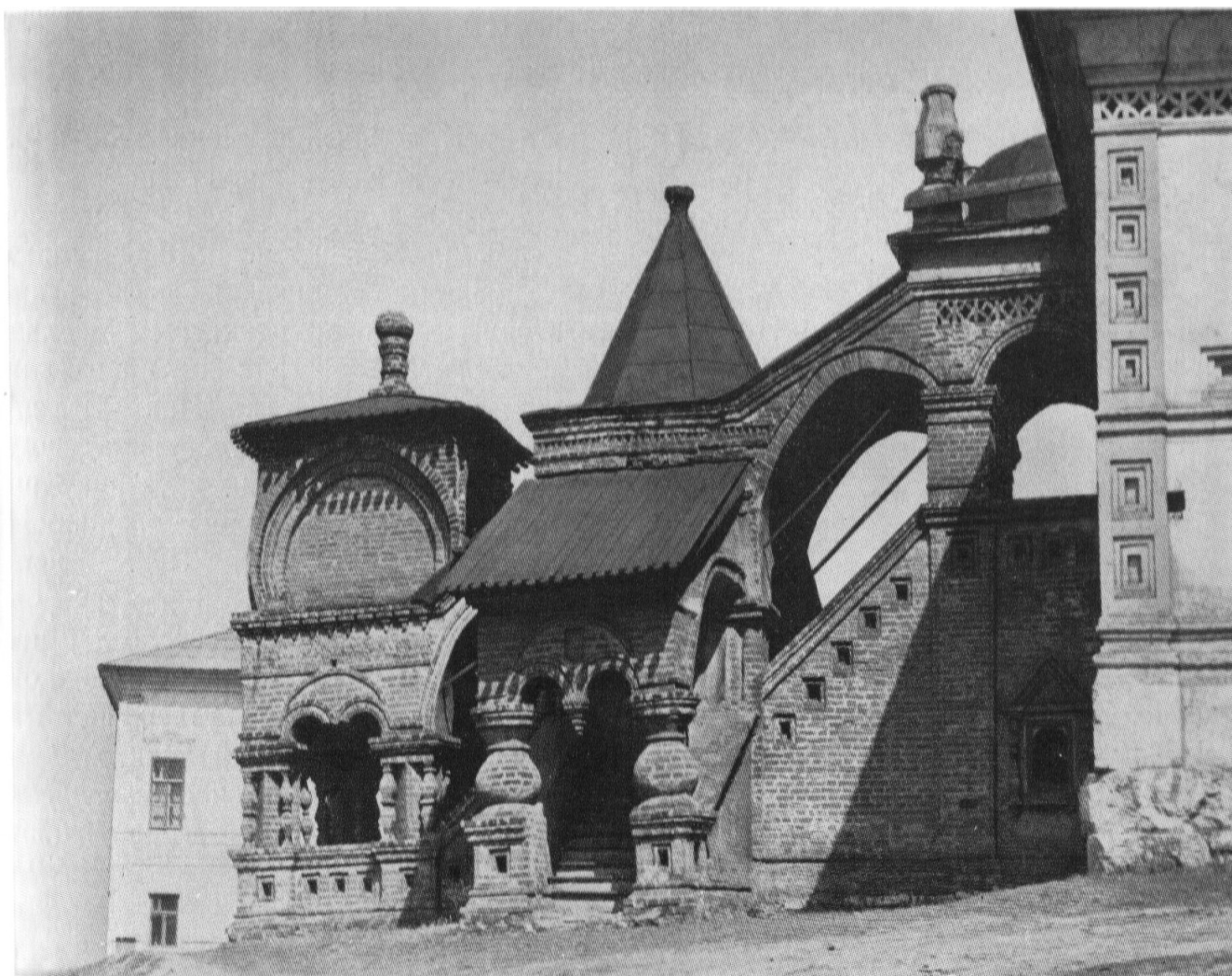
Вызывает удивление и небольшая «палатка», возвышающаяся над покатой кровлей апсиды. Выложенная в кирпиче на ее своде в виде бочки и по-

Соликамск. Троицкий собор. Общий вид с восточной стороны

крытая на два ската, она не имеет себе подобных в русском зодчестве. Это одна из особенностей Троицкого собора связывающая его архитектуру с деревянными постройками.

Как образец «каменносечной хитрости» воспринимаются широкие, далеко вынесенные вперед красивые крыльца Троицкого собора. Они придают зданию особую устойчивость и маршами лестниц соединяют его галерею с окружающим пространством. По характеру

*Соликамск. Троицкий собор.
Северное крыльцо*

*Соликамск. Троицкий собор.
Центральная апсида*

композиции и декоративному оформлению эти крыльца неодинаковы.

Первоначально Троицкий собор имел три парадных входных крыльца. Теперь сохранилось только два. О существовании южного свидетельствуют следы переделок, имеющиеся в непосредственной близости от позднего оконного проема.

Обращает на себя внимание северное крыльцо Троицкого собора, широкие марши лестниц которого расходятся на три стороны. Своеобразно сочетают шатрового покрытия над лестничной площадкой этого крыльца с огром-

ным и тяжеловесным, выложенным в кирпиче кубом над ступенями основного спуска. Большая декоративная бочка, украшающая стороны куба, явно навеяна формами деревянного зодчества. Его влияние проглядывает также в висячих гирьках арок крыльца и особенно в его монументальных опорных столбах. Мастера выложили их либо кувшинообразными, либо в виде «пучков» тонких, не связанных между собой и разных по форме балясин, расположив их вокруг простых, квадратных в плане стоек с изогнутыми поверхностями. Слово выточенные из

*Соликамск. Троицкий собор.
Фрагмент северного крыльца*

дерева, смотрятся эти детали. Лента мелкого поребрика, пропущенная под скромным карнизом, контурное полу-валиконое обрамление арок, глубокие квадратные ширинки на парапетных ограждениях, нижних частях опорных столбец и ограждающих лестничных стенках вместе с сочным карнизом из своеобразных профилированных «сухарики» усиливают декоративную насыщенность этой части сооружения. Прекрасным украшением крыльца служит и тонкий керамический пояс из ярко-зеленых поливных полихромных изразцов с рельефными изображениями павлинов, индюков, воронов и других птиц. Они явно были доставлены в Соликамск из строгановского

Орла-города на реке Каме, где в ту пору существовало их производство^{28.2}. Образующие единую ленту, они придают этому крыльцу еще большую жизнерадостность и живописность.

Особенно хороши двойные арки северного крыльца с висячими фигурными гирьками. Такие арки весьма характерны для архитектуры Москвы XVII века. В 1653 году они привлекли внимание архимандрита Павла Алеппского, посетившего русскую столицу вместе с антиохийским патриархом Макарием. «Над верхнею площадкой каждой лестницы,— писал Павел Алеппский о московских храмах, — воздвигают купол на четырех столбах с четырьмя арками; в середине каждой арки выступ арочный, утверченный прямо, с удивительным искусством: обтесывают камень в очень красивую форму и, просверлив его, пропускают сквозь него железный шест с двумя ветвями на концах, заклепывают их и заканчивают стройку над этим камнем, который представляется великим чудом, ибо висит в середине, спускаясь прямо. Эти чудесные постройки, виденные нами в здешнем городе, приводили нас в сильное удивление»^{29.2}.

Подобным же образом укреплены и висячие гирьки арок северного крыльца Троицкого собора в Соликамске. Но если в московских храмах такие гирьки тесаны из белого камня, то в соликамском соборе они не резные, а лепные, керамические, с яркой зеленой поливой. Они, наверняка, также были приготовлены в Орле-городе, где во второй половине XVII века, наряду с полихромными изразцами, делалась и кровельная черепица с зеленой поливой^{30.2}.

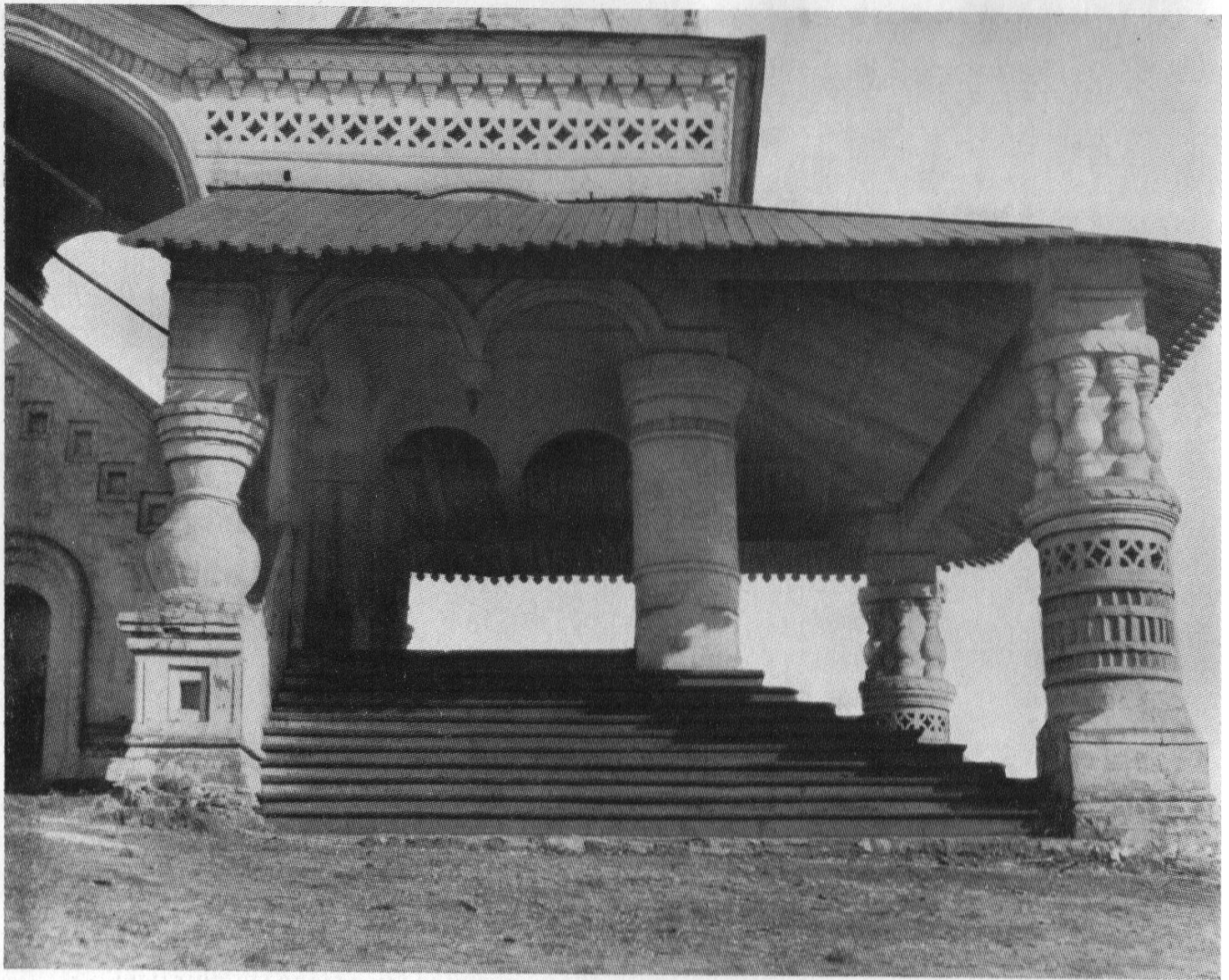
Исключительно разнообразны архитектурные формы и главного, западного крыльца Троицкого собора. В его создание строившие собор мастера, без-

*Соликамск. Троицкий собор.
Деталь северного крыльца*

условно, вложили много выдумки и фантазии. Соединенное широким лестничным маршем с вынесенной вперед площадкой галереи, покрытой невысоким куполом, это крыльцо не знает себе подобных в русской архитектуре XVII века. Оно снабжено массивными, перебитыми валиковыми перехватами, круглыми столбами, соединенными арками с висячими гирьками и покрыто высоким кирпичным шатром с маленькой, еле приметной луковичной главкой. Под карнизом крыльца с частными профилированными консолями пропущен ажурный, выложенный из кирпича фриз, «жучковый» орнамент которого повторяет рисунок подкарнизных поясов Сретенской церкви 1689 года Сретенского монастыря в Гороховце. Составляя характерную особенность крылец Троицкого собора и его обходной

галереи, он свойствен и многим другим храмам Соликамска. Четыре попарно одинаковых угловых столба поддерживают легкий деревянный, далеко вынесенный вперед козырек западного крыльца собора. Два наружных угловых столба этого козырька резко контрастируют с другими почти скульптурной отделкой. Стоящие на простых квадратных основаниях, они имеют вид массивных цилиндров, поверхности которых украшены богатыми поясами из объединенных лент поребрика и полос выложенного из кирпича узора, повторяющего узор, входящий в состав карнизов апсид, приделов, галереи и самих крылец. Узор такого рисунка был особо любим соликамскими зодчими. Впо-

Соликамск. Троицкий собор.
Западное крыльцо

следствии он появился почти на всех соликамских храмах и церквях близлежащих сел. Выше, над широким карнизом опорных цилиндрических столбов крыльца, словно миниатюрные кариатиды, стоят по кругу как бы точеные в камне упругие балясины. Украшенные ими столбы составляют главную особенность западного крыльца собора. Поражающие предельной простотой и скульптурностью, эти столбы не знают себе равных. Можно не отрываясь смотреть на это творение рук человеческих. Выложенные из кирпича, они кажутся вырезанными из одного куска

дерева. Это подлинные произведения искусства, свидетельствующие о таланте, мастерстве и богатстве творческой фантазии создавших их мастеров. Строя главный храм города, его центральную святыню, они работали не только как архитекторы, но и как скульпторы, уделяя пластичности и живописности возводимой постройке особое внимание. Благодаря этому созданное ими сооружение не расплылось в аморфную массу, а стало весьма компактным и выразительным. В его художественном облике, в неразрывном стилистическом единстве сплелись воедино и общерусские, и местные художественные формы, берущие начало в деревянном зодчестве. Не исключено, что они были

как-то связаны с формами тех деревянных построек, которые в изобилии стояли на Соликамском посаде еще в тот момент, когда строительство Троицкого собора только начиналось.

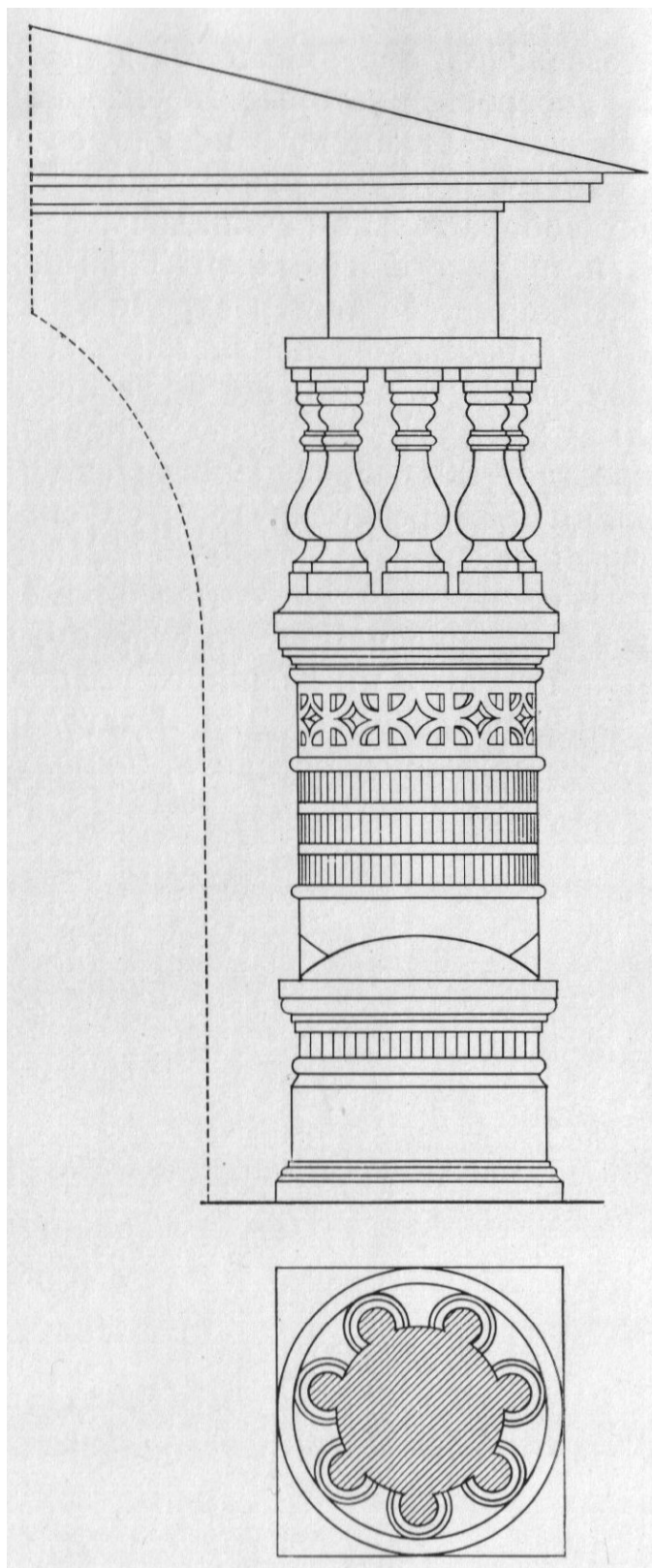
С живописной громадой Троицкого собора удачно сочетается стройная вертикаль соборной колокольни. Возвышается она чуть в стороне от северного крыльца храма. Ее высота от основания до креста — 60 метров. Поставлена колокольня на гребне крутого, спускающегося к Усолке косогора в 1713 году^{31.2}. Как бы под тяжестью времени наклонилась она немного в сторону, не потеряв при этом ни должного равновесия, ни горделивой осанки. Благодаря крену ее можно сопоставить, пожалуй,

с наклонной башней Невьянского завода (1725) на Урале и даже со знаменитой башней-колокольней (1174 — 1350) Соборной площади итальянского города Пизы. В силуэте города эта колокольня занимает ведущее место. Без нее Соликамск также немислим, как Псков без Троицкого собора или же Смоленск без Успенского. Прямых аналогов ей нет в русской архитектуре. Она привлекает внимание и центрической, ярусно-ступенчатой композицией, и необычной декоративной обработкой, и предельной выразительностью художественного облика.

*Соликамск. Троицкий собор.
Опоры западного крыльца*

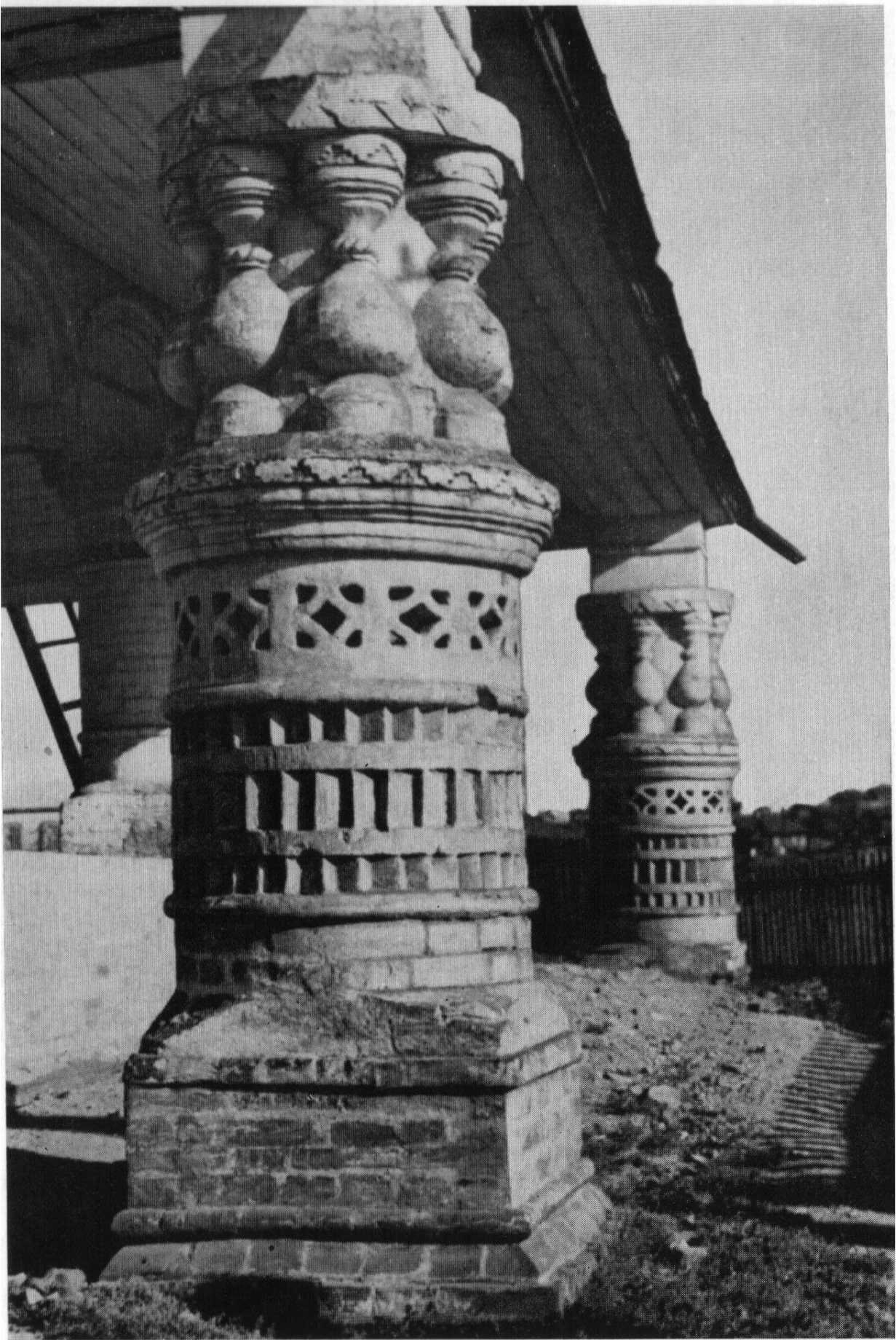
Состоит соликамская колокольня из двух объемов — массивного, геометрически четкого куба и огромной, возвышающейся над ним восьмигранной башни. С одной стороны куб имеет три полных, а с другой четыре неполных этажа со сводчатыми помещениями — «палатами». Отсюда происходит и распространенное название соликамской колокольни, как сооружения «на палатах». Стены куба ровные, оштукатуренные по кирпичной кладке. Небольшие, редко расположенные окна как бы подчеркивают их массивность. Когда-то палаты нижнего этажа куба использо-

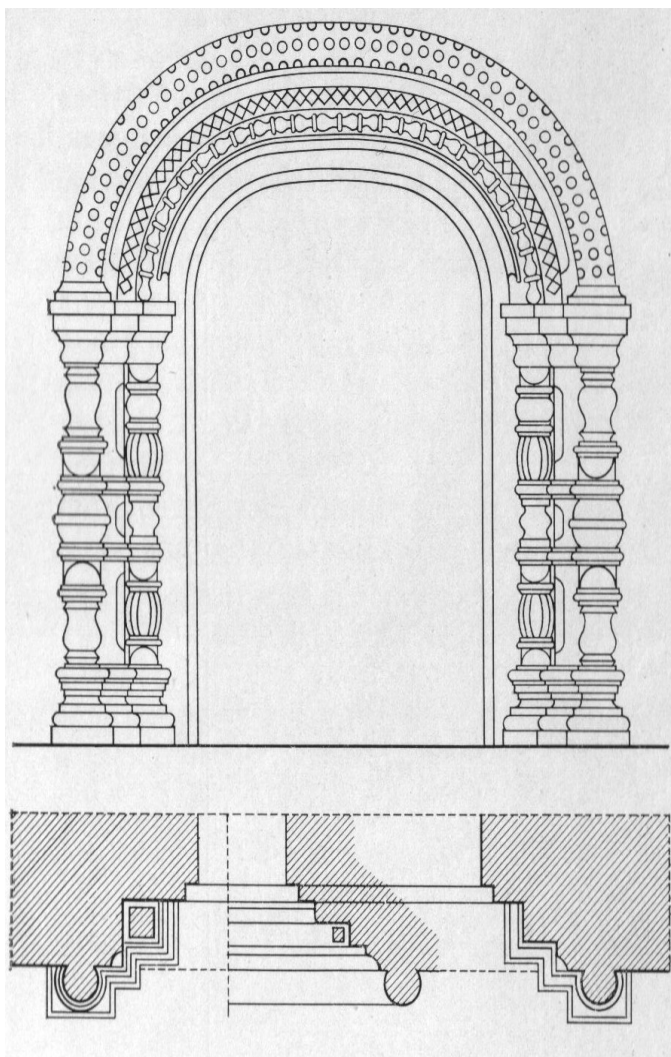

Соликамск. Троицкий собор. Фигурный столб западного крыльца. По А. Павлинову

Соликамск. Троицкий собор. Столбы западного крыльца

Соликамск. Троицкий собор. Фигурные столбы западного крыльца

Соликамск. Троицкий собор. Западный портал.
По А. Павлинову

Соликамск. Колокольня «на палатах»

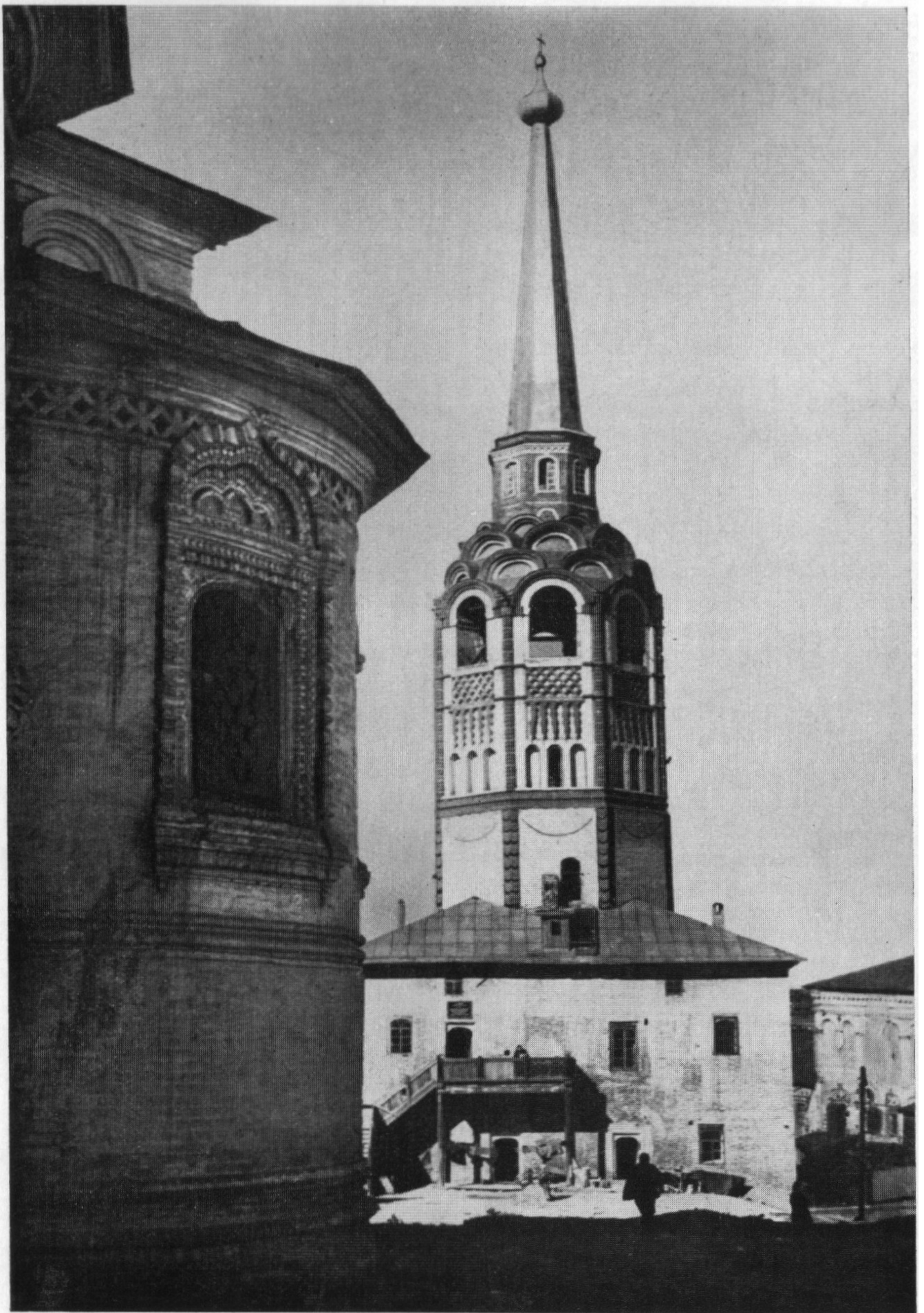
вались под склады, а в верхних были городское управление, суд и училище. В начале XIX века здесь в управлении хранился ковш, подаренный в 1707 году Петром I соликамскому посадскому человеку Андрею Жданову за то, что он, будучи якутским головою, «много прибытка государевой казне учинил».

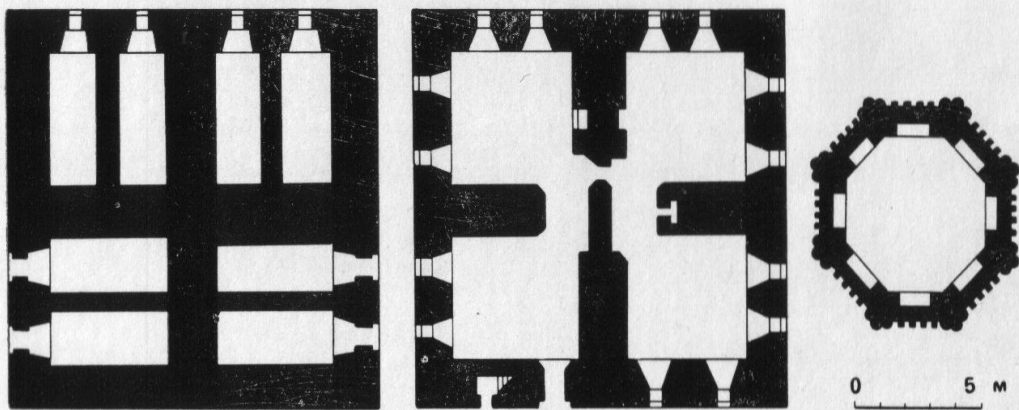
Возвышающаяся над кубом башня с широкими арочными проемами звона снабжена тремя рядами убывающих кверху кокошников и небольшим граненым «фонарем» над ними. Первоначально «фонарь» завершался крупной главкой, которую в 1837 году заменили

высоким шпилем с небольшой главкой и крестом. В 1943 году, когда деревянные конструкции пришли в негодность, шпиль рухнул и через тринадцать лет был восстановлен (по проекту архитектора Ф. М. Тольцинера), но с применением более долговечных металлических конструкций. Теперь он выглядит так же, как и до обрушения. Стремясь придать несущей его башне большую стройность и нарядность, строивший колокольню мастер расчленил ее «ствол» на два яруса, а ребра снабдил тонкими, сильно вытянутыми и ярко раскрашенными полуколонками с упрощенными капителями. Одновременно он украсил башню поясом сетчатой плетенки, выложенной в плоскости стены, и спускающимися вниз остроконечными, как бы колышущимися языками пламени.

Все это раскрашенное декоративное узорочье несколько громоздкого объема башни придает ей не только легкость, но и усиливает динамичность ее убывающих кверху форм. Очевидно на этой башне и висел большой «благовестный» колокол Троицкого собора, отлитый в 1782 году «господином мастером» чебоксарским мещанином Григорием Ивановым Визгиным^{32.2}. Живописная панорама города с его старыми деревянными и новыми каменными домами, древними храмами, узкой и извилистой речкой Усолкой и кромкой далекого зубчатого хвойного леса открывается сквозь арки банши.

Но колокольня «на палатах» примечательна не только внешним обликом. Крайне необычно ее конструктивное устройство. Правда, с первого взгляда кажется, что в основе этого оригинального сооружения лежит обыкновенная схема, известная в русском зодчестве как «восьмерик на четверике». Однако постановка одного

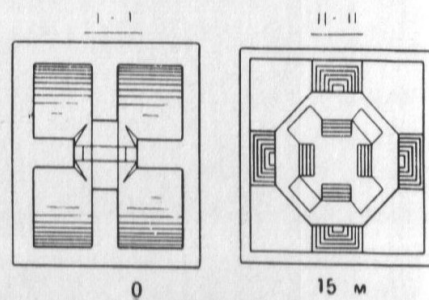
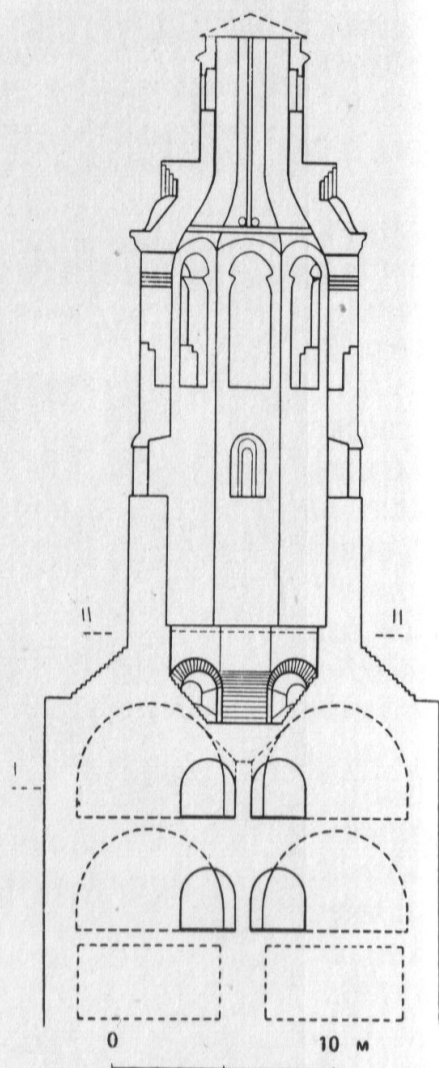
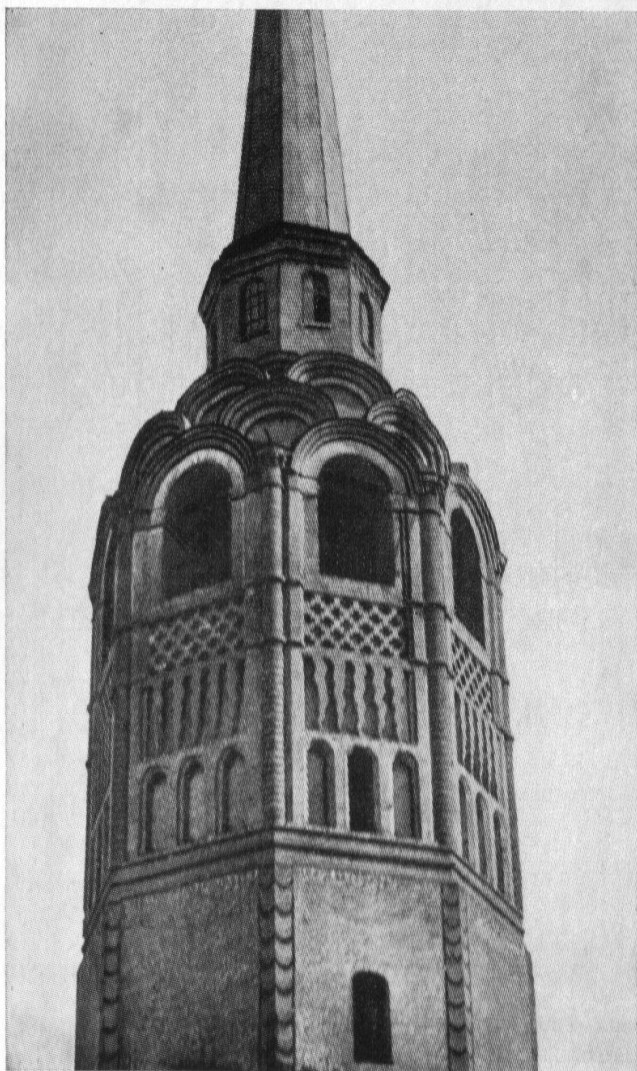

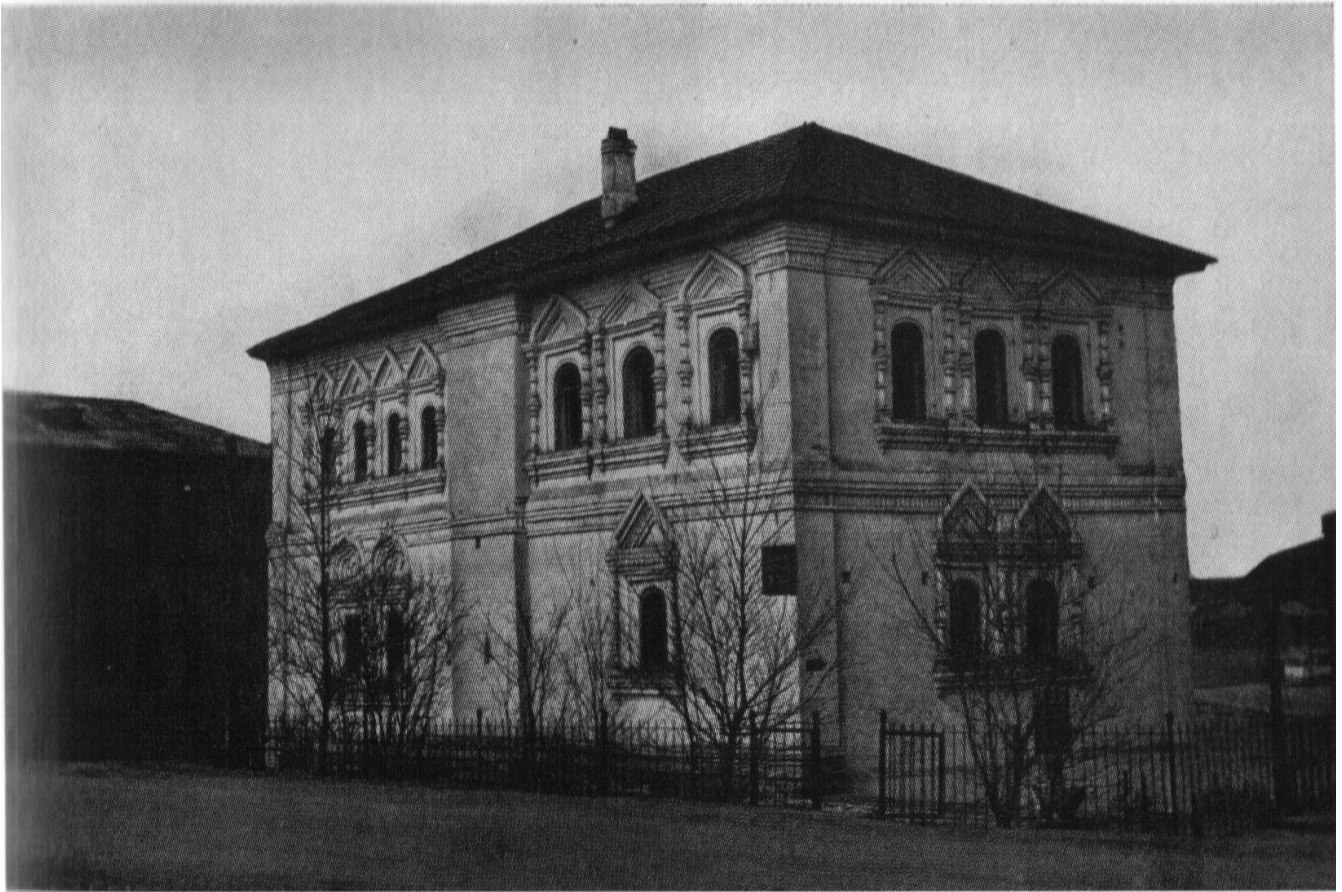

Соликамск. Колокольня «на палатах». Планы ярусов. Обмер ПСНРПМ

Соликамск. Колокольня «на палатах». Разрез. По Г. Штейману

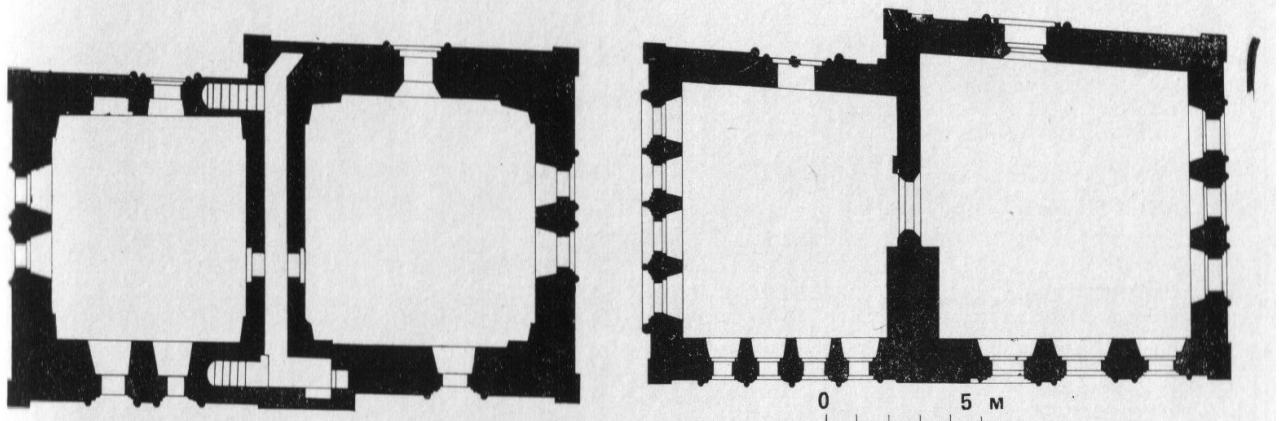
Соликамск. Колокольня «на палатах». Фрагмент

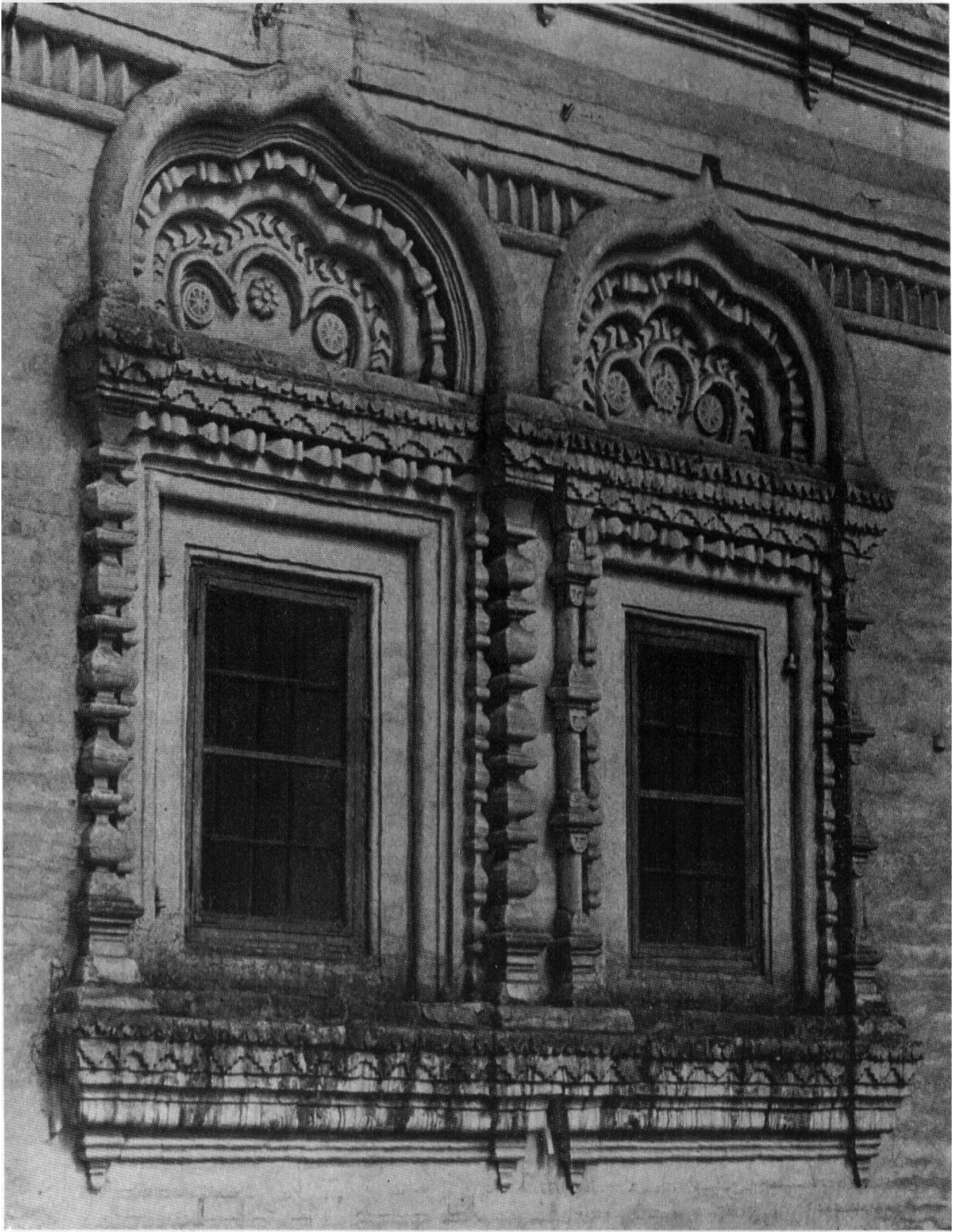
*Соликамск. Воеводский дом.
Общий вид со стороны улицы*

*Соликамск. Воеводский дом.
Планы этажей. Обмер ПСНРПМ*

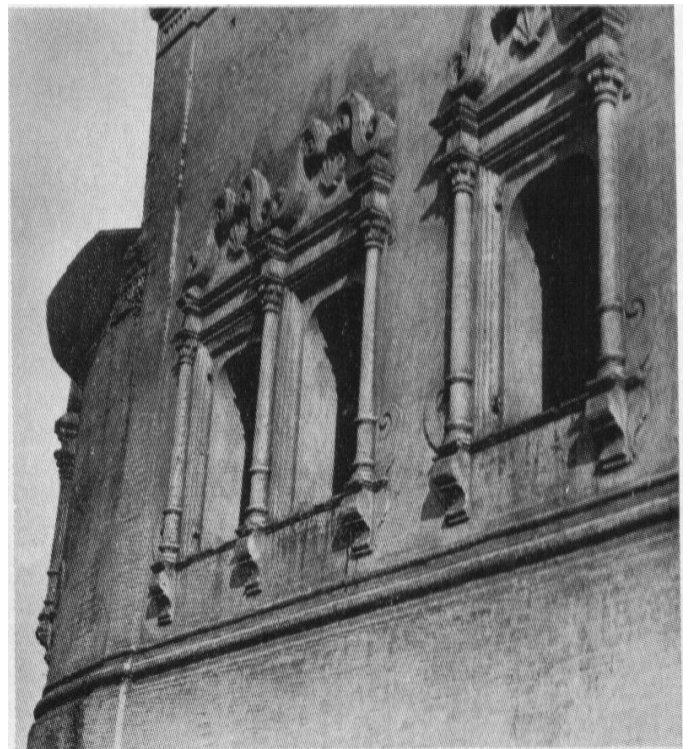
объема на другой выполнена здесь совершенно иначе, чем при обычном раз-мещении восьмерика на четверике. И действительно, диаметр башни (10 м) колокольни значительно меньше, нежели размеры сторон куба обходной галереи с вписанным в него

Напршивается сравнение соликамской колокольни с колокольней Николо-размещении восьмерика на гостинной церкви в Великом Устюге (конец XVII в.), в основе композиции которой лежит правильный квадрат

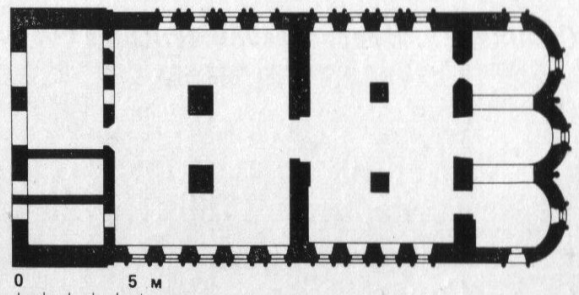
*Соликамск. Воеводский дом.
Окна первого этажа*

высоким и тяжеловесным восьмигранным стволom. Но куб Соликамском колокольни не охватывает, а несет на себе башню. Поэтому конструкции Соликамской колокольни «на палатах» гораздо сложнее и интереснее, нежели колокольни Николо-гостиной церкви Великого Устюга. Существенно отличается она и от конструктивной схемы «восьмерик на четверике». Строивший колокольню мастер оказался не только смышленным зодчим, но и прекрасным инженером, сумевшим найти оригинальный способ постановки меньшего, восьмигранного объема на больший, кубовидный. Для этого он разделил куб колокольни по высоте двумя взаимно перпендикулярными стенами, которые, образовав внутри крест, разбили каждый этаж на четыре равновеликих сводчатых помещения. Затем, подняв стены креста выше сводов верхнего этажа, мастер соединил их между собой диагональными арками. Так была создана пространственная конструкция, позволяющая держать значительную нагрузку поставленной на нее башни. С помощью четырех опор и такого же количества перекинутых между ними арок зодчий осуществил невиданный до того переход от четверика к восьмерику, игнорируя несоответствие их абсолютных размеров. Не пренебрег он и вопросами устойчивости соединенных объемов. Стены восьмерика были укреплены им контрфорсами, опертые на стены внутреннего креста куба, а прочность стен куба повышена системой сводов, чередующихся в направлении силы действия распора. Иными швами, стремясь равномерно распределить распор сводов на стены куба, не создавая для них излишней нагрузки, он перекрыл помещения его нижнего этажа цилиндрическими сводами, шельги которых идут с севера на юг;

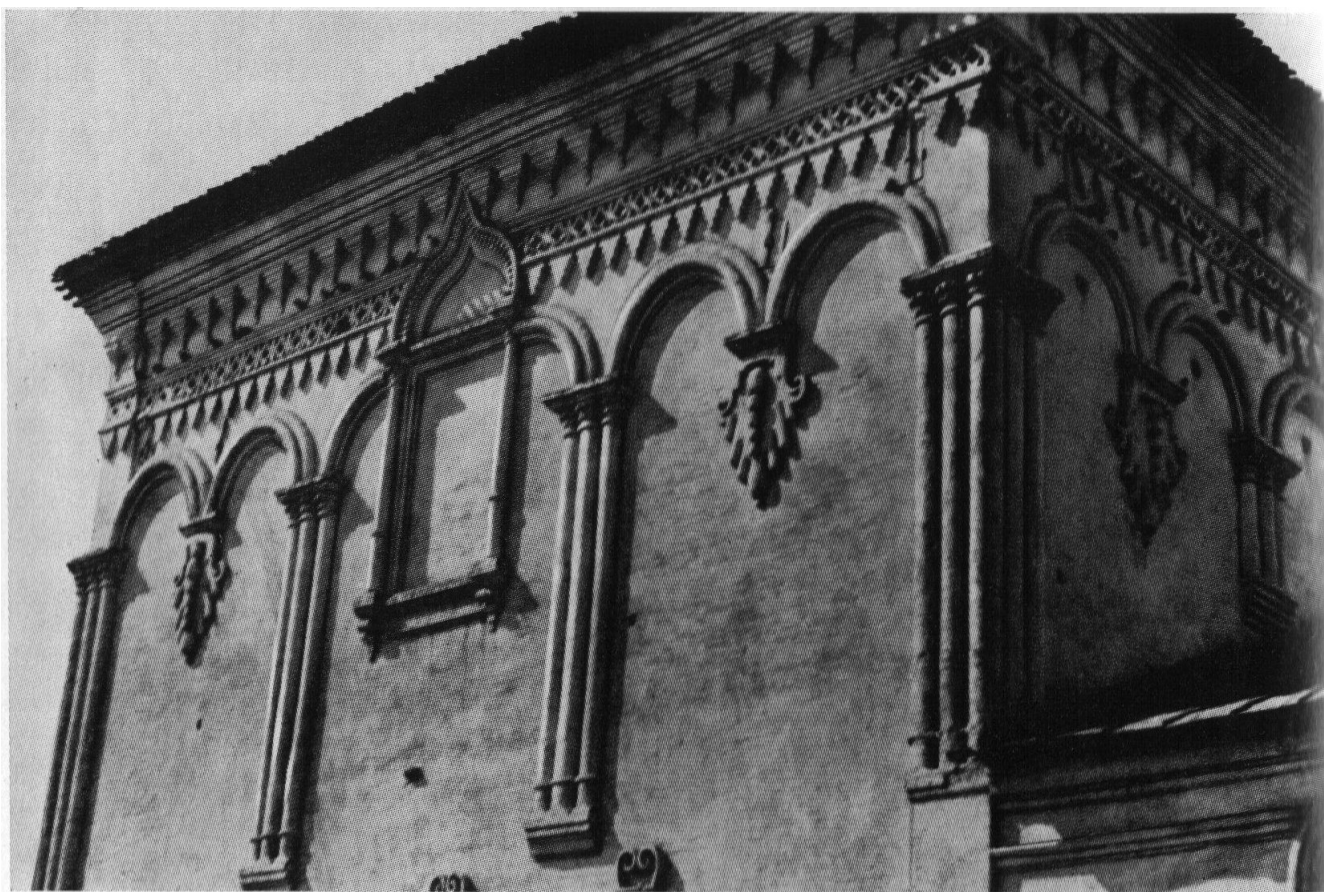
*Соликамск. Рождественская церковь.
Фрагмент северного придела*

*Соликамск. Крестовоздвиженский собор.
План. Обмер. ПСНРПМ*

помещения второго этажа — такими же сводами, но с шельгами, идущими с востока на запад: третий этаж он снабдил системой сомкнутых сводов и, наконец, самый верхний этаж — цилиндрическими сводами, лежащими в направлении с севера на юг. Благодаря этому соликамская колокольня стала в ряд весьма оригинальных сооружений начала XVIII века, не знающих себе подобных.

Рядом с колокольней «на палатах», чуть наискосок от Троицкого собора, высится Рождественская церковь. Ее

*Соликамск. Крестовоздвиженский собор.
Верхняя часть четверика*

строительство было начато в 1714 году^{33.2}. Известно, что в 1788 году на средства соликамского купца Елисея Семеновича Саратовского Рождественская церковь расписывалась ярославскими мастерами^{34.2}, но следов их деятельности не сохранилось. В результате позднейших перестроек утратил первоначальный облик и сам храм. Сейчас это просто двухсветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом. В прошлом его стены венчались широкими полукружиями с окнами-люкарнами, как и в более позднем Воскресенском соборе Чердыни. Заслуживают внимания барочные наличники лучковых оконных проемов Воскресенского придела храма, выстроенного с ним одновременно. С тонкими колонками по сторонам, опира-

ющимися на фигурные консоли, и с красивыми завитками наверху, между которыми разместились небольшие пальметты, они колоритными пятнами выступают на глади его оштукатуренных стен. Таких наличников нет на Троицком соборе.

Своей формой выделялись и утраченные главы Рождественской церкви. По обыкновению четыре угловые из них были глухими и только центральная, самая высокая — световой. Привлекавшие внимание ярусной структурой круглых вытянутых барабанов, высоко поднимались эти главы над кровлей храма, делая силуэт центрального ансамбля Соликамска еще более живописным.

Как органическое целое в состав этого ансамбля входит и другое церковное здание — теплый двухстолпный Крестовоздвиженский собор. Резко от

личается он от Троицкого формами декоративной обработки. Стоит этот собор к северу от колокольни «на палатах», непосредственно на берегу Усолки, рядом со старым деревянным мостом через реку. Он был выстроен на средства посадских людей в 1698—1709 годах^{35.2} «на старом горелом месте», где прежде была деревянная церковь. Строившие собор мастера учли и непрочность грунта, и расположение здания на затопляемом берегу Усолки. Поэтому, складывая стены храма из кирпича, они поставили их на фундамент из мергелистого известняка, а подошву фундамента уложили на продольные лежни забитых в землю свай, это придало сооружению необходимую устойчивость и предотвратило возможную деформацию его стен в дальнейшем. Во время городских пожаров 1741 и 1743 годов собор сильно пострадал от огня^{36.2} и в конечном итоге был

перестроен купцом Суровцевым, что внесло некоторые изменения в архитектурный облик постройки. Сейчас это массивный кубовидный четверик под четырехскатной железной кровлей с двумя столбами внутри, с невысокой широкой апсидой и равной ей по высоте обширной трапезной. Стоит собор на низком сводчатом подклете, в изолированных «палатах» которого когда-то хранились товары соликамских купцов. Как и в Троицком соборе, в нижней части апсиды здесь расположен широкий арочный проем, обрамленный богато украшенным порталом.

Декоративная обработка стен храма выполнена из лекального и фигурного кирпича. Привлекает внимание глухой верх четверика, лишенный оконных проемов. Это как бы лобовая, самая

*Соликамск. Крестовоздвиженский собор.
Фрагмент фасада*

главная часть сооружения, с широким уступчатым карнизом, опирающимся на частые треугольные консоли, узким «жучкового» рисунка поясом над плотным рядом «городков» и широкими парными полукружиями из валиков, которые опираются на пучки тройных, вытянутых трехчетвертных колонок. Слово гирьки, опускаются вниз по гладкому полю выбеленных стен сложные фигурные «пальметты», расположенные в местах соединения полукружий. Энергично разрывает их крупный килевидный киот, врезающийся в богатый «фриз» и консоли карниза.

Подобной обработки стен нет у других храмов не только Соликамска, но и всего Прикамья. С ней прекрасно согласуются ордерные наличники окон четверика и апсиды. Снабженные крупными спиральными, склонившимися к центру профилированными «волунами», над которыми, словно крохотные короны, расположились небольшие парные завитки, они составляют вместе как бы второй декоративный пояс сооружения, продолжающийся далее колончатыми наличниками окон трапезной с разорванными фронтончиками.

К востоку от центра города, чуть в стороне от Троицкого собора и колокольни «на палатах» расположены церковь Богоявления и так называемый Воеводский дом. Вместе эти интереснейшие памятники архитектуры как бы обрамляют улицу, которая от площади, подобно стреле, уходит на северо-восток, сливаясь с древней Бабиновой или «Государевой Верхотурской» дорогой. Их чуть смещенное положение по отношению к улице свидетельствует о некотором изменении ее направления на данном участке во время перепланировки Соликамска в конце XVIII века. Приезжавшие в Соликамск из Сибири по Бабиновой дороге видели эти пост-

ройки раньше, нежели они попадали в центр города.

Воеводский дом (реставрирован в 1956—1958 гг. архитектором Ю. М. Сидоровым) — один из наиболее сохранившихся памятников гражданского зодчества Соликамска конца XVII века. Он выстроен в 1688 году при воеводе Иване Головине после крупного пожара, во время которого погорели все церкви города, весь его посад и многие варницы^{37.2}. Строился этот дом по челобитной соликамцев и по грамоте царя Алексея Михайловича от 27 сентября 1673 года на посадские доходы^{38.2}.

Воеводский дом — трехэтажное, прямоугольное в плане сооружение, покрытое железной вальмовой крышей — мало чем отличается от других каменных жилых домов, строившихся на Руси в XVII веке. Он свидетельствует о том, что в период наивысшего экономического процветания Соликамска, некоторые из наиболее зажиточных его жителей уже изменили укоренившейся привычке жить в деревянных рубленых домах и стали строить для себя более надежные и огнестойкие каменные палаты. Однако влияние деревянных архитектурных форм на каменное строительство сказалось тогда даже в Москве. Не избежали его и мастера, строившие Воеводский дом в далеком провинциальном Соликамске. Особенно ярко это проявилось в планировке дома, повторяющей структуру рубленой крестьянской избы из двух самостоятельных клетей и сеней между ними. Правда, сени в Соликамском Воеводском доме отсутствуют, но плотно прилепившиеся одна к другой и не соединенные между собой палаты (сводчатые внизу и с плоскими перекрытиями в верхнем этаже) явно напоминают бревенчатый сруб. Даже небольшой, ничем не оправданный уступ кладки,

идуший от фундамента до кроили и стене дворового фасада, говорит, что палаты Воеводского дома повторяют деревянные клетки, из которых одна чуть больше другой, как бы уже пристроенной.

Отголоски влияния деревянных форм звучат и в декоративной обработке фасадов соликамского Воеводского дома. Его венчает простой, довольно широкий пятирядный карниз, под которым пропущен пояс поребрика. Те же формы повторены и в более узких междуэтажных тягах, выявляющих трехэтажную структуру постройки.

Яркими пятнами на фоне белых стен дома, покрытых слоем побелки, выступают прямоугольные и арочные оконные проемы — то спаренные, то раздвинутые в стороны и обрамленные красивыми наличниками. Первоначально рамы окон дома были очевидно слюдяными, в виде прямоугольной сетки из тонких и узких, клепаных в местах пересечений, железных пластин. Остатки одной такой рамы из Соликамска, датируемой XVII веком, экспонируются в Пермском краеведческом музее. Стрельчатые фигурные фронтоны наличников окон Воеводского дома, опирающиеся на полуколонки с перехватами и бусинами, то слегка врезаются в карниз, то целиком прорезают междуэтажные тяги. Обрамляющие широкие оконные проемы, четко посаженные на одном уровне, эти наличники являются основным декоративным украшением постройки. Среди них нет одинаковых. Своей красотой и декоративной насыщенностью выделяются два, вплотную сдвинутых один к другому наличника нижнего этажа кирпичного фасада. По сравнению с ними другие наличники кажутся более скромными. Своей декоративной обработкой не выделяется и арочный двер-

ной проем, обрамленный немного грузным порталом из круглых полуколонк с дольчатыми дыньками и как бы прилепившимися к нему с внутренней стороны фигурными бусинами.

Кому принадлежал Воеводский дом первоначально — неизвестно. Считается, что вскоре после постройки он использовался как административное здание, часть которого была занята покоями воеводы. Отсюда и происходит, очевидно, его название. Под административные нужды города этот дом использовался вплоть до упразднения воеводства в 1781 году, после чего его владельцем стал богатый соликамский солепромышленник Максим Григорьевич Суровцев. При нем внутри дома стояли печи, возможно, изразцовые, наподобие той, которая сохранилась в доме № 102 на улице Ленина, срубленном из северной лиственницы. Сделанная пленными шведами, она сплошь покрыта синебелыми изразцами с сюжетными рисунками и служит прекрасным украшением одной из его невысоких комнат.

Старинный деревянный шкаф XVII века, вывезенный из Соликамска в Пермский краеведческий музей, дает возможность судить об убранстве жилых домов города того времени. Шкаф высокий, двустворчатый, с волютными завитками вверху. Углы его скошены, карниз покрыт лиственным орнаментом. Верхние створки шкафа остеклены, а нижние снабжены фигурными филеками с резными накладками. Ровные поля верхних створок расписаны беловатыми цветами. Нижние, не покрытые резьбой части створок, украшены росписью из белых роз с листьями и ветками, уже потемневшими от времени. Сохранились гвозди, крепившие кожаную обивку на полках. Интересным произведением искусства является это творение местных столяров.

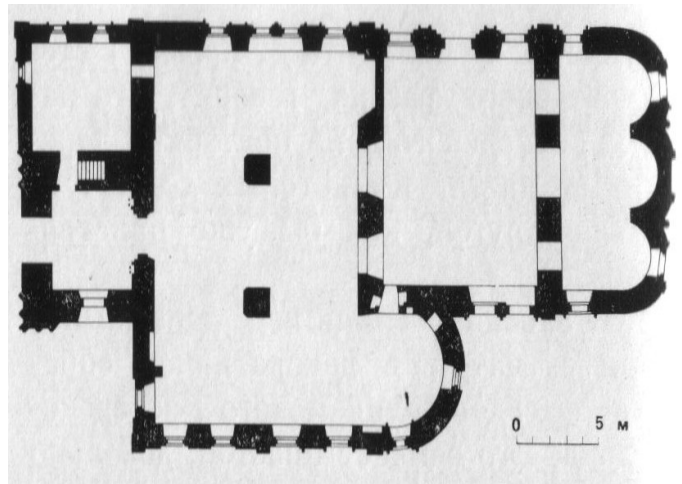

Соликамск. Церковь Богоявления.
Вид с южной стороны

«Красное» крыльцо Воеводского дома, выходящее на улицу, давно утрачено. Нет и первоначального крыльца, спускавшегося во двор со второго и третьего этажей дома.

Существует легенда, что из Воеводского дома отходили, якобы, подземные галереи — одна будто бы к реке Усолке, вторая в Кашкин лес (в двух километрах от Соликамска), а третья — в расположенную напротив Богоявленскую церковь.

Церковь Богоявления, выстроенная в 1687—1695 годах^{39,2}, как и одновременный Троицкий собор, стоит на месте сгоревшей деревянной церкви. Из всех храмов, которыми в конце XVII века

Соликамск. Церковь Богоявления.
План. Обмер ПСНРПЫ

был так богат Соликамск, эта деревянная шатровая клетская церковь пользовалась особой любовью местных жителей. Новый, сменивший ее каменный пятиглавый храм также не был обойден ими вниманием. Он принадлежит к тому же типу кубовидных бесстолпных церквей, что и Троицкий собор. К нему примыкает единственная в городе двухстолпная трапезная с приделом и грузной колокольней.

Интересно, что в то время, когда строилась Богоявленская церковь, по соседству поднималась вверх и громада Троицкого собора, покрывавшаяся удивительными каменными узорами. По этому в обработке стен церкви Богоявления ее мастера стремились не отстать от строителей, работавших рядом. Не копируя примененные ими формы, они в деталях внешнего оформления своего здания сумели показать трудившимся и искусством строить. Словно празднично разодетая красавица, стал перед ними Богоявленский храм, когда были убраны строительные леса. Однако в том же 1695 году, когда строительство церкви Богоявления было закончено, страшный пожар уничтожил ее главы и кровлю. Около десяти раз ремонтиро-

вался храм после пожаров и в следующем столетии. Кроме того, во второй половине XVIII века на средства Соликамского солепромышленника Максима Суровцева была надстроена его колокольня^{40.2}. В 1938 году в связи с просадкой фундамента надстройка была разобрана. Возможно, что во время ее создания мастерами и был оставлен на своде четверика храма деревянный блок, облегчавший их работу. В 1944 году взамен надстройки был сделан деревянный шатер (архитектор Ф. М. Тольцинер), образцом для которого послужил каменный шатер колокольни Преображенской церкви, расположенной неподалеку. Сам же храм остался неизменным. Прекрасно сохранилось и богатое, словно кружевное, декоративное узорочье сооружения, в формах которого звучат и московские мотивы.

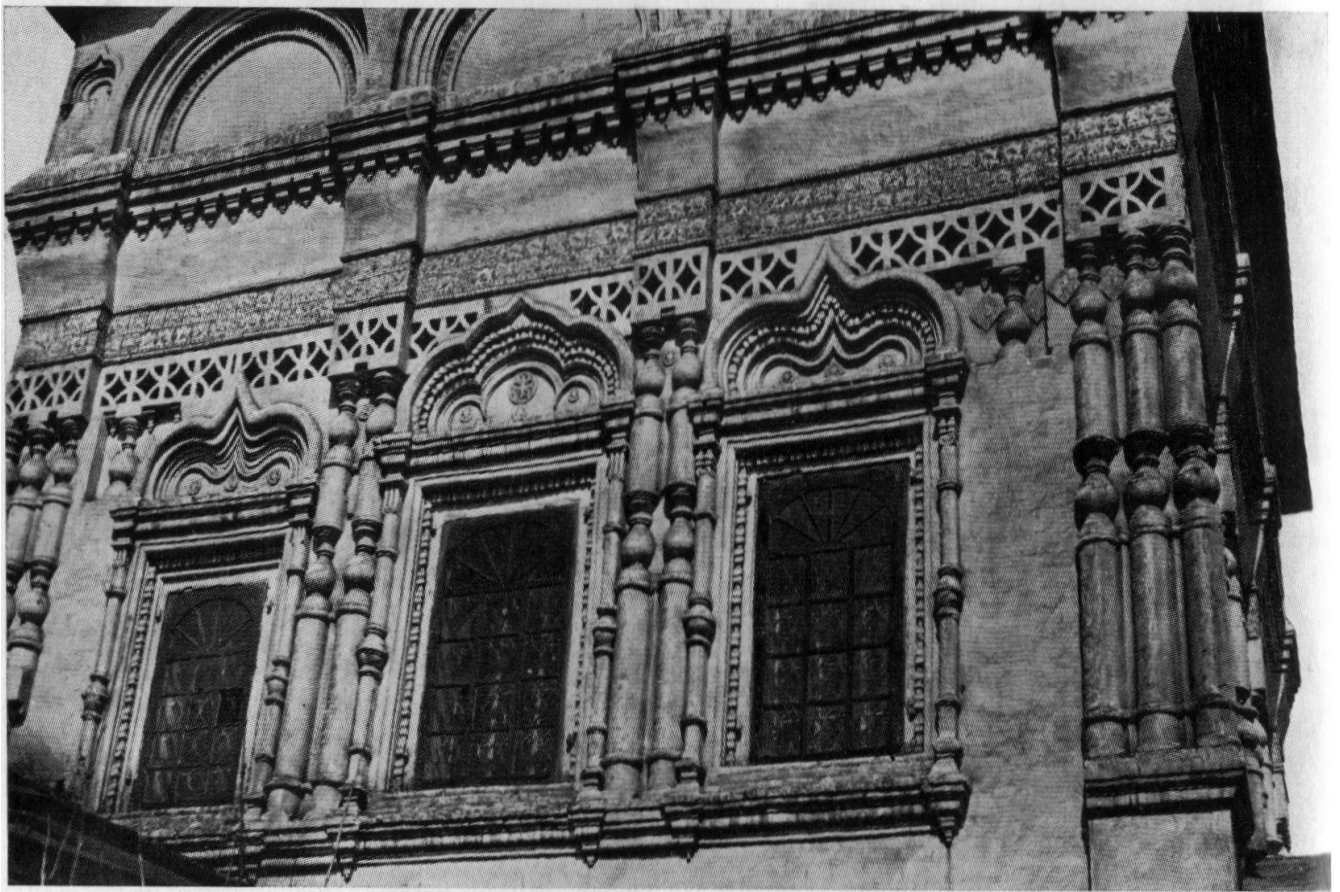
Особенно красиво убран вытянутый двухсветный четверик Богоявленской церкви. Широкие лопатки, переходящие в пучки тройных полуколонок, перебитых шаровидными вставками, скрепляют его углы. Такие же спаренные полуколонки делят на равные доли и верхние части фасадов четверика. Плотно прижались к ним фигурные наличники больших прямоугольных окон. Равным долям фасадов соответствуют широкие профилированные полукружия, возвышающиеся над карнизом с уступчатыми треугольными кронштейнами. А между ними и оконными наличниками разместился декоративный трехрядный пояс из как бы точеных в дереве балясин, сплошной ленты орнамента, напоминающего снежинки, и «муравленых» изразцов с причудливыми вазами, экзотическими растениями и всевозможными птицами — воронами, индюками и широко распутившими хвосты павлинами. Яркой зеленой по-

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Колокольня*

лосой воспринимается этот колоритный поливной пояс на фоне тщательно выбеленных кирпичных стен. Ему вторят такие же изразцовые подкарнизные пояса барабанов глав и объемов колокольни, выстроенной восьмериком на четверике.

Наличники нижних окон четверика несколько грубоваты и скромнее по рисунку. Грубоваты также детали украшений придела, где наличники имеют уже другую форму. Зато врезающиеся в карниз обрамления окон тройной апсиды, в западах которой стоят толстые круглые колонки, выделяются не только ажурностью рисунка, но и тщательным техническим исполнением.

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Фрагмент четверика*

Всевозможные узоры использованы также в обработке проемов северного фасада четверика. Здесь хотя и имеются примененные ранее формы, в целом композиция этих обрамлений существенно отличается от обрамлений южного фасада.

Особенно красиво на гладком фоне стены воспринимается чуть опущенный перспективный арочный портал. В его оформлении использованы самые разнообразные узоры. Здесь и круглые полуколонки с широкими дольчатыми дыньками и тонкими валиковыми перехватами; здесь и разных размеров жгутики с орнаментом из плетенки; здесь, наконец, и целая «радуга» уступающих вглубь полукружий, состоящих из широкого накладного, со стрельчатым верхом, вала, одинаковых дырчатых кружков, напоминающих лимон-

ные дольки и каких-то вплотную посаженных шаровидных «фруктов», сходных с очищенными мандаринами. Кажется, что богатство пышного декоративного узорочья фасадов храма не знает пределов.

Внимание привлекают также главы церкви Богоявления, стоящие на сомкнутом своде четверика. Кажущиеся небольшими, они в действительности имеют весьма крупные размеры. Средняя, например, в обхвате достигает почти тринадцати метров. Остатки глазурованной черепицы, найденные на чердаке четверика, подсказывают, что в прошлом они были покрыты «муравлеными» плитками, сходными по форме с лемехом. Слово яркие зеленую луковицы, воспринимались они на фоне неба, усиливая общую выразительность постройки. Таких глав в начале XVIII века не было во всем Соликамске и прилегающих к нему районах. Однако впоследствии глазурованная

черепица глав была заменена «деревянной чешуей»^{41.2} (существовала и конце XIX в.), на смену которой пришло затем кровельное железо. Ажурные кресты этих глав, укрепленные цепями-растяжками, являются прекрасным произведением соликамских кузнецов. Высоко поднявшиеся над городом, они как бы вторят крестам Троицкого собора.

А далее за церковью Богоявления расположен другой архитектурный комплекс Соликамска — храмы бывшего женского Преображенского монастыря. Когда-то здесь была окраина

города. Далее простирались поля, ограниченные плотной стеной хвойного леса. «А тот монастырь при Усолке реке. В том монастыре две церкви с трапезами и колокольница каменные, а кельи и ограда деревянное строение соликамских посадских людей», — говорилось в одной старинной рукописи.

Преображенский монастырь не был богат: не было у него ни земель, ни рыбных ловель, ни собственных мельниц. Монахинь выручала основатель-

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Южный придел*

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Апсиды*

ница монастыря Евдокия Никифоровна Щепоткина — вдова московской мясницкой полусотни торгового человека и крупного солепромышленника Соли Камской Федора Щепоткина. Помогала монастырю дровами и «братия» мужского монастыря, расположенного на противоположной стороне города. Сами же монахини не особенно любили свою «обитель». Они предпочитали жить не и монастыре, а в частных домах. Некоторые из них построили себе даже особые кельи вне пределов монастырской территории^{42.2}. Вплоть до закрытия Пре-

ображенского монастыря в 1765 году сбор «мирского подаяния» был их основным занятием.

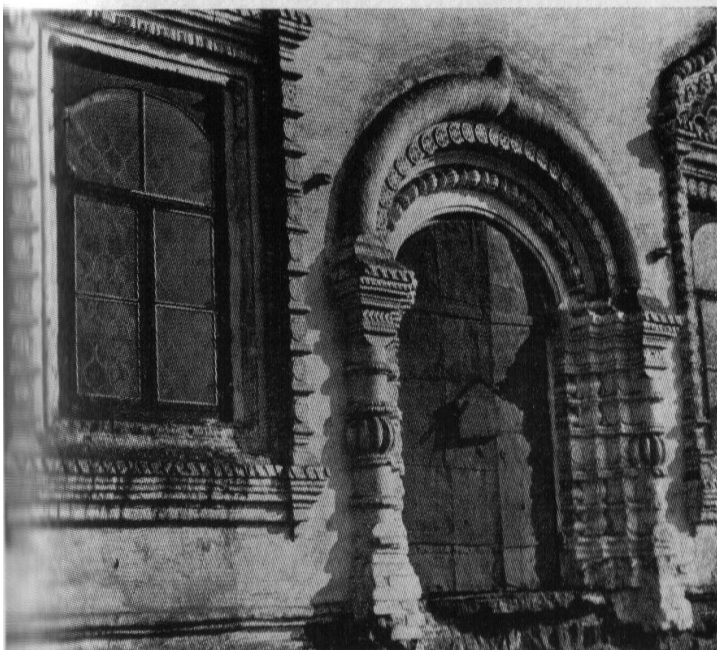
Преображенская церковь — главное здание монастырского комплекса. Она выстроена «на иждивение» той же Евдокии Щепоткиной. Это пятиглавый кубовидный храм с трехчастной апсидой, небольшим арочным крыльцом на маленьких круглых столбах и с обширной сводчатой трапезной, над кровлей которой возвышается шатровая колокольня. В грамоте, выданной на его постройку в 1683 году вятским архиепископом, указывалось, чтобы он был трех сажень длиной с четырехсаженной трапезной, а его высота установлена «по заводу и по чертежу подмастерья, смотря по подошве». Грамота требовала также, чтобы верх церкви был «не шатровый, но плоский, крестной»^{43.2}. За ее постройкой наблюдал Никита Третьяков, выбранный из среды соликамских посадских людей. В «Росписном списке» Соликамска 1686 года упомянуто дело о «челобитье мясницкой полусотни Федоровской жены Щепоткиной вдовы Овдотьи» на каменных дел подмастерья Логинка Корсакова, который подрядился выстроить Преображенскую церковь^{44.2}. Названная Овдотья — все та же Евдокия Щепоткина, основательница Преображенского монастыря и заказчица церкви Преображения. Она обвинила Корсакова в строительстве церкви «не противу договору и образцу». Следствием этого явился допрос подмастерья «и порутчиков его Гришки и Матюшки с товарищи». Что показал допрос — неизвестно, но претензия к мастеру не была, видимо, случайной. Во всяком случае на следующий год, еще в ходе строительства, «пал верх у каменной холодной церкви Преображения... девичьяго монастыря строение вдовы Евдокии Никифоровны Щепо-

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Верхняя часть четверика*

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Портал и окно северного фасада*

*Соликамск. Церковь Богоявления.
Фрагмент северного портала*

*Соликамск. Преображенская церковь.
Общий вид*

чихи»^{45.2}. Это задержало дальнейшее производство работ, в связи с чем полностью храм был закончен только в 1690 году^{46.2}. Около семи лет было затрачено на его создание. Привлекателен этот храм живописностью силуэта и затейливой игрой не столь уж замысловатых декоративных форм. Его украшают ложные закомары, опирающиеся на широкий орнаментированный карниз, и крупные оконные наличники с врезающимися в него килевидными фронтончиками. Богатыми пятнами воспринимаются они на ровной глади ограниченных лопатками кир-

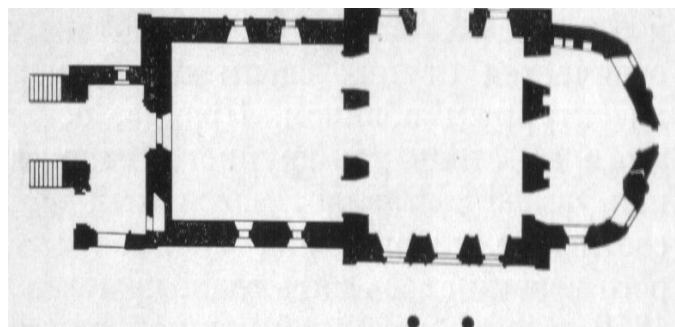
пичных стен, покрытых слоем побелки. Их прикрывают свесы четырехскатной кровли, над которой торжественно возвышается красивое пятиглавие. Своеобразным основанием служат его барабанам декоративные кокошники, перекликающиеся с ложными закомарами четверика. Живописность храма усиливается шатром колокольни со слухами между спускающимися вниз полуваликами ребер. Этот шатер и стал своего рода «образцом» для восстановленного в 1944 г. шатра колокольни церкви Богоявления. Прочно опирается он на широкие арки звона восьмерика, увеличивая общую выразительность сооружения.

По-своему нарядна и небольшая

церковь Введения (реставрирована в 1953 г. архитекторами Г. Л. Клацко и Ф. М. Тольцинером), стоящая рядом с Преображенской. Точная дата постройки этой церкви неизвестна. Одни авторы указывают, что возводилась она той же Евдокией Щепоткиной по грамоте 1683 года, в промежутке между 1684 и 1710 годами и освящена в 1713 году^{47.2}. Другие говорят о выдаче грамоты на ее создание в 1702 году, считая 1713 год временем ее постройки^{48.2}. Наконец, третьи относят церковь к 1687—1702 годам^{49.2}.

Согласно условиям грамоты 1683 года на создание Введенской церкви, мастера должны были «все то церковное здание строити по пригожеству», вознести его — «по заводу и чертежу подмастерью»^{50.2}. Так и сложили Введенскую церковь безвестные зодчие. Руководствуясь знаменитой формулой «как мера и красота скажут», нашедшей собственное выражение в тексте грамоты, они, хотя и были связаны заданными размерами, строили церковь по своему смотрению. Кубовидная, немного приемистая, под четырехскатной крышей, с небольшой трапезной, трехчастной апсидой и одной крытой лемехом тонкошейей луковичной главкой, над которой возвышается красивый ажурный крест работы местных кузнецов, она отличается простотой и скромностью внешнего облика. Своеобразный контраст составляет эта церковь по отношению к стоящему чуть в стороне Преображенскому храму.

Незамысловата и декоративная, несколько суховатая ажурная обработка Фасадов Введенской церкви — ее крупных ложных закомар и широкого пояса под ними. Зубчатая и геометрически четкая, она при своем однообразии производит все же впечатление кружевного рисунка. Проходящая и под

*Соликамск. Преображенская церковь.
План. Обмер ПСНРПМ*

карнизом апсиды, неглубокие запады которой заполнены гранеными полуколоннами, опирающимися на профилированный цоколь, эта обработка делает Введенскую церковь весьма уютной и привлекательной.

Скромному ансамблю Преображенского монастыря как бы отвечает небольшой комплекс из двух храмов, стоящих к западу от центральной площади. Раньше здесь располагался деревянный «город» Соликамска, его укрепленная башнями рубленая крепость, уничтоженная пожаром 1672 года. Ставшие на ее месте храмы были созданы в период наивысшего развития Соликамска, когда в нем велось интенсивное каменное строительство. Чуть позже, уже в 1733 году между ними была выстроена не сохранившаяся ныне каменная колокольня^{51.2}.

Архангельская церковь, входящая в состав этого комплекса, была основана после 1712 года и освящена в 1725 году^{52.2}. Она стала на место сгоревшей в 1712 году деревянной церкви. Придел этой церкви во имя Симеона Столпника был освящен в 1768 году. До наших дней она дошла почти полностью измененная позднейшими перестройками.

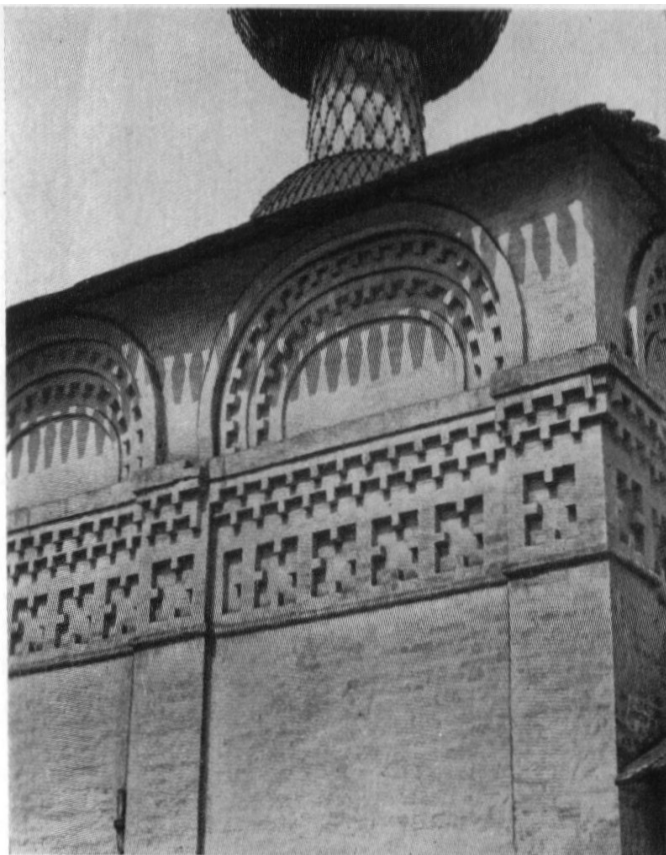
Стоящая рядом Спаская церковь была выстроена в 1689 году^{53.2}. Созданная в тот период, когда в городе велись работы по созданию Троицкого собора

и Богоявленской церкви, она во многом отличается от них своим внешним архитектурным обликом. Правда, основу этого не столь уж крупного сооружения также составляет массивный двухсветный четверик, над кровлей которого возвышалось пять глав, крытых до 1850 года «деревянной чешуей или лемехом»^{54.2}. Однако поставлен он не на квадратное, а на прямоугольное основание. Это оказало влияние на всю объемно-пространственную структуру храма и пропорциональное соотношение сторон его основного объема. Он вытянут не столько по продольной, сколько по поперечной оси. Отсюда его некоторая грузность и тяжеловесность, разная композиция фасадов и излишняя растянутость низкой тройной апсиды с решительно выявленными полукружиями.

Не отличается Спасская церковь и той живописностью, которая свойственна другим одновременным храмам. Некоторая тяжеловесность декоративных форм — вот ее особенность. Четверик церкви скреплен по углам широкими лопатками, имеет под свесом кровли ложные закомары (по три на коротких и по четыре на длинных сторонах) и снабжен чуть грубоватыми наличниками на арочных окнах. Простые по рисунку, они либо с правильными треугольными фронтончиками,

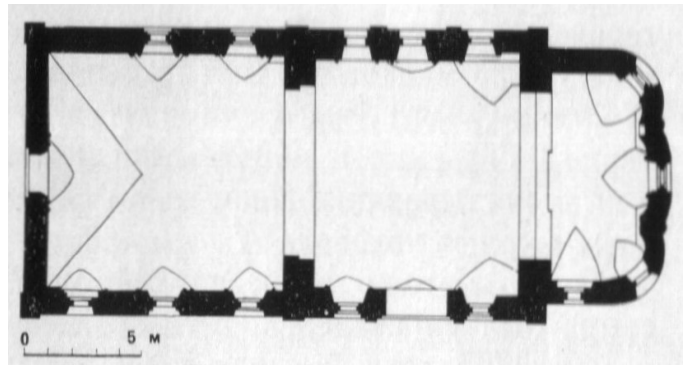
Соликамск. Церковь Введения. Общий вид

Соликамск. Церковь Введения. Фрагмент

либо с тройными полукружиями наверху. Крупными узорными пятнами воспринимаются эти наличники на ровной глади выбеленных стен. Красивы и наличники окон апсиды, среди которых, по сложившейся традиции, выделено обрамление центрального проема. Здесь это не кружевное богатство, свойственное Троицкому собору и церкви Богоявления, а всего лишь сдержанная красота. Два красивых, как бы резанных в дереве, крупных столба стоят в глубоких западах апсиды. Сложные по рисунку, с извивающимися по спирали валиками, толстыми шаровидными частями и сложнопрофилированными уступчатыми цилиндрами, они составляют ее главное декоративное богатство. Создавший эти столбы мастер явно ориентировался на опоры западного крыльца Троицкого собора, хотя и не копировал их. Он строил храм не только с учетом места его расположе-

Соликамск. Церковь Введения. План.
Обмер ПСНРПМ

ния вдали от главной площади Соликамска, где кипела его деловая жизнь: одновременно он принимал во внимание обращенность восточного фасада в сторону площади и ту роль, которую этот фасад будет играть в общем ансамбле окружающей деревянной застройки.

Иные качества свойственны постройкам Вознесенского мужского монастыря — еще одного архитектурного комплекса Соликамска, расположенного к западу от территории бывшего кремля и возвышающихся на ней храмов.

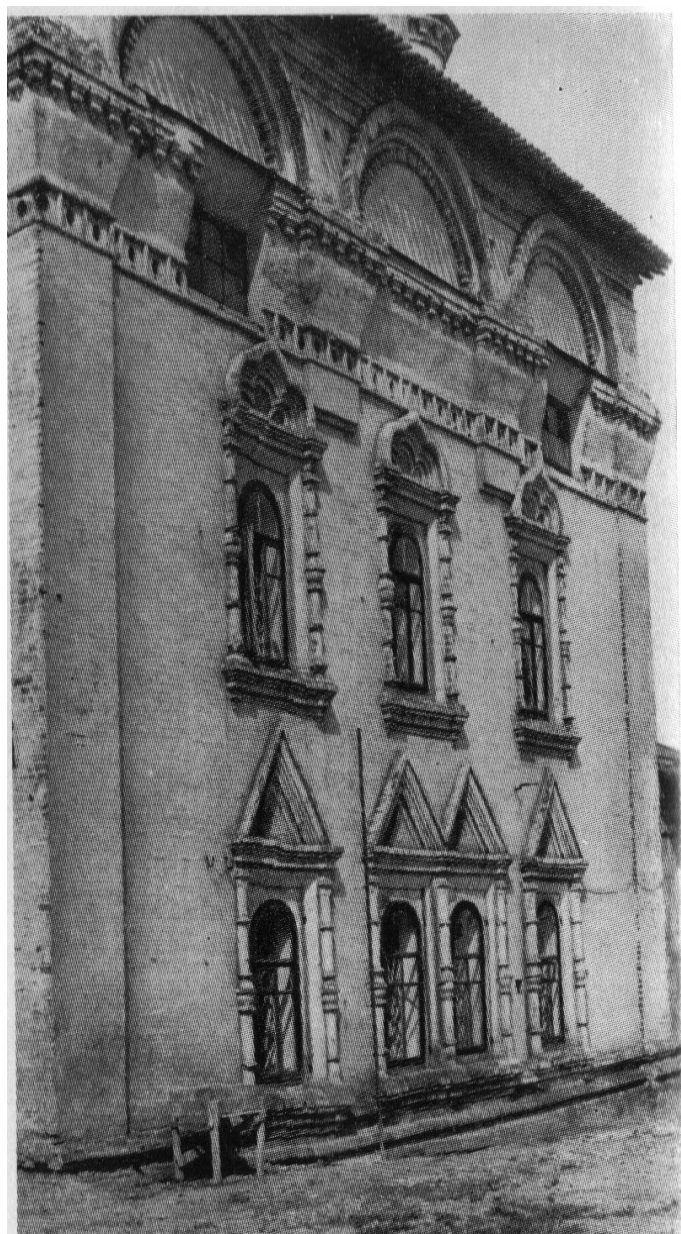
Вознесенский монастырь был основан на окраине города еще в конце XVI века. Средства на его создание были пожертвованы соликамскими посадскими людьми Василием Онуфриевым и Прокопием Моисеевым^{55.2}. Довольно крупной была эта обитель. По переписи 1724 года в ней насчитывалось «мужеска полу — сто семдесят душ, да крестьянских бобыльских и нищенских 273 души», то есть в общей сложности 443 человека. Крестьяне платили монастырю сбор с 273 душ «двести восемнадцать рублей тридцать алтын, две деньги». В 1730 году в Вознесенском монастыре было построено каменное здание монастырской больницы, а его территория окружена каменной оградой^{56.2}. В дальнейшем постройки монастыря неоднократно страдали во время

городских пожаров. Особенно ощутимый ущерб монастырю был причинен в 1743 году. Тогда выгорели внутри его церкви, больница и монашеские кельи, а на монастырских колокольнях от огня расплавились колокола^{57.2}.

В 1764 году Вознесенский монастырь был упразднен, а немного позднее, в 1755(?опечатка в книге) году, в связи с «сокращением штатов» монастырей, на его территории разместился Спасо-Преображенский Лысвенский монастырь, переведенный в Соликамск из деревни Лысвы^{58.2}.

Это, конечно, обусловило некоторую перестройку старой обители. В 1788 году при архимандрите Иакинфе в ней была освящена теплая Богородицкая церковь, построено «манерное» крыль-

Соликамск. Спасская церковь. Вид с востока. Снимок начала XX в.

Соликамск. Спасская церковь. Южный фасад

цо у северного фасада холодной церкви, а в верхней части ее западной стены пробито окно и по «новому манеру» пристроена паперть к теплой каменной церкви^{59.2}. Последняя украшается снаружи еще и иконами^{60.2}. Все это вносит ощутимые изменения в художественный облик старого монастырского комплекса. Не исключено, что какие-то изменения в архитектуре построек бывшего Вознесенского монастыря появились и после 1794 года, когда располагавшийся в нем Лысвенский Спасо-Преображенский монастырь был переведен в Пермь^{61.2}. Правда, тогда весь

комплекс бывшего Вознесенского монастыря был оставлен со всем своим старым имуществом^{62.2}, но на другой год в нем разместился уже Троицкий монастырь, переведенный в Соликамск из села Истобеского на реке Вятке^{63.2}, а это, наверняка, вызвано проведением новых работ в старых монастырских постройках.

На исходе XVIII века продолжается расширение монастыря новыми зданиями. В 1798 году в нем была освящена даже новая церковь во имя Божьей Матери^{64.2}. Однако в 1806 году бывший Вознесенский монастырь, именовавшийся тогда Истобенским Троицким, снова пострадал во время городского пожара^{65.2}. Это обусловило большие восстановительные работы, которые снова повлияли на его архитектурный облик.

Ныне на территории бывшего Вознесенского монастыря сохранилось два интересных каменных храма — Возне-

сенская церковь и церковь Михаила Малеина.

Надвратная церковь Михаила Малеина выстроена в 1731 — 1734 годах^{66.2} «тщанием» соликамского солепромышленника Михаила Турчанинова. Она встала, очевидно, на место Святых ворот монастырской ограды^{67.2}. Это бесстолпный четверик, над сомкнутым сводом которого возвышается массивный восьмерик колокольни с открытыми в прошлом проемами звона. Благодаря этой колокольне церковь Михаила Малеина существенно отличается от других храмов города. Ее большие оконные проемы обрамлены скупыми рамочными наличниками, которые не соответствуют времени постройки храма и являются, безусловно, результатом его перестройки.

Соликамск. Спасская церковь. Апсиды

*Соликамск. Вознесенский монастырь.
Общий вид*

Церковь Вознесения стоит рядом с церковью Михаила Малеина. Она построена в 1698—1704 годах «тщанием господ Суровцевых»^{68.2} — самых крупных предпринимателей Соли Камской. Это культовое сооружение, претерпевшее в позднейшее время ряд изменений, отличается богатством своих декоративных форм. Его фасады снабжены крупными ложными закомарами, а оконные проемы украшены красивыми наличниками с волютами и ложными консолями в промежутках между спиральными полукружиями. Разглядывая их, невольно вспоминаешь более ранний Крестовоздвиженский собор с его пышными деталями. Однако здесь уже собственная форма, собственная манера исполнения, свидетельствующие о дальнейшем развитии декоративного

убранства, особо полюбившегося соликамским мастерам XVIII века.

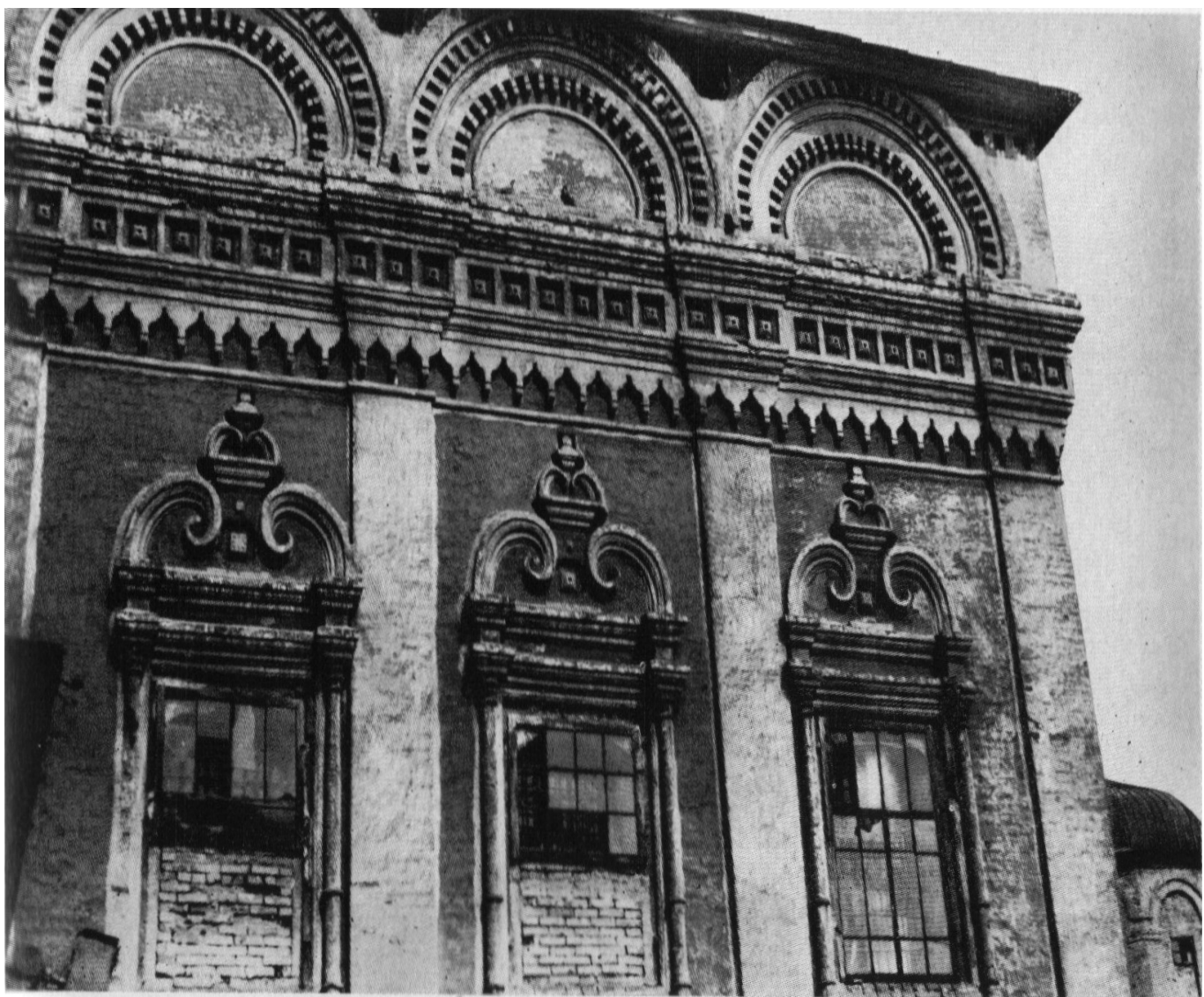
Подобное убранство свойственно и небольшой, в прошлом кладбищенской церкви Жен Мироносиц, стоящей в во сточной части города. Это самая поздняя церковная постройка, отличающаяся небольшими размерами и скромными архитектурными формами. Она возведена в 1772 — 1776 годах по заказу и на средства богатого соликамского солепромышленника Максима Григорьевича Суровцева за пределами города, на специально отведенном им поле, и в 1786 году стала местом его погребения^{69.2}. Легенда рассказывает, что Суровцев, владевший тогда Воеводским домом, в одном из его подземных ходов обнаружил, якобы, ларец с деньгами и какие-то драгоценные вещи. Когда находка была внесена в дом, всю семью солепромышленника поразила страшная болезнь, от которой не помогли

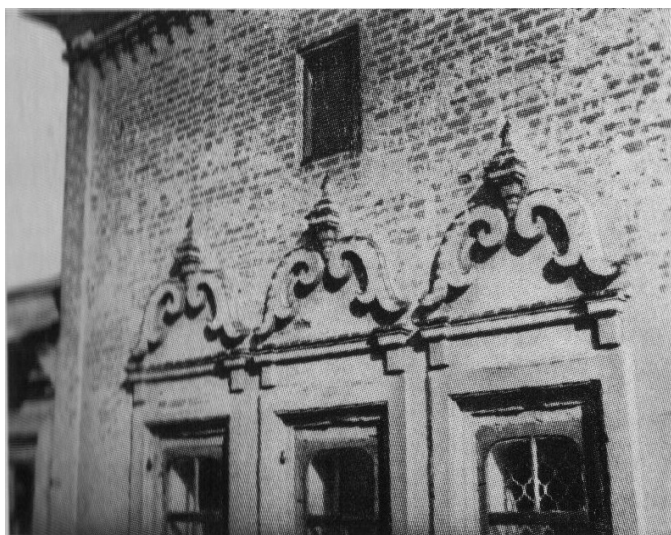
никакие лекарства. Тогда Суровцев и употребил найденные сокровища на строительство церкви Жен Мироносиц, что принесло его семье излечение^{70.2}. Выстроенный им храм очень прост. Это кубовидный четверик, перекрытый сомкнутым сводом, с одной граненой апсидой и довольно обширной трапезной, к западной стене которой примыкала не сохранившаяся ныне колокольня^{71.2}. Строил церковь мещанин Иван Горбовский со своими детьми. Он же сделал для нее иконостас и вел внутри столярные работы. Она была богато украшена иконами. Их для нее писал мещанин Петр Казанцев вместе с пономарем Семеном Белозерским и мещанином Иваном Швецовым^{72.2}. Видными были тогда в Соликамске эти мастера.

Соликамск. Вознесенский монастырь. Церковь Михаила Малеина

Соликамск. Вознесенский монастырь. Фрагмент церкви Вознесения

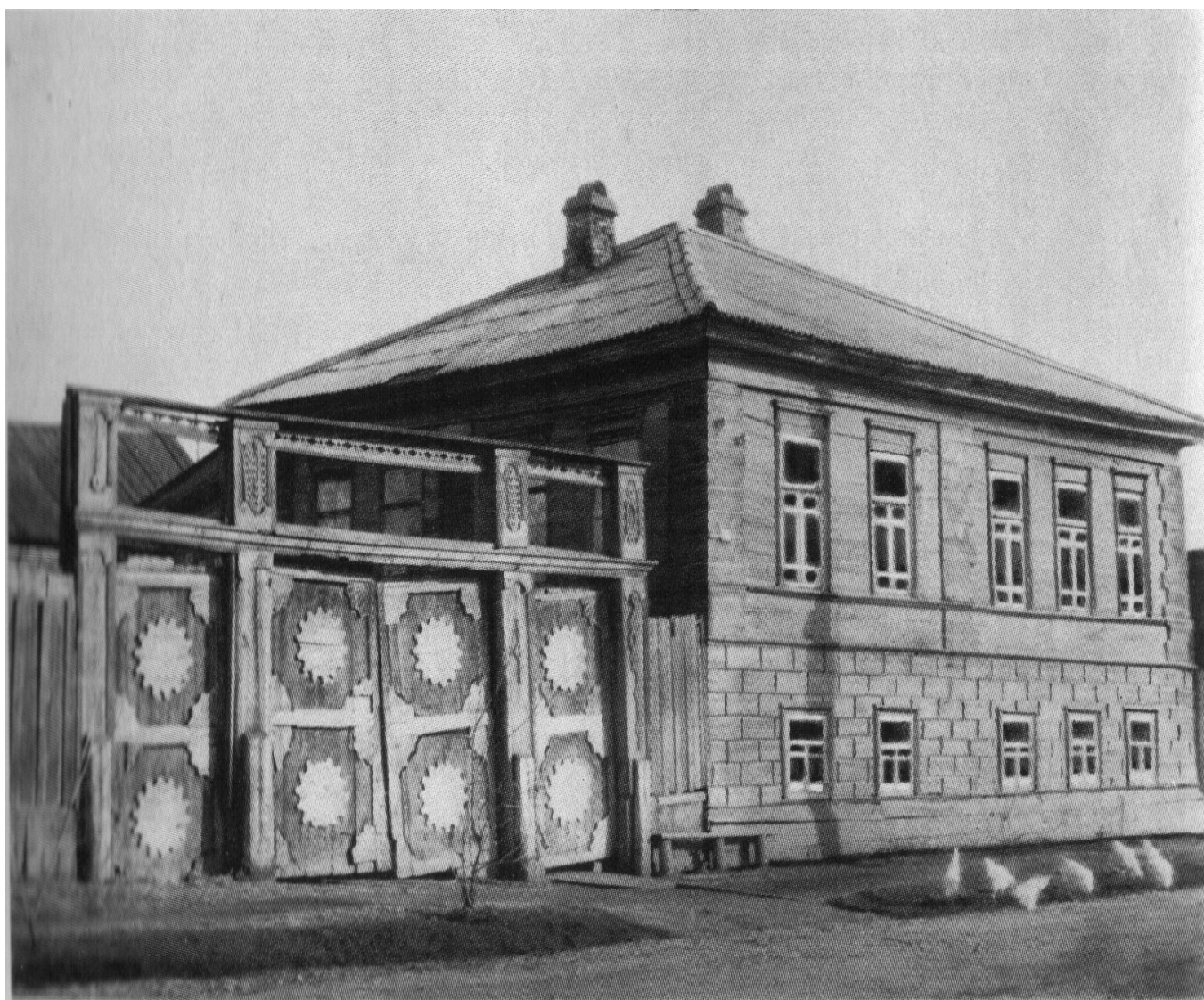

*Соликамск. Церковь Жен Мироносиц.
Фрагмент*

*Соликамск. Жилой дом XIX в.
и его ворота*

Среди имущества церкви Жен Мироносиц особенно выделялись золоченый серебряный напрестольный крест с дарственной надписью Максима Суворцева и три вызолоченных серебряных ковчега. Один из них был сделан в 1712 году, то есть до постройки церкви, Тимофеем Истоминым — крепостным человеком Строгановых из села Зырянского.

Сейчас всю прелесть храма, над сомкнутым сводом которого возвышалась небольшая главка, составляют наличники лучковых оконных проемов. Обрамляющие их в виде узких рамок, они снабжены богатыми волютными фронтончиками, между полукружиями которых свободно разместились ничего не несущие кронштейны-консоли, по-

вторяющие рисунок плотно поставленных консолей широкого уступчатого карниза.

Простота архитектурных форм свойственна также деревянным жилым домам середины и второй половины XIX века, сохранившимся в восточной части Соликамска. Как правило, это обыкновенные двухэтажные здания, бревна которых почернели от времени. Каждый из них не отличается богатством декоративного убранства. Некоторые дома схожи даже с крестьянскими избами, но основная их масса — постройки городского типа. Среди них выделяются дома на бывшей Спасской улице, сливающейся с Бабиновой дорогой (ул. Ленина, 56, 73 и 75), уходящей на восток от центральной площади. Это не что иное, как выстроенные по «образцовым» чертежам жилые здания

Соликамск. Жилой дом первой половины XIX в.

эпохи классицизма. Они небольшие, двухэтажные, с простыми, слегка нависающими карнизами, большей частью с рустованными первыми этажами и углами. Деревянные наличники с изящными сандриками обрамляют их крупные окна. Теплотой и уютом веет от этих построек, дощатая обшивка которых уже давно потемнела от времени. И это не что иное, как городские усадьбы Соликамской, со своими, подчас весьма небольшими дворами. Уверенно выстроились они в линию один за другим на улицах, спланированных еще в конце XVIII века.

Интересной достопримечательностью городских деревянных домов Соликамска являются ворота их хозяйств-

венных дворов. Это — сооружения на бой в виде накладных розеток, массивных столбах, подчас с двойными символизирующих солнце. Домов с перекладинами и даже двумя такими воротами в городе раньше было калитками (одна ложная) по сторонам. Строились они и значительно больше. Строились они и в других городах Прикамья того Филенки створ ворот украшены глухой в резь- времени.

3. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ БЛИЖНИХ СЕЛ

К Соликамску, как и к Чердыни, тяготеет несколько селений, памятники архитектуры которых заслуживают внимания. Среди них село Красное, уже давно вошедшее в состав городской застройки Соликамска, поселок Боровск, ставший большим промышленным районом города, село Городище, расположенное в семи километрах на старой Бабиновой дороге, село Верх-Боровое и деревня Верх-Усолка.

Бывшее село Красное занимает территорию в районе современной железнодорожной станции «Соликамск». Полторы версты отделяло это село от города в XVIII веке. Оттого и называлось оно Красным, что красиво располагалось на крутом берегу Усолки, недалеко от впадения ее в Каму. Из окон изб села открывалась величественная панорама видневшейся вдали могучей реки, на двигавшиеся по ней караваны судов, на затопляемые в половодье луга правого берега Усолки, на темнеющую вдали громаду вечнозеленых хвойных лесов. Где-то поблизости от этого села, но ближе к Соликамску и находился названный выше ботанический сад, вызвавший восхищение академика Лепехина.

Величественным творением рук человеческих является Иоанно-Предтеченская церковь села Красное. Теперь это своеобразный архитектурный ориентир северной части Соликамска. Пользовавшаяся у соликамских промышленников и купцов особым уваже-

нием эта церковь долгое время была своеобразным маяком для всех судов, входивших в не столь уж широкое устье Усолки.

Крест в знак основания красносельской Иоанно-Предтеченской церкви был поставлен в 1721 году вятским и великопермским епископом Алексеем. Однако выстроена эта церковь была только в 1728 году. Сперва она создавалась «на иждивение» богатого соликамского солепромышленника Ивана Суровцева, а после его смерти заканчивалась уральским промышленником и купцом Алексеем Федоровичем Турчаниновым^{73.2}. Женой последнего в 1788 году было пожертвовано восемнадцать колоколов для Иоанно-Предтеченской церкви, звон которых как по подбору, так и по звуку отличался замечательной гармоничностью. В 1856 году наследники Турчанинова, владевшие Сертскими железоделательными заводами, заявили свои права на эти колокола, но красносельцы, всегда гордившиеся их звоном, сумели их отстоять. С особой любовью относились они к «повседневному» стопудовому колоколу, названному ими за чистый и радостный звук «Веселилом».

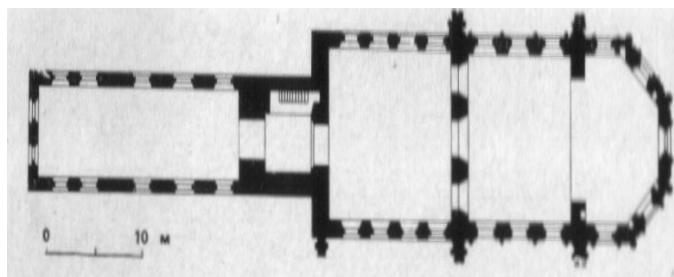
С чувством внутреннего достоинства отзывались жители Красного и о своем храме. Каждый из них знал, что такой пышно убранной постройки, удивлявшей богатством декоративной отделки, не имело ни одно прикамское село.

За время своего существования

*Красное. Иоанно-Предтеченская церковь.
Общий вид*

Иоанно-Предтеченская церковь несколько раз ремонтировалась. В 1798 году производилось даже ее новое освящение^{74.2}. Особенно сильно церковь пострадала в 1868 году, когда буря, пронесшаяся над Красным, разрушила ее главу, сорвала железные кровли. Однако избранный тогда в церковные старосты соликамский купец В. А. Рязанцев на свои средства ликвидировал все повреждения. Им была сделана новая глава, восстановлены железные кровли, вставлены в окна новые рамы и осуществлены другие работы, в ходе кото-

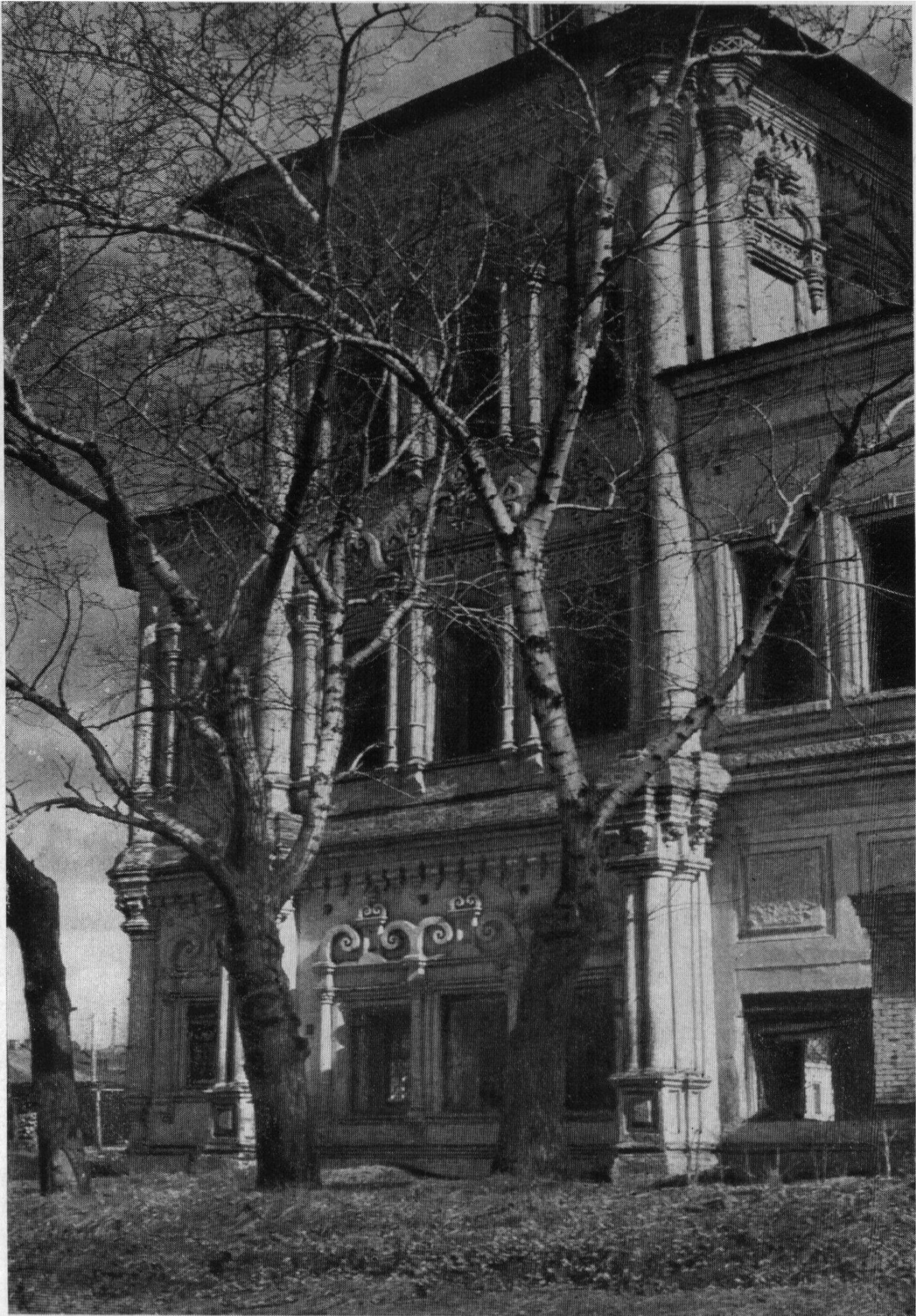

*Красное. Иоанно-Предтеченская церковь,
План. Обмер ПСНРПМ*

рых была произведена и наружная окраска сооружения.

Крупный ремонт Иоанно-Предтеченской церкви В. А. Рязанцеву пришлось произвести и после пожара 1877 года, «истребившего» верхнюю часть сооружения. В итоге проведения этих работ красносельская церковь была доведена «до такого благоустройства и так благолепно украшена, писалось тогда в местной печати, — что не уступит в этом отношении лучшим храмам Соликамска»^{75.2}. Да и теперь в архитектуре города и прилегающих сел эта церковь занимает одно из первых мест.

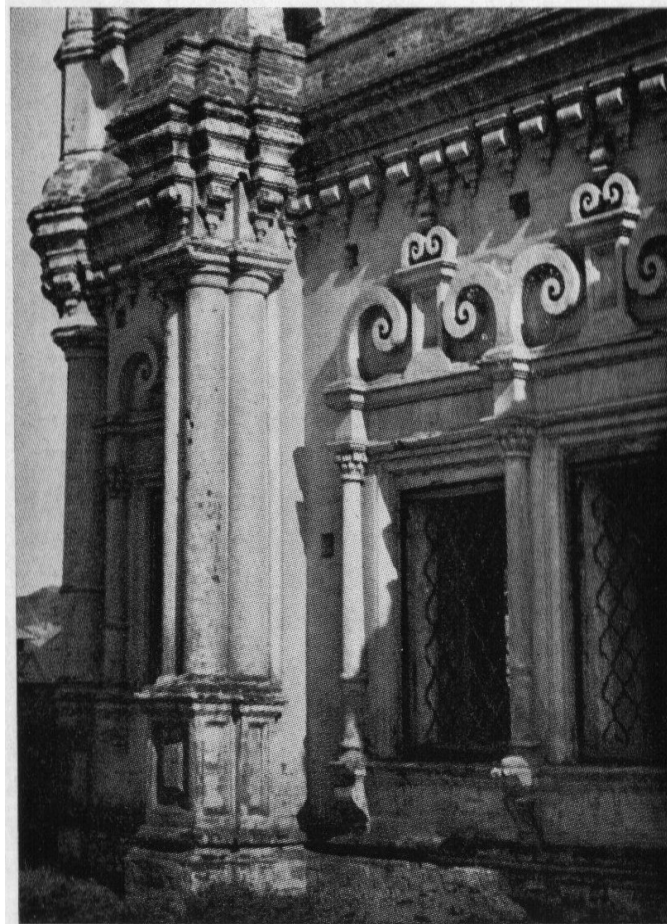
В 1895 году на основе Иоанно-Предтеченской церкви в Красном был создан женский монастырь, существовавший на проценты с капиталов, пожертвованных соликамскими купцами Рязанцевыми. От других церковных построек Прикамья Иоанно-Предтеченская церковь отличается не только внешней отделкой, но и объемно-пространственной структурой. Правда общая схема храма обычна для своего времени. Это четверик на квадратном основании с равной ему по ширине пятигранной апсидой. Однако высота четверика, на сомкнутом своде которого возвышается двухъярусный восьмигранный барабан с луковичной главкой, огромна. Он втрое превышает размер одной из сторон своего основания. Внизу находится

низкая теплая церковь, вверху — холодная. Декоративная обработка стен четверика и высокой апсиды поражает изобретательностью рисунка и тонкостью исполнения. Внизу по углам четверика, как бы шагнув вперед, но не отрываясь от выступов поперечных стен, торжественно стоят на филенчатых постаментах плотно сжатые пучки стройных трехчетвертных колонн. Над ними расположен сложный, сильно раскрепованный профилированный карниз с фигурными кронштейнами. Переходя на стены четверика и апсиды, он словно широкой, богато украшенной лентой опоясывает здание с трех сторон. Над пучками колонн, прижавшись к углам верхней части четверика, высятся более крупные и высокие колонны, упирающиеся в широкий, также профилированный карниз с опускающимися вниз зубчатыми, часто поставленными треугольными выступами. Словно стволы могучих деревьев, окружили эти колонны верхнюю часть церкви. Им как бы вторят изящные полуколонки, скрывающие углы апсиды. Все вместе они еще больше устремляют здание вверх.

Запоминается и рисунок крупных наличников окон храма. Разные в каждом уровне, они почти полностью заполняют поле стен между угловыми колоннами.

По сторонам проемов наличники снабжены колоннами, опирающимися на простые, выступающие из стен кронштейны. Но если в нижней части чет-

*Красное. Иоанно-Предтеченская церковь.
Северный фасад*

*Красное. Иоанно-Предтеченская церковь.
Фрагмент нижней части северного фасада*

*Красное. Иоанно-Предтеченская церковь.
Фрагмент верхней части северного фасада*

верика они объединены в одну группу, то в верхней — каждый из них самостоятелен, хотя и прижат к соседнему. Разную форму имеют также стволы колонок наличников и их капители. Однако все богатство обрамлений оконных проемов сосредоточено в их причудливых венчающих частях, разных в каждом уровне. Внизу они волютные, с филенчатыми постаментами между раздвинутыми спиральными завитками. Во втором этаже «фронтоны» наличников фигурные, со сложными пальметтами между склонившимися один к другому закругленными по концам кривыми и красивым узорчатым карнизом над ними. Наконец, вверху, в третьем ярусе, венчающие части наличников, подбирающиеся под самый карниз четверика, имеют стрельчатые кривые, в разрывах между которыми расположились своеобразные, устремляющиеся вверх тонко порезанные фигурные бусины. Нет слов, чтобы верно передать то впечатление, которое производит красивая декоративная обработка стен четверика Иоанно-Предтеченской церкви. Трактующая в каждом уровне по-своему, вплоть до выделения наличников средних окон верхней части четверика «гофрировкой» стволов колонок, она кажется беспредельной. Словно рельефной вышивкой, покрывает эта изысканная и причудливая отделка все стены основного объема церкви, создавая впечатление легкости и праздничной нарядности. В ее сложном и замысловатом рисунке хотя и угадывается сходство с уже известными ранее декоративными формами, но говорить о их прямом повторении никак не приходится.

Интерес вызывают также двухэтажная трапезная Иоанно-Предтеченской церкви, примыкающая к ней многоярусная колокольня, выстроенная в ви-

де нескольких убывающих кверху восьмериков, опирающихся на высокий двухъярусный четверик, и словно уткнувшаяся в колокольню удлинённая двухэтажная паперть. Правда, архитектурные формы этих объемов отличаются простотой и графичностью, что говорит о их более позднем происхождении. Не исключено, что эти части сооружения вообще появились в конце XVIII века, так как в 1798 году произошло новое освящение Иоанно-Предтеченской церкви. Однако на стенах нижнего яруса паперти сохранились первоначальные наличники, карниз и угловые колонки, что говорит не столько о их постройке заново, сколько о перестройке всей западной части сооружения. Контрастируя своими простыми формами с основным объемом храма трапезная и паперть еще больше подчеркивают его живописность, пышное богатство и скульптурную пластичность. Как какая-то драгоценность воспринимается этот храм на фоне голубого неба и стоящих вдали деревянных построек. Это такой же прекрасный образец строительного искусства, как Троицкий собор и колокольня «на палатах» в центре Соликамска. И хотя отзвуки прошлого столетия в архитектуре церкви звучат очень сильно, ей не найти подобной во всем русском зодчестве.

* *

*

Село Верх-Боровое — одно из древнейших русских поселений в районе Прикамья. Оно расположено в нескольких километрах от Соликамска на впадающей в Каму реке Боровище. Его основание приписывается новгородским выходцам — братьям Калиниковым, которые в начале XV века поставили на Боровище первые соляные варницы, а затем, уже в 1430 году, перенесли их

*Верх-Боровое. Воздвиженская церковь.
Общий вид*

югу на берег Усолки, где впоследствии и вырос город Соликамск^{76.2}. Существующая ныне в Верх-Боровом каменная Воздвиженская церковь является своеобразным памятником былой деятельности Калинниковых на реке Боровище. Она построена в 1678 году одним из представителей этой фамилии Иваном Ивановичем Калинниковым и является самым древним каменным зданием на всем Урале. Георгиевский придел и столповидная восьмигранная колокольня, делающая церковь еще более живописной, пристроены к ней в 1683 году.

Воздвиженская церковь — миниатюрная, кубовидная, сложенная из большемерного кирпича (28x14,5x7,5 см) постройка с одной полукруглой апсидой и окнами в два яруса. Над ее четырехскатной железной кровлей прикрывающей сомкнутый свод, возвышается небольшой световой барабан с лу-

ковичной главкой. Углы церкви скреплены широкими лопатками, а небольшие оконные проемы обрамлены крупными наличниками, выложенными из лекального и тесаного кирпича в формах, характерных для XVII века.

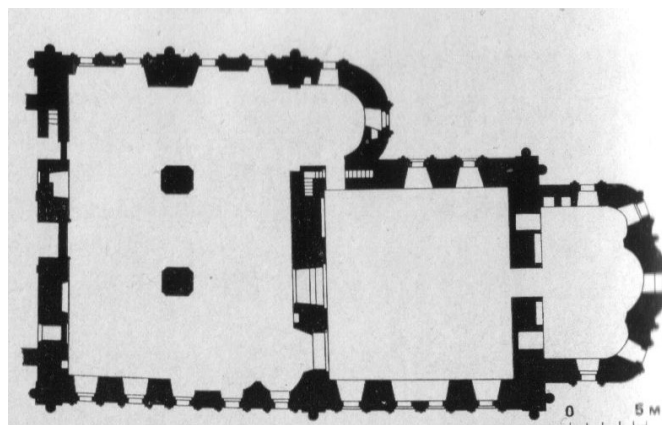
Главную особенность Воздвиженской церкви составляет трехрядная, частично утраченная славянская надпись, лентами пропущенная по фасадам храма. Ее высота 14 см. Она тянется не только под уступчатым карнизом и декоративными кокошниками церкви, но и по ее цоколю, переходя затем на широкую апсиду и небольшую перекрытую цилиндрическим сводом и равную ей по высоте трапезную. В цокольной части эта надпись обрамлена сверху витым валиком. Она единственная в своем роде. В ней около тысячи

букв, сделанных вязью на тычковых сторонах кирпичей. Между словами надписи размещены узоры — своеобразные «кольчужные» знаки. Предполагается, что буквы и узоры надписи резались на тычковых плоскостях кирпичей еще до их обжига^{77.2}.

Интересно, что некоторые буквы храмозданной надписи стоят не на своих местах. На их перестановку впервые обратил внимание знаток местной старины П. С. Богословский. «Похоже,— писал он,— что мастера, возводившие Воздвиженскую церковь, были неграмотными. Но если это так,— добавлял он,— то приходится еще больше удивляться искусству каменщиков, творивших чудеса в глухом северном селе»^{78.2}. Принимая во внимание, что в близлежащем Соликамске каменное строительство развернулось позднее, уже на исходе XVII века, можно сделать предположение о доставке кирпича на строительство Воздвиженского храма в селе Верх-Боровое из строгановского Орла-городка, где в XVII веке работали гончарные мастерские. Там же, по-видимому, была изготовлена и храмозданная надпись этой уникальной каменной церкви, ибо, обжигая строительный кирпич, орлинские мастера во второй половине XVII века вместе с многоцветными изразцами делали и красноглиняные^{79.2}.

Георгиевский придел, примыкающий к южной стене Воздвиженской церкви, значительно скромнее по декоративной обработке. Его цокольная часть выделена лентой поребрика, который как бы продолжает храмозданную надпись основного объема.

Колокольня Воздвиженской церкви столповидная, восьмигранная, стоящая на небольшом кубовидном четверике с широкими арочными проемами звона, сохранившими свои металлические свя-

*Верх-Боровое. Воздвиженская церковь.
План. Обмер. ПСНРПМ*

зи, и винтовой лестницей внутри. Как четверик, так и восьмерик колокольни украшены поясами поребрика. Кроме того, по граням четверика размещены еще и крупные квадратные ширинки. Красиво венчает собой эта колокольня всю композицию храма, четко отражающегося в спокойной воде разливающейся весной реки.

* *
*

В пяти километрах к востоку от Соликамска, на правом берегу Усолки, в непосредственной близости от городища IX—XII веков, относящегося к родановской культуре, находится крупное село, издавна называемое Городищем.

Исторические сведения о селе Городище крайне скупы. Первое упоминание о нем встречается под 1623 годом. Тогда это был небольшой погост с деревянной клетской Георгиевской церковью и колокольней^{80.2}. Известно так же, что в 1656 году в Городище была построена Знаменская церковь с двумя приделами^{81.2}, а в 1677 году и новая церковь Георгия^{82.2}, пришедшая на смену сгоревшей. Обе эти постройки также были деревянными.

Каменная церковь Знамения, существующая в селе Городище в настоящее

время, была «основана» в 1750 году «тщанием соляного промышленника Михаила Ростовщикова из церковных денег» и освящена в 1757 году^{83.2}. Это двухсветный одноглавый храм на подклете, над папертью которого высится двухъярусная колокольня постройки 1790 года^{84.2}.

В 1779 году, когда в селе Городище сгорело 15 обывательских дворов, а «около церкви и в церкви вокруг оной все без остатку обгорело, равно и церковное благолепие»^{85.2}, Знаменский храм был отремонтирован. Сейчас внутри него сохранился иконостас с иконами XVIII—XIX веков.

Знаменская церковь возвышается на небольшом пригорке почти на окраине села близ пологого спуска к реке Усолке, на которой не так давно стояла интересная деревянная водяная мельница, сгоревшая в 1973 году. Участок вокруг церкви, почти сплошь заросший высокими деревьями, окружен каслинского литья оградой^{86.2}, забранной в кирпичные столбы. Арочные ворота ограды позволяют попасть на церковную территорию.

Кубовидный объем Знаменской церкви, с двухъярусной главкой над че-

*Верх-Боровое. Воздвиженская церковь.
Наличники окон южного фасада*

*Верх-Боровое. Воздвиженская церковь.
Фрагмент надписи цоколя*

тырехскатной железной кровлей, покрывающей сомкнутый свод, не отличается сложностью форм и богатством декоративной обработки. Его верхние окна восьмигранные, а нижние арочные, с плоскими прямоугольными наличниками. Под карнизом проходит лента жучкового орнамента, охватывающая четверик по периметру.

Сводчатая трапезная церкви небольшая, одноэтажная, с плоскими наличниками на арочных окнах. К ней примыкает восьмигранная столповидная колокольня, расчлененная горизонтальными поясами на три части.

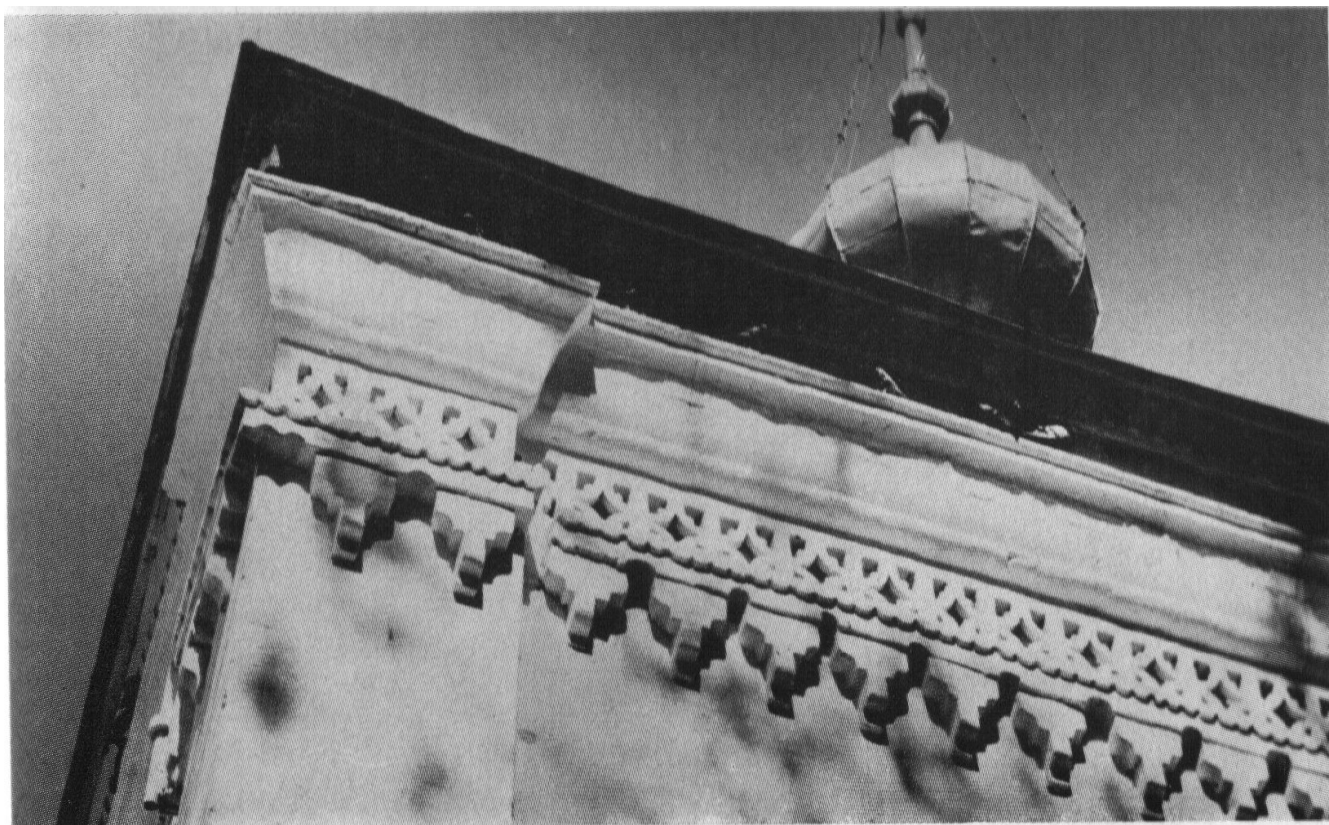
Городище. Знаменская церковь. Общий вид

Стоит колокольня на кубовидном четверике. Ее верхняя часть прорезана широкими арками звона, а грани — крупными арочными окнами. Над кровлей колокольни возвышается двухступчатая восьмигранная башенка с открытыми арочными проемами, а над ней — глухой восьмигранный барабан с луковичной главкой. В общей композиции сооружения эта колокольня играет главнейшую роль, привлекая внимание высотой и столповидной формой.

* *
*

Деревня Верх-Усолка расположена в двадцати километрах к югу от Соликамска, в глубине огромного лесного массива, неподалеку от истока не столь

уж широкой Усолки. Это родина Артемия Бабинова — того самого, именем которого часто называлась открытая им «государева Верхотурская дорога».

Было время, когда Верх-Усолка славилась количеством жителей и числом построек. Только несколько изб, бревна которых потемнели от времени, да запрошенная каменная Покровская церковь, возвышающаяся на бугорке, чуть в стороне от них, свидетельствуют теперь о прошлом деревни. Ее жители давно переселились в выросший поблизости (в 6 км) поселок Селянка или же расположенные поодаль от него города. Теперь эту деревню называют даже нежилой, настолько крохотным стало количество ее обитателей.

Верх-Усольская Покровская церковь стоит в окружении кирпичных столбов существовавшей вокруг нее ранее металлической ограды. Она выстроена в 1750 году «иждивением» соликамского купца Герасима Онуфрие-

*Городище. Знаменская церковь.
Фрагмент карниза четверика*

ва^{87.2} — одновременно со Знаменской церковью соликамского села Городище — и так же, как и она, отличается предельной простотой архитектурных форм. Однако в объемно-пространственном построении эти сооружения несопоставимы.

Покровская церковь — небольшое компактное сооружение со следами известковой побелки. Она сложена вытянутым двухсветным четвериком, к которому примыкают шестигранная апсида и равная ей по высоте продолговатая трапезная. Четверик церкви перекрыт сомкнутым сводом и скреплен по углам лопатками. Его нижние окна лучковые, с плоскими рамочными наличниками. Верхние окна — по одному на северном и южном фасадах — шестигранные и так же обведены по контуру скромными «рамками». Гра-

Верх-Усолка. Покровская церковь. Общий вид

ная апсида тоже с лопатками на углах. Ее стены прорезаны прямоугольными окнами и снабжены рамочным обрамлением. Перекрытая цилиндрическим сводом трапезная снабжена трехцентровыми световыми проемами с

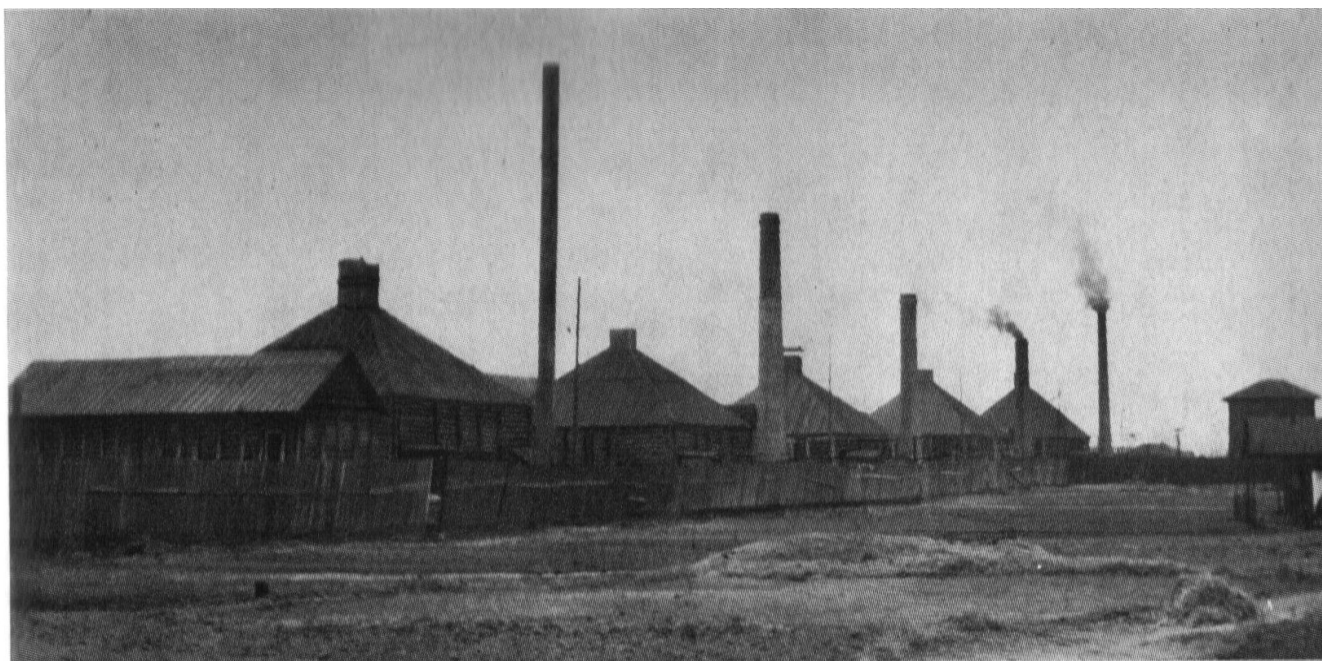
прямоугольными наличниками и железными решетками. С запада к трапезной примыкает притвор с поздней деревянной надстройкой, сделанный в уровень ее незамысловатого карниза.

Отличительную особенность Покровской церкви составляет трехъярусная колокольня. Колокольня восьмигранная, с вытянутыми арочными проемами звона на каждой плоскости. Под проемами звона размещены прямоугольные ниши-филенки. Основанием колокольни служит чуть приземистый постамент с лопатками на углах, поставленный на сомкнутый свод четверика храма. Венчается колокольня дополнительным восьмигранным объемом с небольшими арочными проемами на четырех сторонах и небольшим восьмигранным барабаном с луковичной главкой и ажурным крестом. Благодаря такой постановке колокольни простую и скромную верхушольскую церковь Покрова можно поставить в ряд с чердынской церковью Иоанна-Предтечи. Это редкий памятник архитектуры, и ярусной композиции которого есть сходство с композицией ряда столичных церковных построек конца XVII века.

* *
*

В девяти километрах к северу от Соликамска, на левом берегу Камы, близ устья реки Боровой расположен город Боровск. До 1949 года это был крупный промышленный поселок, образовавшийся на основе приречного села Усть-Борового, выросшего, в свою очередь, на базе небольшого населенного пункта XVII века, который в источниках именуется то Усть-Боровым, или же Усть-Боровским погостом, а то деревней Боровой^{88.2}.

Ныне Боровск стал одним из промышленных районов Соликамска. Его

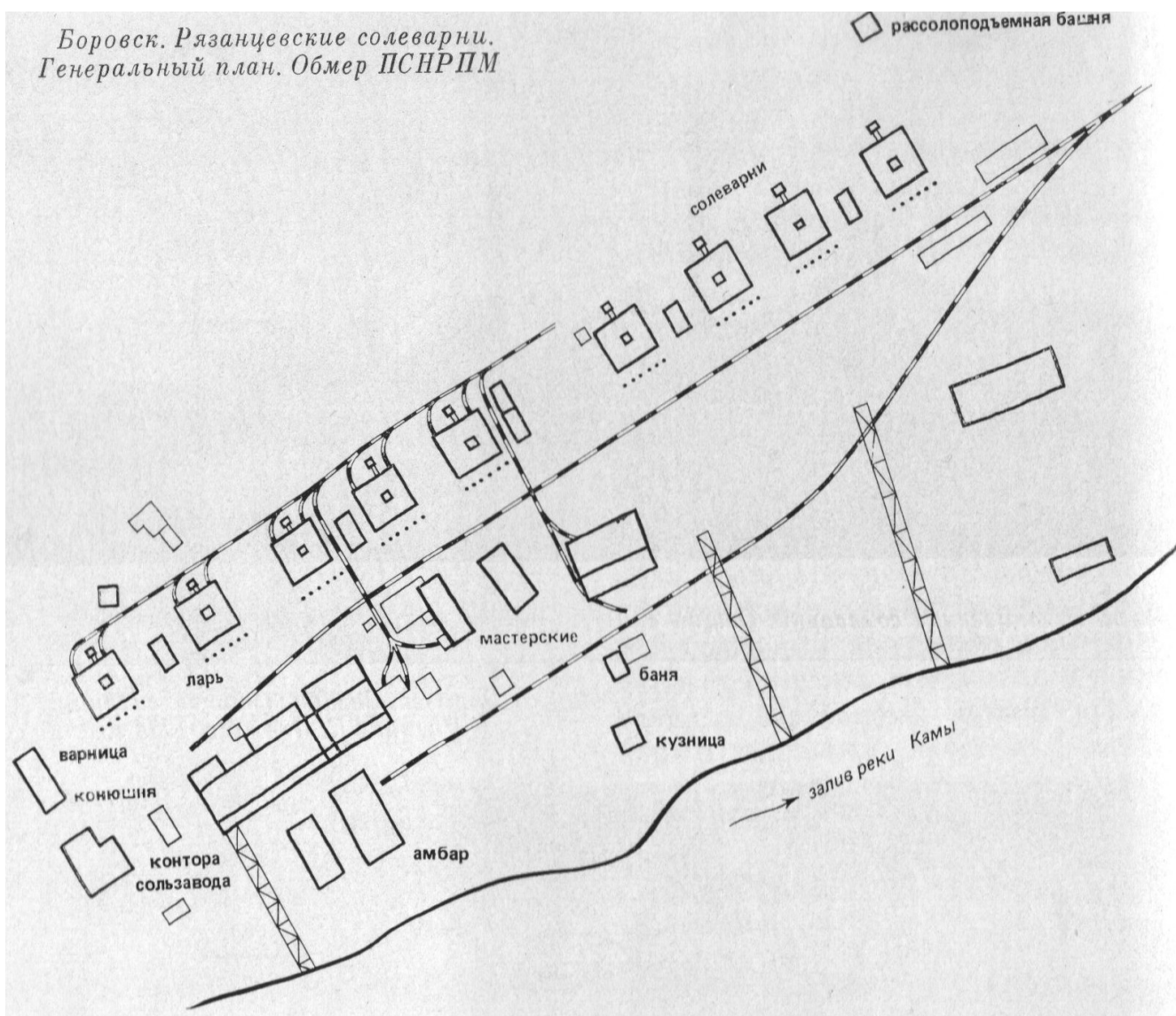

Боровск. Рязанцевские солеварни. Общий вид

*Боровск. Рязанцевские солеварни.
Рисунок К. Лопялло, 1953 г.*

история восходит к концу XVI века. Во всяком случае в одной из Соликамских летописей значится, что в 1617 году в погосте Усть-Боровом была освящена церковь во имя Параскевы Пятницы^{89.2}. В той же летописи под 1624 годом указывается, что «на реке Каме, на устье речки Боровой», где была «деревня

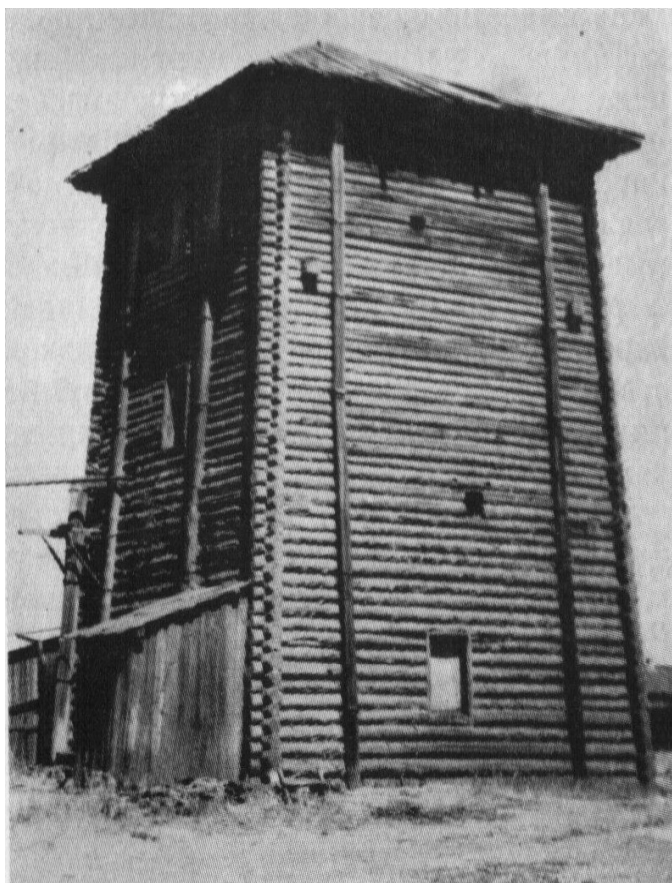
Боровая», находится «погост единственный в своем роде Рождественской» с 31 двором и деревянный солеваренный завод, деревянным храмом «во имя Рождества дававший в прошлом свыше полутора Пресвятой Богородицы», на тысяч пудов соли в год. Завод этот колокольнице которого висело 4 издавна называется Рязанцевским. Он был построен в 1882 году соликамским солепромышленником и купцом В. А. Рязанцевым на средства которого несколько лет до этого дважды ремонтировалась Иоанно-Предтеченская церковь села Красное. Необходимо отметить, что несколько солеварен в Усть-Боровом существовало уже в XVII веке в пору наивысшего развития Соликамска. Это были высокие, рубленные в обло, клетки под четырехскатными крышами. В них на больших чренах (сковородах) вываривается

До наших дней не дошла двухэтажная каменная церковь, выстроенная в Усть-Боровом «иждивением» соликамского купца Герасима Онуфриева в 1758 — 1765 годах^{93.2}. Однако нынешнем Боровске до сих пор существует

вался соляной рассол, подносимый водоливами, откачивавшими его из скважин с помощью рассолоподъемных труб. В среднем такую варницу обслуживало 20 человек рабочих^{94.2}. Руководили вываркой соли повара (мастера), имевшие подварков. Они распоряжались также рабочими, которые подвозили к солеварням дрова и подносили их к топкам. Дров для солеварен требовалось весьма много. На выварку каждой десяти пудов соли расходовалась целая сажень древесины. Поэтому неподалеку от солеварен возвышались огромные, все время пополнявшиеся штабеля дров.

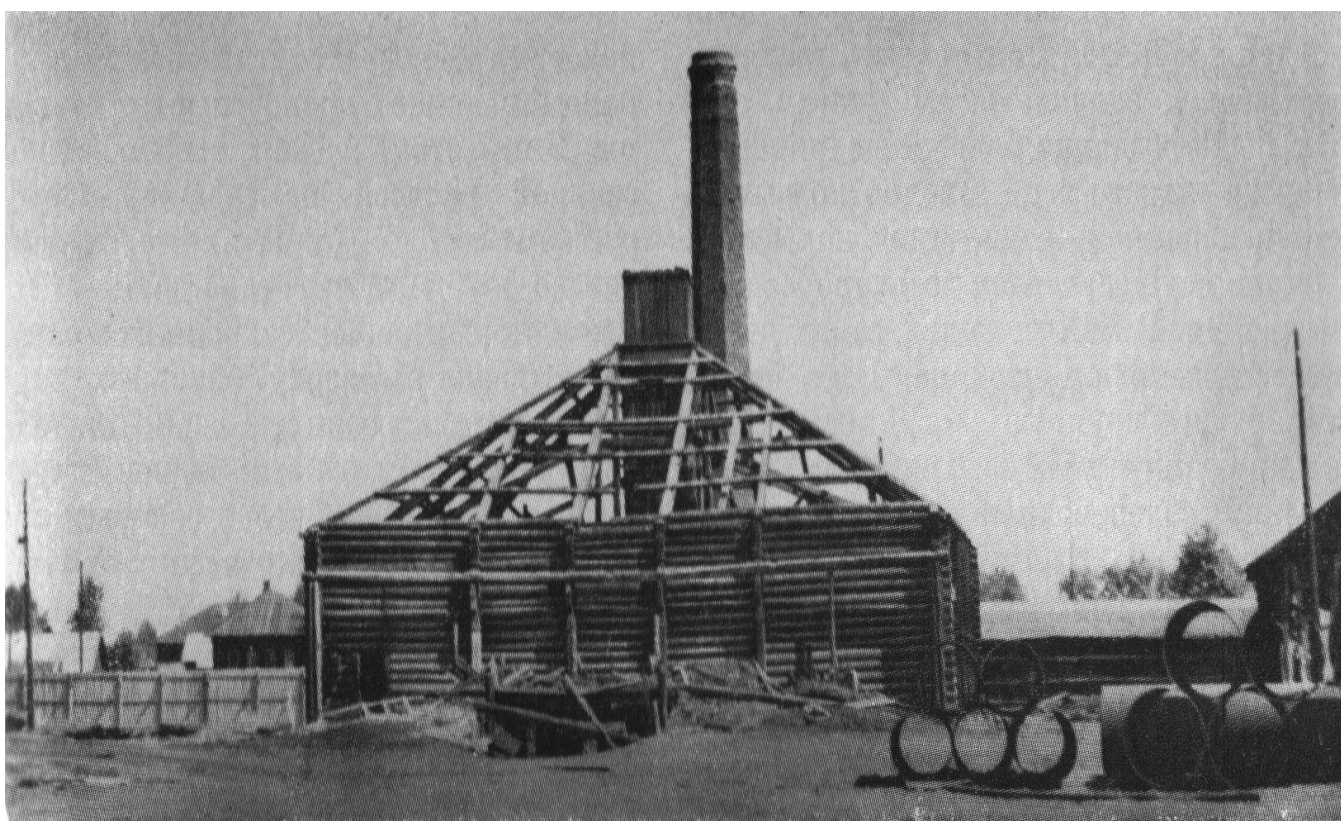
Вместе с рабочими по подноске дров у солеварен трудились также набойщики, ссыпавшие готовую соль в рогожные кули, и соленосы, переносившие их к соляным амбарам. Последним приходилось загружать солью и баржи, пристававшие весной к камскому берегу.

С применением насосов для выкачивания рассола над скважинами появи-

*Боровск. Рязанцевские солеварни.
Рассолоподъемная башня*

*Боровск. Рязанцевские солеварни.
Солеварня*

лись высокие бревенчатые башни, необходимые для размещения вертикальных насосных штанг. В движение насосы приводились конной тягой, а затем и паровыми машинами. Одновременно в связи с усовершенствованием технологии процесса выварки соли изменилась форма и увеличились размеры соляных варниц, а изменение типов производственных зданий привело к укрупнению амбаров и увеличению соляных ларей.

Лари рубились на ряжах из брусьев или толстого ломового леса и по пазам конопатились засмаливаемой паклей. Размеры ларей зависели от числа обслуживаемых солеварен. Внутри каждый из них делился на две части — для слабого и крепкого рассолов. В зависимости от размеров емкость ларей доходила до 17,5 тысяч ведер^{95.2}. Со временем лари стали устраивать на галереях, опоясывавших рассолоподъемные башни. Это давало возможность спускать рассол к варницам самотеком, по специальным деревянным желобам, уложенным на «сохах», а затем и по трубам.

В этом естественном процессе, обусловленном развитием соледобывающих промыслов, значительным шагом вперед было создание больших варничных дворов — своего рода заводов по выварке поваренной соли, где на одном участке осуществлялся весь процесс солеварения. В XIX веке два таких двора существовало в Дедюхине. В то время это были крупные государственные предприятия в районе Прикамья^{96.2}. Боровский солеваренный завод соликамского купца В. А. Рязанцева и является таким двором. Он состоит из большого количества всевозможных деревянных сооружений, расставленных вдоль берега Камы в соответствии с технологическим процессом.

Основу планировочной структуры Рязанцевского солеваренного двора составляют три параллельные нити узкоколейной вагонеточной железной дороги. Между ними в определенной последовательности и группируются все производственные строения. Во второй половине XIX века вместо железных рельсов этих дорог лежали дощатые настилы, по которым вручную в том и в другом направлении таскались деревянные тачки с солью и дровами для солеварен. Узкие, преимущественно и одну доску, уложенную либо прямо на землю, либо на небольшие утопленные в землю бревенчатые коротыши, эти настилы напоминали дощатые тротуары, еще сохранившиеся на окраинах некоторых северных городов. На противоположных концах двора, чуть в стороне от его основных строений, стояли башни с рассолоподъемными трубами.

В Боровске сохранилось три таких башни, но только две из них входят и состав рязанцевского комплекса. На соляных промыслах Прикамья подобного рода башни появились в XVI веке. Это высокие, квадратные в плане, срубы с пологими четырехскатными кровлями, напоминающие крепостные стрельницы. В них стоят насосы, выкачивающие соляной раствор из скважин. Срубы рублены в обло. Длина их сторон достигает до 5—6 м, а высота — до 10—12 м. У некоторых башен сохранились следы охватывавших сверху обходных галерей, где стояли соляные лари. Длительному сроку службы этих башен способствовала пропитка бревен соляным рассолом, защищавшим древесину от гниения и жучков-точильщиков.

Устойчивость соляных башен обеспечивалась выпусками концов бревен нижних венцов наружу в виде наклонных контрфорсов. Обыкновенно одна

такая башня обеспечивала пять — «трубу», способствующую лучшей тяге. семь соляных варниц.

Между далеко стоящими одна от другой рассолоподъемными башнями, немного ближе к речному берегу, строго в ряд, группируясь попарно около соляных ларей, стоят девять солеварен, это самые главные здания рязанцевского солеваренного двора, их производенная основа. Они так же квадратные в плане, но значительно больше, нежели срубы рассолоподъемных башни. Высота солеварен 5 — 7 м. Их стены, достигающие длины 16 м, сложены из более коротких бревен, в местах стыкования которых стояли «иглы» — парные, вертикально вбитые в землю бревенчатые стойки. По своему характеру эта конструкция является обыкновенным стоечным каркасом, имеющим бревенчатое заполнение. Ее устойчивость обеспечивается также тем, что в непосредственной близости от крайних «игл» каркаса в бревна верхних венцов срубов врублены «переклады», связывающие между собой взаимно перпендикулярные стены, углы которых соединены в обло.

Раньше в центре пологой четырехскатной крыши варниц делалось большое отверстие для выхода пара, газов и частично дыма. Чтобы иметь такое отверстие, устраивалась целая система наклонных не замкнутых в середине стропил. Его основу составляли диагональные стропильные «ноги», которые одним концом опирались на бревна верхних венцов срубов, а другим — на опорное «кольцо», представлявшее собой бревенчатую квадратную раму. Кроме того, для уменьшения длины диагональной стропильной «ноги» на «переклады» ставились дополнительные опорные стойки. Над отверстием в крышке некоторые рязанцевские солеварни имеют еще и широкую дощатую

В центре варниц раньше размещались топочные ямы. Над ними висели клепанные из лопастного железа чрены, на которых выпаривался соляной рассол. Емкость чренов доходила до 2800 ведер^{97.2}. Над чренами, на системе бревенчатых стоек укреплялись полати для просушки вываренной соли. Топка таких солеварен производилась «по-черному», а температура в них превышала подчас 65 градусов, в связи с чем непривычные люди не могли находиться в них даже несколько минут^{98.2}. Воздух попадал внутрь солеварен через окна и двери, а дым выходил через отверстие в крыше.

В начале XIX века появились «белые варницы», то есть варницы с кирпичной печью внутри. Рязанцевские солеварни принадлежат уже к этому типу. С «лицевой» стороны каждой из них, на двухступенчатом квадратном основании стоит высокая восьмигранная труба, выложенная из кирпича и соединенная с печью. По сторонам таких труб, в некоторых местах замененных уже на железные, расположены широкие проемы с двухстворчатыми воротами, через которые по рельсам вывозилась соль и доставлялись дрова для топки печей.

Соляные лари, стоящие между солеварнями, предназначались для хранения добытого соляного рассола. Рассол поступал в них из рассолоподъемных башен по лежавшим на «сохах» деревянным желобам. Иногда соляные лари располагались непосредственно на рассолоподъемных башнях.

Рязанцевский двор имеет пять таких ларей, стоящих прямо на земле между солеварнями. Это тоже срубы, но сложенные из очень плотно подогнанных один к другому брусьев. Их длина 7—8, ширина 5—6 и высота 4—5 м. Крытые

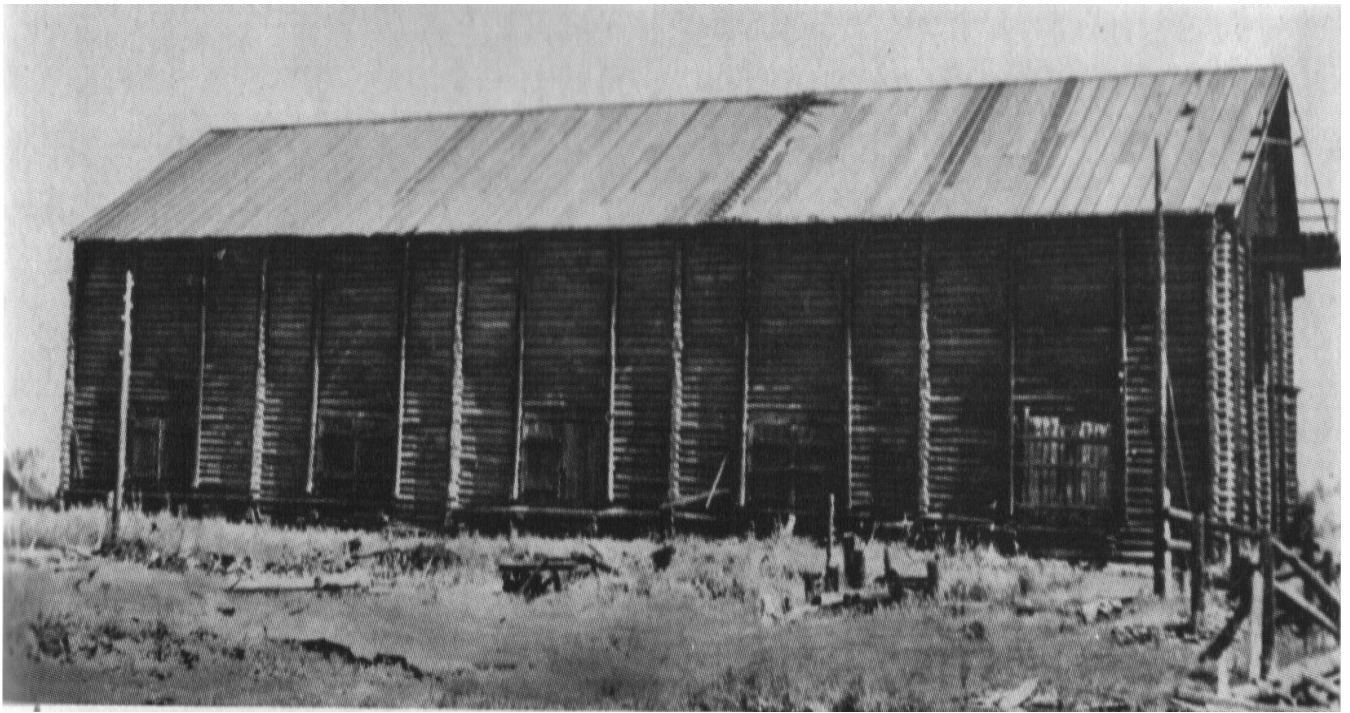
на два ската, они стоят на невысоких рязях и снабжены полом. Пол сделан из плотно подогнанных досок, уложенных на бревенчатый настил. Для предотвращения внутреннего распора стены ларей через равные промежутки попарно скреплены вертикальными бревенчатыми стойками. Между собой стойки связаны специальными горизонтальными рамами из бревен. В местах угловых врубок ларей, входящие одно в другое бревна, рубленные в обло, снабжены клиньями. С помощью их подбивки производилась подтяжка всей конструкции ларей.

Наиболее значительными по величине сооружениями рязанцевского двора являются соляные амбары, предназначенные для хранения просушенной соли. В Боровске сохранилось семь таких амбаров. В их расположении нет такой системы, какая существует в

расположении соляных ларей и варниц. Однако основная их масса группируется все же вдоль вагонеточной узкоколейной железной дороги, непосредственно против соляных варниц. По своему характеру эти амбары неодинаковы, но каждый из них представляет собой огромный, рубленный по углам в обло сруб с вертикальными каркасными стойками и поперечными перерубами делящими их внутреннее пространство на «сусеки». Ширина амбаров доходит до 16—18 м, высота от пола до конька двускатной крыши — до 15 м. По длине амбары строились такими, чтобы около них можно было поставить под погрузку сразу две баржи. Их колоссальные размеры объясняются огромным количеством сосредоточиваемой в них соли. Напомним, что варничный сезон длился десять месяцев, с середины июня и до апрельских разливов, когда соль грузилась на баржи для отправки по Каме, а за это время ее накапливалось очень много.

*Боровск. Рязанцевские солеварни.
Соляной ларь*

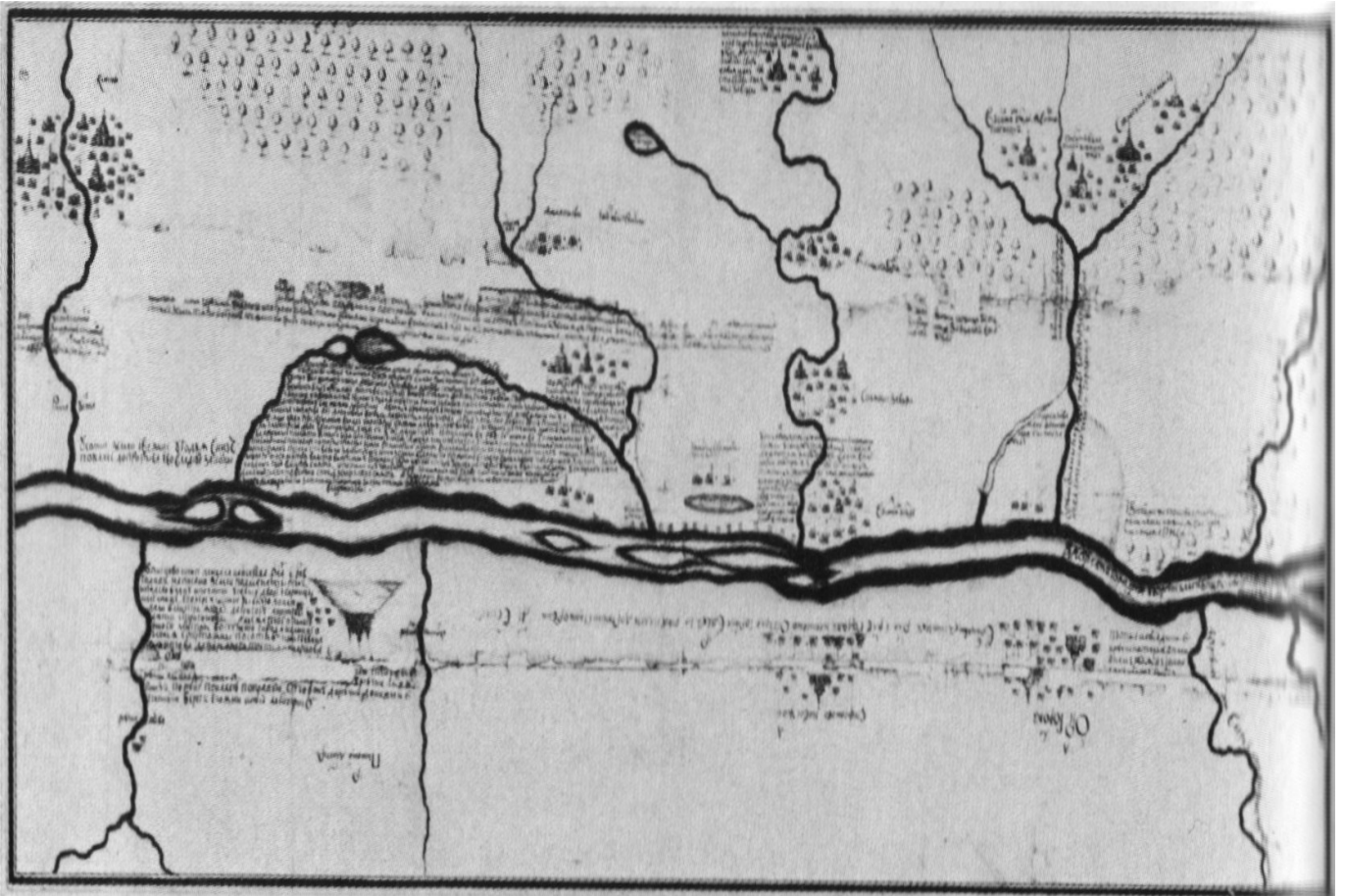

*Боровск. Рязанцевские солеварни.
Соляной амбар*

Каждый из амбаров стоит на ряжах — бревенчатых клетках, которые во время разливов Камы предохраняли соль от намокания и позволяли подводить к ним баржи вплотную. На половину высоты наружные стены амбаров сделаны двойными, то есть в два ряда бревен, что при полной загрузке предохраняло их от распора. Стропила двускатных кровель амбаров установлены либо в один, либо в два ряда и связаны между собой колотыми плахами. Снаружи амбары имели балконы и галереи, которые держались на бревенчатых консолях и достигали ширины 4 м. С них производилась загрузка амбаров солью.

Наряду с рассолоподъемными башнями, соляными ларями, варницами и амбарами для соли в состав Рязанцевского соляного двора входят также бревенчатые здания мастерских и кузниц.

Те и другие были обязательной принадлежностью всех крупных солеваренных промыслов. В мастерских производился обыкновенно ремонт всего оборудования, а в кузницах работали специалисты — кузнецы-циренщики, которые производили починку и текущий ремонт выпарочных чренов. Вместе с конюшней, баней, конторой и всеми другими строениями Рязанцевский соляной двор — уникальный промышленный комплекс, дающий представление не только об архитектуре производственных сооружений Верхнего Прикамья второй половины прошлого столетия, но и о технологических процессах получения весьма дорогой по тем временам выварочной поваренной соли, приносившей немалый доход Строгановым, Никитниковым, Шустовым, Филантьевым, Рязанцевым, Понкратьевым и всем другим виднейшим солепромышленникам Русского государства XVIII—XIX веков.

Карта района Верхней Камы XVIII в.
с местом расположения строгановского
Усолья. ЦГАДА

Усолье расположено южнее Соликамска, на правом берегу Камы, против современного города Березники. В прошлом это вотчина баронов и графов Строгановых, крупнейших русских купцов и промышленников, названная ими Новым Усольем. Строгановы украсили ее великолепными каменными зданиями, составившими хотя и небольшой, но все же очень интересный и оригинальный архитектурный ансамбль, не имеющий прямых аналогий во всей одновременной русской архитектуре. Среди построек этого ансамбля провел свои ранние детские годы А. Н. Воронихин, ставший впоследствии известным русским архитектором. Расцвет же поселка падает на вторую четверть XIX века. Именно от этого времени в нем и сохранилось наибольшее количество сооружений, которые мы также привыкли называть памятниками архитектуры.

УСОЛЬЕ

1.ОЧЕРК ИСТОРИИ ГОРОДА

К югу от Соликамска, на правом берегу широкой и полноводной Камы, против крупного уральского города Березники(?опечатка в книге: Березники), раскинулся небольшой старинный городок Усолье. Вытянувшись вдоль реки, он как бы повернулся своим главным фасадом в сторону воды и далекого противоположного берега, приветливо встречая проходящие мимо суда.

В прошлом Усолье называлось Новым Усольем. Как и Соль Камская, своим возникновением Новое Усолье обязано добывавшейся здесь поваренной соли. Это бывшая вотчина крупнейших русских купцов и промышленников Строгановых — сперва именитых людей, а затем баронов и графов. Строгановы не только дали наименование тому небольшому, но весьма значительному населенному пункту, но и украсили его великолепными каменными зданиями, которые вместе с другими, более поздними постройками, составили интереснейший архитектурный комплекс XVIII—XIX веков.

История Нового Усоляя — это продолжение истории Строгановского дома, один из этапов его обширной и энергичной торгово-промышленной деятельности, тесно связанной с развитием солеваренной промышленности на Руси. Начало ей было положено в 1515 году, когда молодой и мало кому

известный Аника Строганов на впадающей в Вычегду реке Усолке, у озера Солонина, поставил первую соляную варницу.

В дальнейшем бешеная энергия, трезвый расчет и железная хватка опытного хозяйственника привели к быстрому развитию солеваренных промыслов на Вычегде и энергичному росту выросшего около них поселка, получившего затем название Сольвычегодска. Внимание Аники Строганова привлекли также «леса черные, речки и озера дикие, островки и наволоки пустые» обширного Пермского края, где можно «соль варити, пашни пахати, зверя и рыбу ловити». Челобитные на этот труднодоступный и малоизвестный район от имени сыновей Аники Строганова были удовлетворены. Скупой и суровый делец, до старости носивший кафтаны, оставшиеся от отца и деда, Аника Федорович Строганов был хитрым и тонким политиком, умевшим ладить и с пермским владыкой и с самим Иваном Грозным (1533—1584). Достичь намеченной цели ему не стоило больш́их трудов. И если жалованной грамотой 1558 года за Строгановыми было закреплено 3 415 840 десятин (3760 тысяч гектар) земли по реке Каме, то в 1566 году, когда Строгановы вступили в опричнину (учреждена годом раньше), к ним прибавляется пло-

щадь в 4 129 217 десятин (4516 тысяч гектар) в районе реки Чусовой. В этих обширных владениях Строгановы имели право строить города и заводить соляные варницы, ставить остроги и держать в них крупные и мелкие орудия, принимать на службу пушкарей и нужных им людей.

В 1570 году умер монах Иосиф, в миру Аника Федорович Строганов. Его сыновья Яков, Григорий и Семен получили в наследство не только город Сольвычегодск, ставший уже одним из крупнейших центров русского севера, успешно конкурировавшим с Великим Устюгом в его торгово-промышленной деятельности, но и огромную территорию, простиравшуюся по бескрайним просторам Вычегоды, Камы и Чусовой.

Возрос и авторитет Строгановых, унаследовавших от отца хозяйственную смекалку и предприимчивость. Они вершили суд от имени московского царя, по поручению правительства следили за предпринимательской деятельностью «английских немцев» и вели всевозможные закупки, удовлетворяя прихотливые нужды государева двора.

Братья не сидели без работы, не тратили времени попусту. Их деятельность была энергичной и целеустремленной. Они имели торговые склады во многих городах Поморья и во внутренних областях страны, посылали в зауральские пушные районы скупочные партии, выменивали на обыкновенную обиходную утварь и дешевые заграничные безделушки ценные сорта меха у малоискушенных и доверчивых жителей Крайнего Севера, организовали морскую экспедицию на двух кораблях из Двинского устья по Северному морскому пути, вели заморскую торговлю, выполняли торгово-коммерческие и контрольные поручения правительства

и отправляли людей за товарами в далекую Бухару.

«Аниковичей» можно было встретить всюду, где кипела деловая жизнь и шел торг. Диапазон их интересов был чрезвычайно широк, а материальные возможности почти неограничены. Подобно отцу, они тратили огромные средства на постройку и украшение храмов, обставлявшихся с царственной роскошью, собирали рукописные и печатные книги, составляли собственные библиотеки, заказывали иконы у лучших государственных изографов, делали богатые вклады в соборы и церкви и организовали в родовом Сольвычегодске художественные промыслы, сделавшие его одним из центров древнерусской художественной культуры. Все это стало впоследствии как бы традицией обширного Строгановского дома, занимавшегося политикой, широкой промышленной деятельностью и меценатством.

В последнем десятилетии XVI века Строгановы по личной инициативе, вне зависимости от общей политики московского правительства, снарядили даже отряд из беглых волжских казаков и во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем отправили его за Уральский хребет покорять Сибирь, освоение которой лишь впоследствии стало государственным делом.

В начале XVII века, когда начался повсеместный поиск железных, медных, золотых и серебряных руд, Строгановы также приступили к разработке рудных ископаемых. Однако выварка соли из подземных соляных рассолов, образовавшихся в результате попадания пресной воды на подземные соляные пласты, по-прежнему составляла основу их промышленной деятельности. Они вываривали ее не только на Вычегоде, но и на Каме, где по берегам не-

больших впадающих в нее рек уже существовало много соляных промыслов, принадлежавших Григорию Аникеевичу — родоначальнику пермской линии Строгановых. Большая их часть была создана во второй половине XVI века и находилась в Орле-городке (он же Кергедан), основанном знаменитым Аникой Строгановым в 1564 году. Владея этими промыслами, внук Аники Федоровича — Никита Григорьевич Строганов — получал с них немалые прибыли. В 1606 году у Никиты Строганова в непосредственном соседстве с Орлом-городком и появился новый соляной промысел, названный Новым Усольем.

В 1619 году после смерти Никиты Строганова слобода Новое Усолье (Усолье Никитинское) перешла по наследству к его двоюродным братьям — Андрею и Петру Семеновичам Строгановым — и сделалась одним из лучших строгановских промыслов. Судя по Писцовой книге Михаила Кайсарова 1624 года, в ней было тогда пять дворов, 12 человек жителей и восемь соляных варниц^{1,3}, которые вместе с другими строгановскими варницами на правом берегу Камы приносили доход, намного больший, чем все посадские варницы Соли Камской.

В январе 1626 года Строгановы поделили между собой Новоусольский соляной промысел. Наряду с варницами, амбарами и соляными сараями были разделены также новоусольские работные люди с числившимися за ними долгами. Каждому из Строгановых досталось по одному повару, подварку и водоливу с их семьями.

После смерти Максима Максимовича Строганова в 1627 году произошел раздел и его части соляных варниц Нового Усоляя. В это время промыслами Строгановых заинтересовались круп-

ные торговые люди — гости Григорий Леонтьев Никитников и Василий Григорьевич Шорин, а также гостиной сотни торговый человек Яким Сергеев Патокин; они попытались захватить часть доходчивого новоусольского соляного промысла, принадлежавшую Ивану Максимовичу Строганову, не имевшему хозяйственной хватки, столь характерной для его дяди, но это им не удалось. Промыслы Нового Усоляя остались за Строгановыми. В 30-х годах XVII века они почти целиком сосредоточили здесь свою промысловую деятельность, ликвидировав малопродуктивное производство соли в Орле-городке. К тому времени Новое Усолье превратилось в крупный поселок, и только пожар 1649 года, уничтоживший пятьсот дворов, временно сократил его размеры.

В дальнейшем Строгановы также продолжали оставаться единственными хозяевами Нового Усоляя, оказывая существенное влияние на его развитие. Расширению поселка не помешал даже страшный пожар 1680 года, уничтоживший дворы многих крестьян и бобылей. Им, однако, воспользовался Григорий Дмитриевич Строганов (1656—1715). Безжалостно обирая своих родственников, он к середине 80-х годов XVII века сумел сосредоточить у себя в руках все новоусольские соляные промыслы и стать их единственным владельцем. Сорок четыре соляных варницы работало у него в Новом Усолье. Всего же жадный предприниматель сконцентрировал у себя в руках 162 соляных варницы Усольского уезда. Он превратился в крупнейшего солеваря не только Пермского края, но и всей страны. В начале XVIII века ему принадлежала территория в 63 897 квадратных верст — вдвое большая, нежели площадь Голландии того времени^{2,3}. Таких

обширных владений, кроме Григория Строганова, не было ни у кого в России. Смелый и решительный, он не останавливался ни перед какими затратами для достижения намеченных целей. Это был самый состоятельный человек государства, сумевший не только сосредоточить в своих руках огромные фамильные богатства, разошедшиеся после смерти Аники Федоровича Строганова по нескольким ветвям строгановского рода, но и немало их приумножить. Ядовитые поговорки вроде «Богаче Строганова не будешь» или же «Не тряси берегом: Строганов соль весит», сложившиеся в пермских землях на рубеже XVII—XVIII веков, прекрасно характеризовали его общественное положение и материальное благополучие. Собирая старинные рукописные книги, коллекционируя иконы и увлекаясь церковным песнопением, Григорий Строганов на свои средства построил каменный собор Введенского монастыря в Сольвычегодске (1689 — 1693), где находилось его старое родовое гнездо, возвел Казанскую церковь в Устюжне (1694) и заложил Богородицкую церковь в Гордеевке под Нижним Новгородом (окончена его супругой и освящена в 1719 г.), где была его вотчина и постоянное местожительство. По его заказу расписывались храмы, резались иконостасы и писались иконы. Произведения лучших царских изографов наполняли его домашние покои. И несмотря на это, Григорий Строганов был все же человеком нового склада: он всеми мерами развивал торговые связи своего дома со странами Западной Европы, пользовался расположением царя Алексея Михайловича (1645—1676) и энергично поддерживал решительные государственные преобразования молодого Петра I (1689— 1725).

Григорию Строганову был близок к Петру I и являлся его сподвижником. Он нередко писал ему письма, не стесняясь высказывать в них свое мнение и давать советы. Будучи в Воронеже, Григорий Строганов подарил Петру I два хорошо оснащенных военных фрегата, отправленных сразу в Турецкий поход. Два военных судна Петр I получил в дар от Григория Строганова и во время их совместного посещения Архангельской корабельной верфи. Крупнейший промышленник и купец строил эти корабли на свои средства, не стесняясь с затратами. Петр I с уважением относился к Григорию Строганову, он ценил его деловые качества, оказывал ему особое внимание и крестил даже его второго сына.

Именитый Григорий Дмитриевич Строганов был первым человеком в государстве, полное имя которого проносилось и писалось с приставкой «вич». Он часто выезжал из Гордеевки и наездами бывал не только в Сольвычегодске, но и в Новом Усолье.

После переезда на постоянное жительство в Москву в 1703 году Григорий Строганов стал бывать на Каме значительно чаще, чем раньше, и по долгу задерживался в Новом Усолье. Это была его лучшая и самая любимая вотчина, куда он переводил крестьян из всех других своих обширных владений, в том числе и из Сольвычегодска, пользовавшегося его расположением. И в то время, как прорубив «окно в Европу», Петр I лихорадочно строил на Неве морскую гавань страны, ее новую столицу, Григорий Строганов стал подумывать о перестройке Нового Усолья. Здесь находились его основные солеваренные предприятия, дававшие ему немалую долю дохода, и сюда же он хотел перевести административный центр управления всеми своими перм-

сними вотчинами, находившийся тогда в Орле-городке.

Дальновидный и прозорливый делец не мог не учитывать и того, что в двенадцати верстах от Усолья, на реке Яйве, в устье реки Насадки, находились его «плотбища» — судостроительные верфи, — где ежегодно строилось от 12 до 15 солевозных судов, грузоподъемностью в 60—70 тысяч пудов, а на Урале уже работали первые чугуноплавильные и железоделательные заводы, дававшие стране в годы Северной войны (1700—1721) пушки, мортиры, гаубицы, ядра, бомбы и картечь, транспортировавшиеся к театру военных действий по Каме, мимо Усолья, на его же судах. Григорию Строганову хотелось быть ближе к Уралу, где формировался крупный металлургический центр, жизненно важный для государства.

На склоне лет Григорий Строганов вновь посетил Новое Усолье и внимательно осмотрел поселок, насчитывавший в 1715 году 327 домов и 1635 человек жителей. Он побывал на его Верхних и Нижних промыслах, где действовало 43 соляных варницы, посетил Казанскую деревянную церковь, стоявшую в центре поселка, и облюбовал место для своего нового дома, где он предполагал провести остаток жизни. Тогда же в Новом Усолье близ берега Камы была поставлена каменная часовня Спаса Убруса, как бы закреплявшая его градостроительные наметки. Но смерть Григория Строганова в ноябре 1715 года (на шестидесятом году жизни) помешала осуществлению задуманного мероприятия.

Похоронив мужа в Никольской церкви близ своего московского дома на Швивой горке в Котельниках, вдова Григория Строганова — Марья Яковлевна, взяла в свои руки управление

всеми строгановскими вотчинами. Ее усердным помощником стал старший совершивший в 1720 году полугодовой «инспекторский» объезд всех своих Сольвычегодских и Пермских владений. В результате сольвычегодские варницы были закрыты как обветшавшие и убыточные, а новоусольские — признаны доходчивыми и перспективными^{3.3}. Вместе с закрытием архангельской морской торговли, перенесением сибирского пути с Вычегды на Каму и усиленным развитием промышленности на Урале это имело существенное значение для дальнейшей судьбы Нового Усолья.

В 1722 году, когда Сергею Григорьевичу Строганову и его братьям Петр I пожаловал звание баронов, поднявшее их престиж на еще большую высоту, они дали обет построить в честь этого события три церкви: Александр в Великом Устюге, Николай в Нижнем Новгороде, а Сергей в Пермских строгановских вотчинах^{4.3}. Вспомнили братья и идею отца о перестройке Нового Усолья; создание собственной резиденции на Каме соответствовало их планам и отвечало новому, еще более высокому и почетному званию. Петровский указ 1714 года о запрещении каменного строительства во всех городах империи, изданный в целях скорейшей застройки Петербурга, не был для них препятствием, и отцовская идея получила вскоре свое воплощение.

В 1724 году «иждивением» барона Сергея Григорьевича Строганова в Новом Усолье на берегу холодной Камы, являвшейся для строгановских судов с солью основной транспортной магистралью, в непосредственной близости от каменной часовни Спаса Убруса была заложена монументальная Спасо-Преображенская церковь^{5.3}. Одновременно братья Строгановы начали строитель-

ство и собственного каменного дома в Новом Усолье. Таких строительных работ поселок ранее никогда не видел.

Первоначально был отстроен жилой дом Строгановых — роскошные каменные палаты. Их строительство было закончено в том же 1724 году. Затем был выстроен зимний Казанский придел новоусольской церкви, освященный в январе 1727 года. Постройка же храма в целом была завершена только в 1731 году. Тогда же было закончено и строительство каменной колокольни, начатое в 1730 году. Ее «по подряду» возводили соликамские каменщики Рязанцев, Котельников и Кожин с товарищами, взявшие за работу сто двадцать рублей^{6.3}. Поставленная между Спасо-Преображенской церковью и жилым домом Строгановых, она сменила временную, деревянную, на четырех столбах, стоявшую с западной стороны храма, против его паперти.

Так в Новом Усолье, на самом высоком месте поселка, не раз затапливавшегося в сильные разливы, вырос крупный, стилистически единый архитектурный ансамбль, величие которого зримо охарактеризовало могущество и беспредельное богатство крупнейших русских промышленников и землевладельцев первой половины XVIII века. Таких ансамблей не было не только в Пермском крае, но и далеко за его пределами. Его появление явилось значительным событием в истории поселка. Возобновление вольной продажи соли в 1727 году способствовало успешному завершению работ по созданию его построек. При этом они не стали сходными с более ранними строгановскими храмами в Сольвычегодске, Устюжне и Нижнем Новгороде, но несмотря на это, как бы продолжали линию развития так называемой «строгановской архитектурной школы» XVII века, существен-

но отличаясь и от всего того, что создавалось в ту пору в государственной столице. Однако сам новоусольский промысел после постройки строгановского ансамбля по-прежнему оставался деревянным, без больших улиц, со скученной застройкой и тесными кривыми проулками, не позволяющими разъехаться двум встречным телегам.

Небольшие озера, названные жителями «полоями», делили его на несколько неравных частей. Во время половодий это была своеобразная «деревянная Венеция», движение по улицам которой происходило на плоскодонных лодках. Слово сказочный замок, стоял тогда на острове монументальный строгановский ансамбль, резко изменивший художественный облик Нового Усолья

Совершенно иным новоусольский соляной промысел стал во второй половине XVIII века, после восстановительного строительства, обусловленного грандиозными пожарами 1737 и 1749 годов, уничтожившими в общей сложности более тысячи дворов^{7.3}. В 1753 году в нем были уже сравнительно большие и широкие улицы, прямые переулки и много новых деревянных построек. По соседству с промыслом выросли также две слободы — Капустная и Пермская, куда переселились многие погорельцы. С появлением этих слобод Новое Усолье стало еще большим. Это «есть знатнейшее из всех селений, находящихся в области Соликамской», — писал о нем и в 1770 году капитан Николай Рычков^{8.3}. При этом великолепные здания баронов Строгановых: Спасо-Преображенская церковь, жилой дом и высоко поднятая над ними столповидная колокольня, как и раньше, составляли композиционную основу сильно выросшего Усолья. Однако это не были уже тогда единственные каменные здания поселка. Видную роль в его силуэте играл в ту

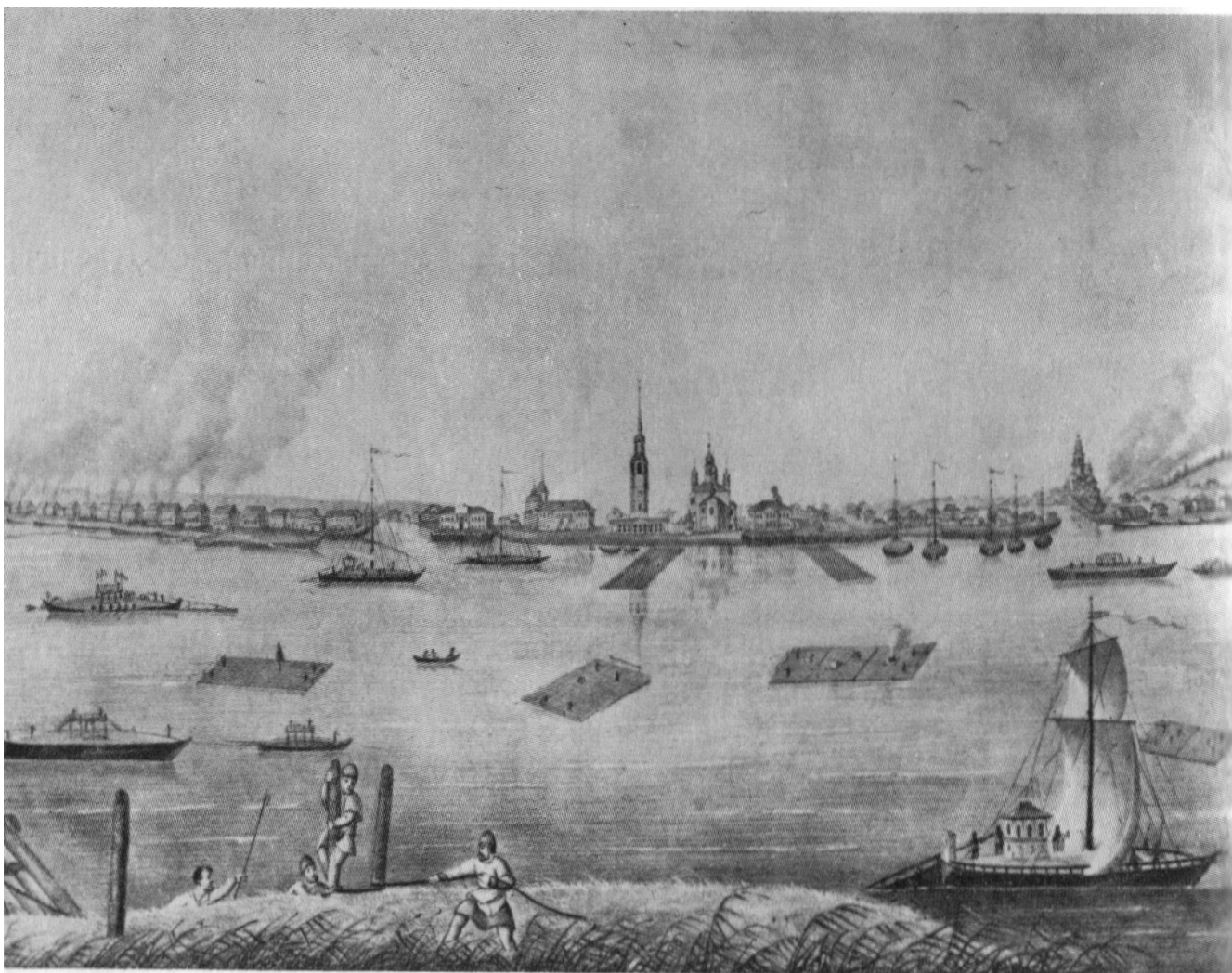
пору и каменный храм, построенный в 1757 году в стороне от строгановского ансамбля взамен сгоревшей деревянной церкви Рубежского прихода «иждивением» приказчиков Якова Дьячкова и Федора Коровина. Перестали быть Строгановы тогда и полномочными хозяевами Нового Усоля.

Еще в 1731 году, когда заканчивалось строительство новоусольского строгановского ансамбля, вольная продажа соли в стране была отменена. Сдача ее в казну по «уговорным статьям» сказала вскоре на доходах Строгановых, объем солеваренной продукции которых доходил до трех миллионов пудов в год. После смерти матери в 1733 году не стало и полного согласия между братьями. Разделив в 1747 году пермские фамильные имения, они в 1749 году поделили и все принадлежавшие им соляные промыслы^{9.3}. Позднее, когда промыслы Нового Усоля были уже собственностью их сыновей, ими заинтересовался состоятельный персидский армянин Лазарь Назарьевич, переселившийся в Россию в начале столетия. Получив большие привилегии от Екатерины II (1762—1796) за преподнесение крупного алмаза, украсившего одну из императорских корон, Лазарев в 1771 году арендует Нижние соляные промыслы Нового Усоля, а в 1778 году, получив звание российского дворянина, полностью покупает их у графа Григория Николаевича Строганова.

Тогда же право собственности на Новое Усолье имели сенатор Всеволод Алексеевич Всеволожский, в 1773 году купивший промыслы Александра Сергеевича Строганова (1733—1811)^{10.3}, а позднее, в 1784 году, им стали владеть также Михаил Александрович Голицын и Борис Григорьевич Шаховский, женатые на дочерях Александра Григорьевича Строганова. Это существенно ска-

залось на судьбе Нового Усоля. Его расширению в конце XVIII века не помешал даже перенос управления уральскими вотчинами Строгановых в 1781 году в прикамское село Ильинское на Обве, ставшее в ту пору главной строгановской вотчиной. Об увеличении новоусольского поселка к началу XIX века можно судить по грандиозному пожару 1809 года, бушевавшему четырнадцать часов. Жертвой пламени сделались тогда 1200 обывательских домов, собор, две церкви, Верхние соляные промыслы с их варницами и заготовленными для них дровами, соляные и хлебные магазины (амбары), конюшни, различные мастерские и производственные строения. Зарево пожара, охватившего почти весь поселок, было хорошо видно в Соликамске и лежащих за ним селах. Более чем в 520 тысяч рублей исчислялся тогда причиненный им ущерб. Не тронутыми огнем остались только Пихтовка, Камская слободка и Нижние соляные промыслы. «Славившееся своим благоустройством Усолье походило теперь более на пустыню, нежели на обитаемое когда-либо место», — писал о последствиях этого пожара один из пермских про-тоиреев^{11.3}.

Казалось, что пожар 1809 года, испепеливший Новое Усолье почти из конца в конец, решил и его дальнейшую судьбу. Произошло однако иначе. В то время Соликамск уже перестал быть передовым участком русского солеварения. В связи с созданием крупной металлургической промышленности на Урале и ее неуклонным ростом, промысловое значение этого города не только резко снизилось, но и вообще свелось к минимуму. Расположенный в стороне от Камы, являющейся главной транспортной магистралью, связывавшей Урал с центром страны, он пере-

*Усолье. Общий вид со стороны Камы.
Гравюра начала XIX в.*

стал привлекать и «деловых людей» государства. Вместо Соликамска на видное место в производстве соли быстро выдвинулось тогда Новое Усолье, удобно расположенное непосредственно на самой Каме. Поселок стал транзитным пунктом на столь важной транспортной артерии, снабжавшей страну металлом. Следствием этого явилась усиленная застройка Нового Усо́лья в начале XIX века. Именно тогда в нем и развернулось самое обширное строительство. При этом крупные градостроительные работы по восстановлению и реконструкции Москвы после Отечественной войны 1812 года, равно как и перестройка центров многих губернских

городов, громким эхом прозвучали тогда и на Верхней Каме. В архитектурной истории Нового Усо́лья наступил «золотой период», характеризующийся появлением в нем большого количества каменных зданий. Слово грибов выростали они тогда в разных концах промысла, меняя его облик. Они возводились Строгановыми, Голицыными, Шаховскими, Абамелек-Лазаревыми и другими владельцами промыслов Нового Усо́лья на основе «образцовых» проектов, получивших в ту пору широкое применение. Создавали их также управляющие владельцев соляного промысла, заправлявшие в Усолье всеми делами во время их отсутствия. И это были не столько храмы, сколько жилые дома, особняки, промышленные здания, производственные сооружения, торговые

постройки. Наряду с местными мастерами их возводили каменщики, кирпичники, штукатуры, столяры, плотники, резчики и другие ремесленники, прибывавшие из Чердыни и Соликамска^{12.3}. В ту пору Новое Усолье давало им кров и приличный заработок.

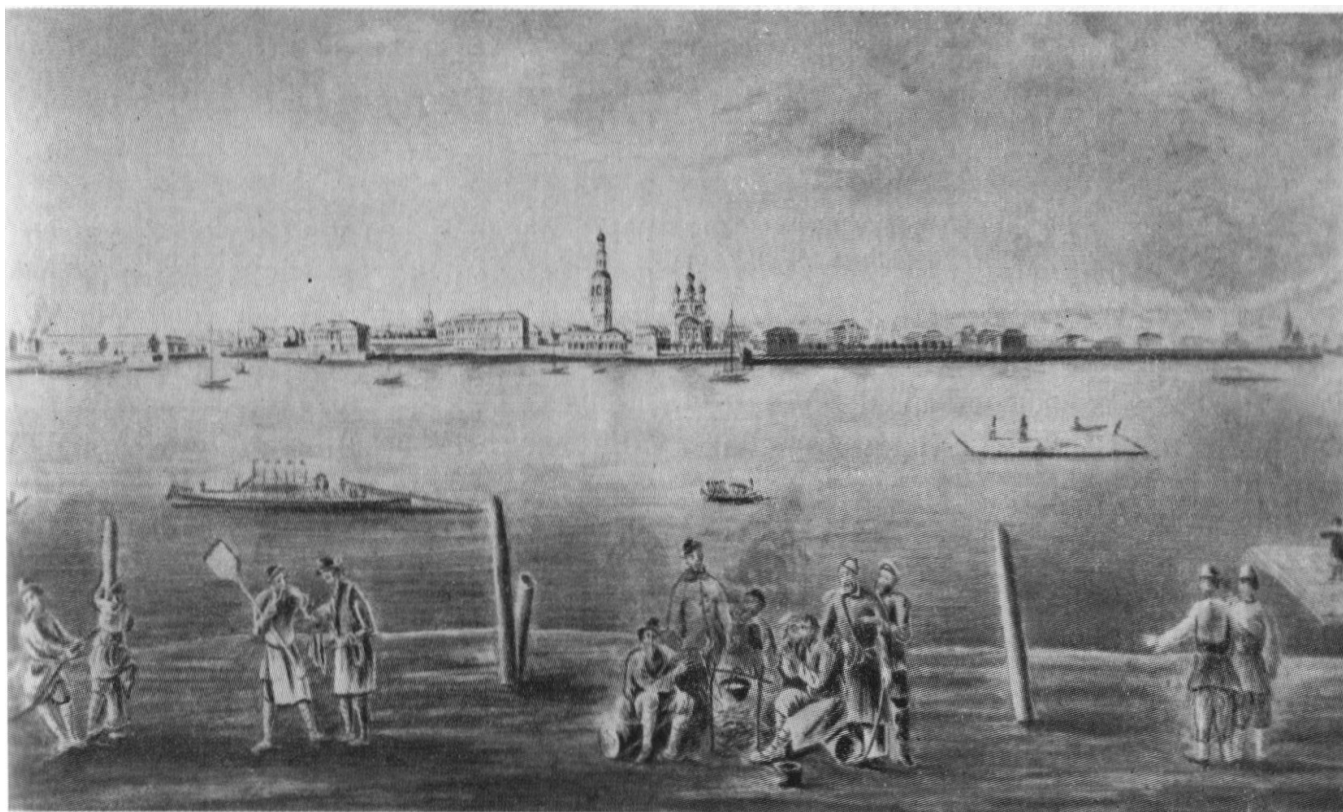
Много сил в застройку Нового Усо́лья вложил тогда строгановский крепостной архитектор Трофим Тудвасев, работавший на Урале в первой половине XIX века. В 1810—1832 годах он проектировал и строил деревянные и каменные здания самого различного назначения. Училище, больница, богадельня, кузница, варницы, флигеля, «магазиньпы» (склады), конюшенные дворы, господский дом — вот неполный перечень его усольских построек. В те же годы в Усо́лье работали С. Е. Дудин, Д. В. Комаров, а возможно П. А. Шаров и И. Ф. Колодин — столичные и местные архитекторы, выпускники Санкт-Петербургской академии художеств^{13.3}. Каждый из них внес свою леп-

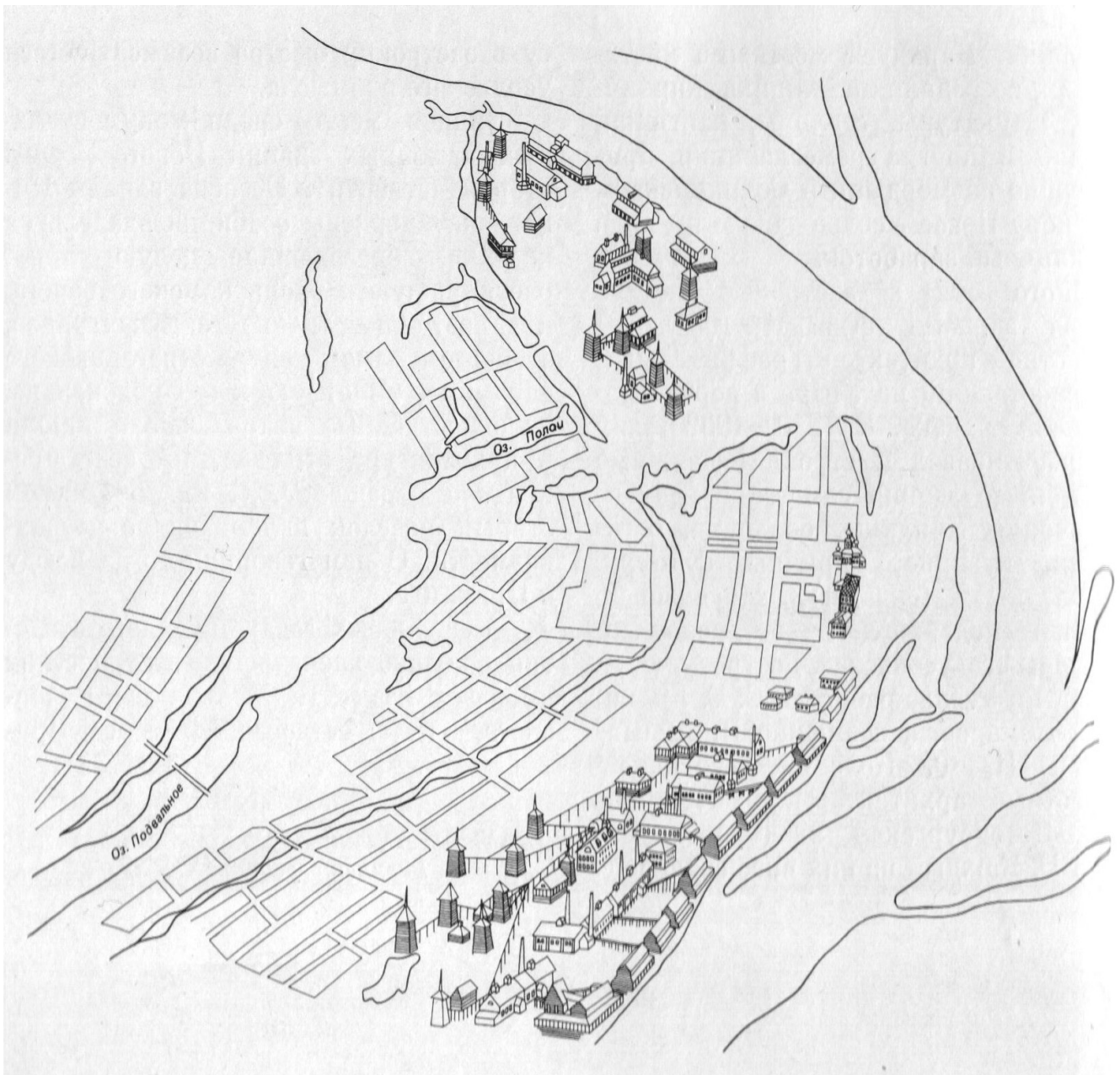
ту в застройку быстро возвысившегося усольского промысла.

Видное место среди монументальных каменных зданий Нового Усо́лья второй четверти XIX века заняли Никольская церковь, особняки владельцев поселка, образовавшие целую улицу, растянувшуюся вдоль камского берега, и одноэтажное здание торговых рядов, ставшие в самом центре строгановского ансамбля, вплотную к его колокольне. Художественные веяния эпохи нашли в архитектуре этих зданий свое прекрасное отражение. С их появлением старый поселок изменился до неузнаваемости. О нем говорили тогда всюду в Прикамье.

В сороковых годах прошлого столетия большое впечатление этот поселок произвел на П. И. Мельникова-Печерского, путешествовавшего по При-

*Усолье. Общий вид со стороны Камы.
Рисунок середины XIX в.*

Усолъе. «Карта» центральной части промысла начала XX в. Фрагмент. Березниковский краеведческий музей

камень. «Прямо перед нами широко раскинулось Усолъе,— писал он в «Дорожных записках»,— на обоих концах его дымятся варницы, и густой дым клубами развивается над всем селением. Ряд красивых каменных домов, которые не были бы лишними даже и в столице, тянутся по берегу Камы»^{14.3}.

Вызвавшие восхищенно писателя новые жилые дома Усолъя namного обогатили панораму поселка со стороны

реки, сделали его еще более красивым и живописным. Он поистине превратился в небольшой город, хотя официально и не имел этого названия. В середине XIX пока этот «город» славился торговлей и особенно своими хорошо оборудованными по тем временам соляными промыслами. Последние были тогда уже крупными солеваренными предприятиями с большим количеством снабженных насосами рассолоподъемных башен, соляных ларей, усовершенствованных соляных варниц и огромных соляных амбаров, которые строго

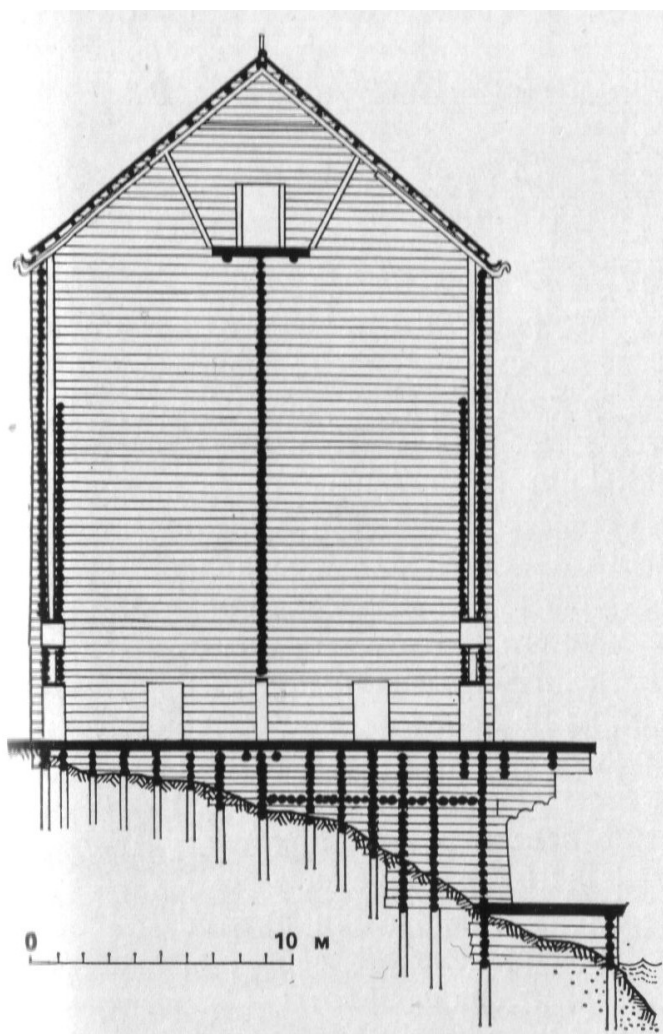
в ряд, чуть ли не вплотную друг к другу, стояли вдоль кромки камского берега. По свидетельству современника, Новое Усолъе отличалось в ту пору также «великолепными храмами... громадную населенностью, большими каменными зданиями и постоянно возникающими вновь строениями»^{15.3}. Называя его селом, один из историков конца XIX века писал даже, что оно «есть

самое первое из всех сел и заводов, существующих в Соликамском уезде»^{16.3}. Однако основная застройка расчлененной на части строгановской вотчины по-прежнему оставалась тогда деревянной. «Середины нет: или лачуги обывателей, или хоромины солеваренных магнатов». Так записал свое впечатление об Усолъе один из исследователей начала нынешнего столетия^{17.3}.

2. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА

В наши дни Усолъе — большой город, связанный с промышленным центром Березники. Его деревянная жилая

*Усолъе. Соляной амбар. Разрез.
По М. Маковецкому*

застройка с вкраплениями каменных общественных зданий длинной лентой тянется по правому берегу Камы. Основу этой застройки составляет так называемый «старый город», который в прошлом и был Новым Усолъем.

Особенно красива панорама «старого города» Усолъя со стороны реки: бывшая строгановская вотчина, растворяющаяся в прозрачной дымке воздуха, смотрится отсюда примерно так, как и более ста лет тому назад, когда она привлекла внимание П. И. Мельникова-Печерского. «Против Березняков на противоположном берегу Камы,— писал в «Книге скитаний» в 1963 году К. Г. Паустовский (1892—1968),— вяло курится полярным дымом древний город Усолъе». «Тогда в нем,— свидетельствовал писатель,— еще сохранялись «высокие бревенчатые башни — соляные варницы», с потемневшими от времени и блестящими как антрацит стенами». Варницы, как показалось К. Г. Паустовскому, «были похожи на хмурых строгановских соглядатаев, оставленных здесь для надзора за новыми непрошенными хозяевами этой сумрачной земли». Они «стояли, надвинув на глаза тяжелые шапки — темные крыши,— и неодобрительно молчали»^{18.3}.

Теперь соляных варниц в Усолъе

Усолье. Строгановский ансамбль. Общий вид

нет. Они исчезли совсем недавно, как недавно исчезли и старые деревянные амбары для хранения вываренной соли. Нет в Усолье и густого дыма, клубами стелившегося когда-то над его постройками. Однако «каменные хоромы солеваренных магнатов», которые «не были бы лишними даже и в столице», по-прежнему определяют его облик. Сохранились также каменные храмы и некоторые промышленные строения этого старинного соляного промысла. Обращенные к воде и вытянувшиеся друг за другом вдоль береговой кромки, они составляют вместо великолепный архитектурный комплекс.

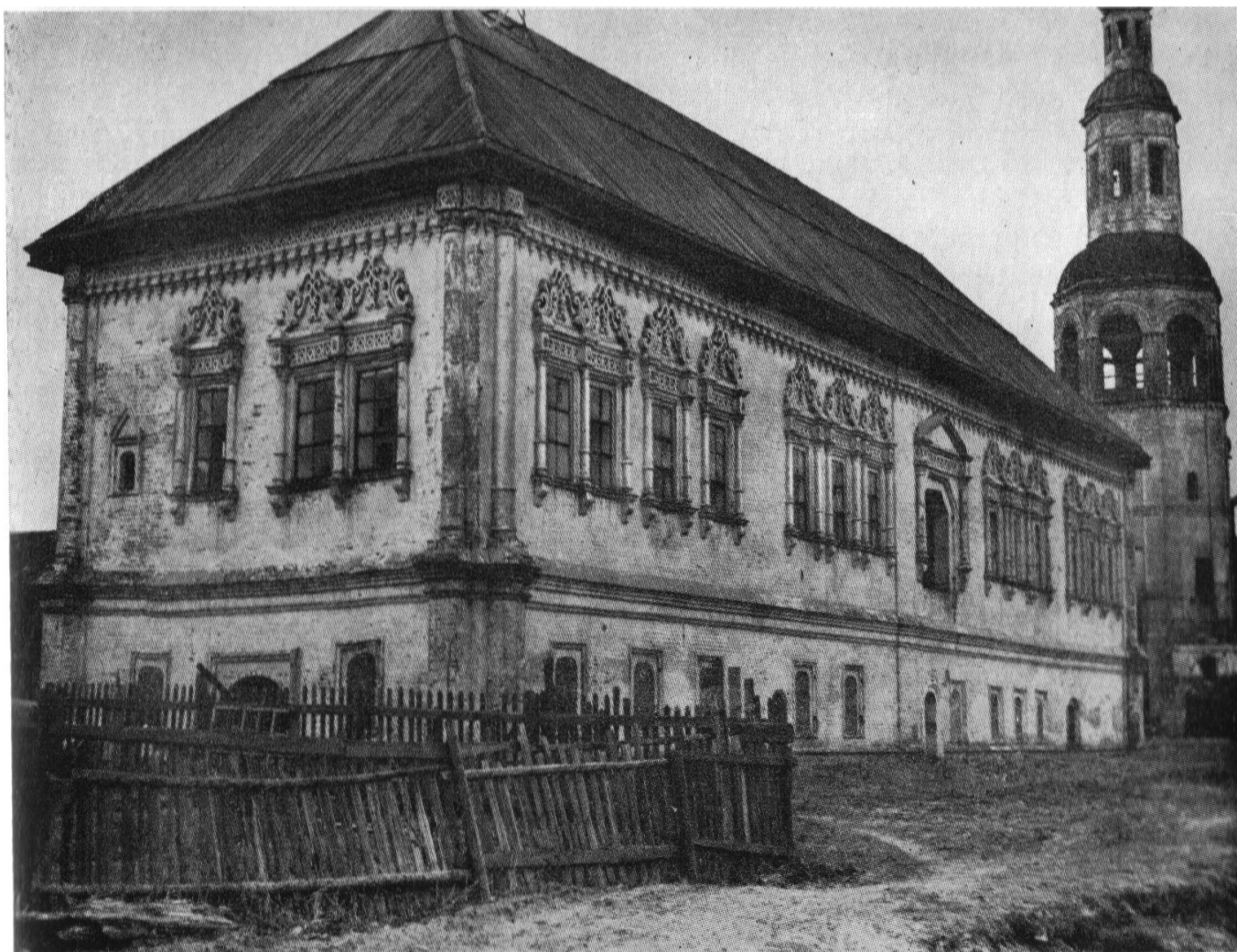
Центральное место в усольском ар-

хитектурном комплексе занимает ансамбль строгановских построек. Его первооснову составляет полуразвалившаяся часовня Спасо-Убруса, выстроенная Григорием Строгановым на рубеже XVII—XVIII веков и явно перестроенная в XIX веке. Это небольшая однокупольная постройка, сложенная из большемерного кирпича на известковом растворе. Ее кубовидный массив венчает карниз из лекальных кирпичей и узкий фриз из единственных в своем роде цветных поливных изразцов, каких нет даже в памятниках архитектуры близлежащего Соликамска.

Другие постройки ансамбля Спасо-Преображенский собор, колокольня и строгановские палаты — относятся ко второй четверти XVIII века. Это мону-

ментальные, стилистически единые сооружения, наверняка выстроены по замыслу весьма опытного зодчего, обладавшего высоким художественным вкусом. И несмотря на то, что этот зодчий еще интересовался архитектурными формами XVII века, он сумел все же придать своим постройкам совершенно новый художественный облик. Созданные им сооружения, хотя и оказались совершенно не схожими с теми зданиями, которые строились тогда в Петербурге, но несмотря на это, они вполне отвечали честолюбивым требованиям всемогущего и своенравного заказчика, не желавшего знать себе равных даже в архитектуре. Особенно сильно чувство собственного достоинства баронов Строгановых проявилось в архитектуре строгановских жилых палат (реставрированы в 1962 году архитектором В. И. Зыковым). Это прямоугольное, сильно вытянутое в плане двухэтажное здание с толстыми кирпичными стенами на фундаменте из естественных камней. Оно покрыто крутой вальмовой крышей в две доски и имеет поистине кружевную обработку стен. Во всем его величественном и монументальном облике прекрасно отразилось и фамильное богатство строгановского рода и его привилегированное положение. Своим главным фасадом с большим

Усолье. Палаты Строгановых. Общий вид со стороны Камы

Усолье. Палаты Строгановых. Общий вид со стороны Верхних промыслов

количеством крупных прямоугольных окон оно ориентировано на восток, в сторону реки. С нее Строгановский дом воспринимается как ведущее звено в панораме Усолья.

Планировка нижнего, подклетного этажа дома почти такая же, как и верхнего, более высокого и парадного. Внизу хранились товары и размещалась каретная с широким въездным арочным проемом на южном боковом фасаде, а вверху — жилые анфиладно расположенные комнаты палатного типа с двусторонним освещением. Они поражают просторностью, светлостью и размерами сводов (преимущественно коробовых), в распалубках которых разместились широкие прямоугольные окна.

Средняя, самая узкая комната второго этажа, играла роль прихожей. Ее

широкий, со срезанными сверху углами прямоугольный входной проем, сходный с дверями деревянных построек русского севера, обрамлен снаружи скромным порталом с как бы скругленным треугольным фронтоном и колонками по сторонам. В свое время в порождверного проема дома упиралась площадка несохранившейся деревянной лестницы.

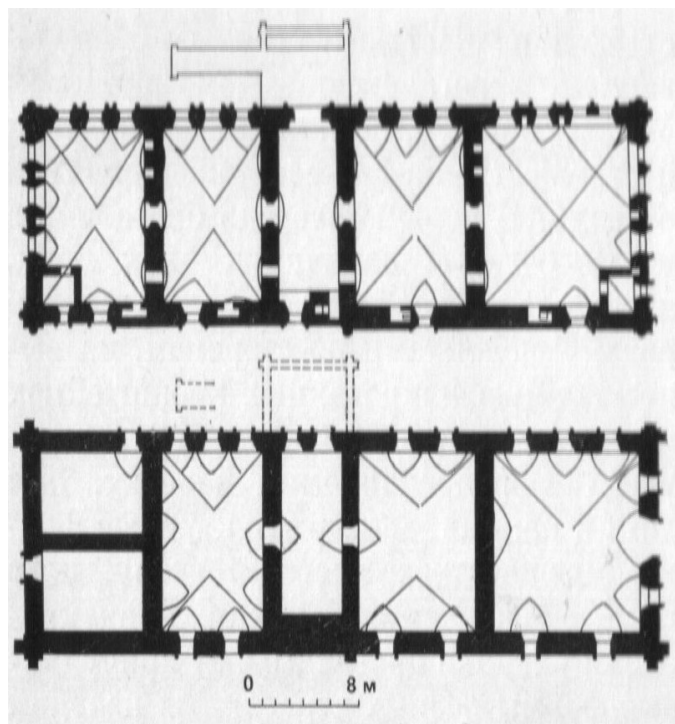
Раньше в комнатах дома стояли массивные кирпичные печи, облицованные полихромными орнаментальными изразцами. Имевшие вид фигурных ларей, они были их великолепным украшением и колоритными пятнами читались на фоне гладких стен, покрытых слоем известковой побелки. Определяя для них места, строители дома позаботились о том, чтобы мусор, неизбежный при их топке, не попадал в комнаты. Поэтому древесный уголь для печей не проносился по комнатам, а поднимался

снизу в лотках по специальным наклонным «каналам», выложенным против них в толще стеной кладки.

Крайне интересны квадратные изолированные «камеры» в углах торцевых покоев второго этажа, совершенно неизвестные в жилом зодчестве более раннего времени. Они перекрыты собственными сводами и снабжены небольшими оконцами, предназначавшимися не столько для освещения, сколько для проветривания. Здесь хранили ценности и всевозможную «мягкую рухлядь», стоимость которой определялась подчас на вес золота. Это были своеобразные сейфы мужской и женской половин дома, их «несгораемые шкафы», крайне необходимые в условиях частых пожаров. Изолированные от пространств комнат, они обеспечивали сохранность сложеного в них имущества даже в том случае, если огонь распространялся по дому. Небольшой «тайник» с массивной дверью и чугунным полом, обнаруженный при реставрации дома, служил, видимо, тем же целям.

Просторные и светлые помещения дома первоначально были наполнены мебелью. Их неотъемлемую принадлежность составляли иконы, которые имели в ту пору не только религиозное назначение, но и были предметом роскоши, занимавшие по своей материальной ценности одно из первых мест в имуществе состоятельного хозяина. Подобно отцу и деду, братья Строгановы вкладывали в них значительные средства. Они не только снабжали всем необходимым своих иконописцев, работавших в Пыскорском монастыре, но и привозили их произведения в свой обширный дом в Новом Усолье.

В этом доме Строгановы жили во время посещений соляного промысла, принимали гостей, вели деловые разговоры с приказчиками, подсчитывали

*Усолье. Палаты Строгановых. Планы этажей.
Обмер ПСНРПМ*

доходы и коротали свободное время за чтением книг из собственной библиотеки. Отсюда они любовались величественной панорамой Камы и ее противоположного берега, обозревали уходящее в стороны русло реки, где у расположенной поодаль пристани стояли суда и суетился народ, грузивший на баржи тяжелые кули с солью.

Подобного рода домов в начале XVIII века не было во всем Пермском крае. Не было таких домов и в других строгановских вотчинах. Вплоть до конца XVIII века, когда в доме разместилось «правление промысловых дел», а затем и контора, это была новоусольская резиденция баронов и графов Строгановых, их «крепость» на Верхней Каме. Пушечной пальбой и колокольным звоном встречало Новое Усолье графа Александра Сергеевича Строганова, прибывшего сюда с сыном Павлом в 1787 году.

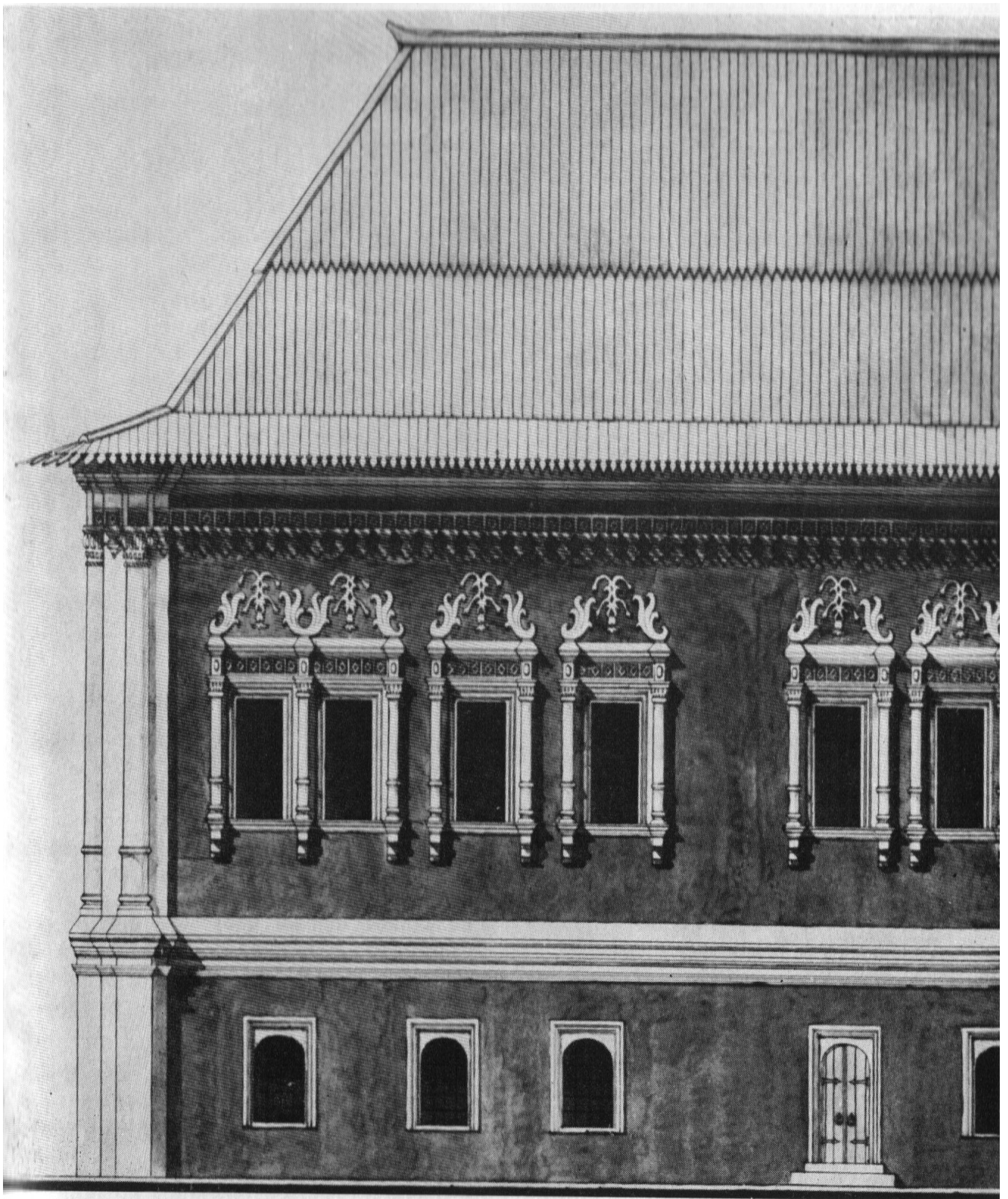
Отличаясь анфиладным расположением просторных, освещенных с двух сторон жилых помещений, их парадно-

стью, нарядностью и стенным оборудованием, строгановский дом в Новом Усолье привлекал внимание приезжих и торжественной красотой наружной отделки. В первую очередь бросались в глаза богатые наличники окон дома, игравшие в его облике главенствующую роль. С колонками по сторонам, на выносных профилированных кронштейнах и пышными, как бы прорезными фигурными «фронтончиками» наверху, они хотя и напоминают архитектурные формы предшествовавшего столетия, но с ними совершенно не схожи. В их красивом рисунке проглядывают причудливые формы резных деревянных изделий и ажурных металлических отливок, а в тонкости прорисовки и тщательности исполнения можно усмотреть давнишнее тяготение строгановского рода к мелочам, деталям и общей узорности, что было свойственно одному из течений в русской иконописи первой половины XVII века. Колоритными пятнами выступают эти наличники на фоне гладкой, неоштукатуренной кладки кирпичных стен, лишенных традиционных лопаток. В их усложненной ордерной форме нетрудно усмотреть определенные элементы сходства с причудливым убранством окон одновременной Иоанно-Предтеченской церкви в селе Красном под Соликамском и увидеть измельченный «жучковый» орнамент, присущий подавляющему большинству соликамских храмов конца XVII века.

Особо выделены наличники северной половины дома, обращенной в сторону других построек строгановского ансамбля. Здесь под ними помещены плоские, сразу даже незаметные силуэтные «прокладки» с секировидными полукружиями внизу, еще больше усиливающие их декоративность. Трудно сказать, откуда такие формы появились в Новом Усолье и каково их происхождение.

Наряден также карниз дома с тем же усложненным «жучковым» орнаментом в антаблементе на частых фигурных консолях. Слово просечной узор металлических подзоров, нависает он над ровным полем его стен. Своеобразно трактованные трехчетвертные колонки со стилизованными листовыми капителями как бы усиливают раскрепованные углы этого монументального сооружения.

Во всем тщательно прорисованном и виртуозно выполненном из лекальной кирпича узорочки строгановского дома чувствуется не только придирчивая требовательность заказчика, но и уверенная рука талантливого мастера, сумевшего создать сооружение, не похожее на те, которые стояли тогда в других городах страны. Правда, в архитектуре дома, в богатстве его причудливых форм, сдержанных четким ордерным ритмом, а также в расположении окон то отдельно, то группами, явно проглядывают черты, свойственные жилому зодчеству предшествовавшего времени. «Кружевная узорчатость его фасадов, как справедливо отметил И. Э. Грабарь,— несмотря на типичную обработку в стиле барокко, все еще близка стремлениями зодчества Москвы 17-го века»^{19.3}. Определенной архаичностью отличается и планировка дома. Ведь строившие его мастера фактически повторили плановую структуру деревянной избы с двумя клетями по бокам сеней. Однако, удвоив количество «клетей» с той и другой стороны, они создали анфиладность в расположении освещенных с двух сторон жилых помещений, а «сени» превратили в соединяющую их прихожую. Это наложило отпечаток на компактную структуру дома. Подчиненный законам симметрии, он уже потерял связь с традиционной схемой деревенской избы. Нет у него и

надстроек, свойственных жилой архитектуре предшествовавшего времени. Это не живописные и асимметричные боярские хоромы, а солидный геометрически четкий массив. Соответствующий «духу времени», он утратил хоромный

*Усолье. Палаты Строгановых.
Проект реставрации.
Архит. Л. Потапова*

характер и приобрел официальный представительный вид, сблизившись тем самым с дворцовыми постройками.

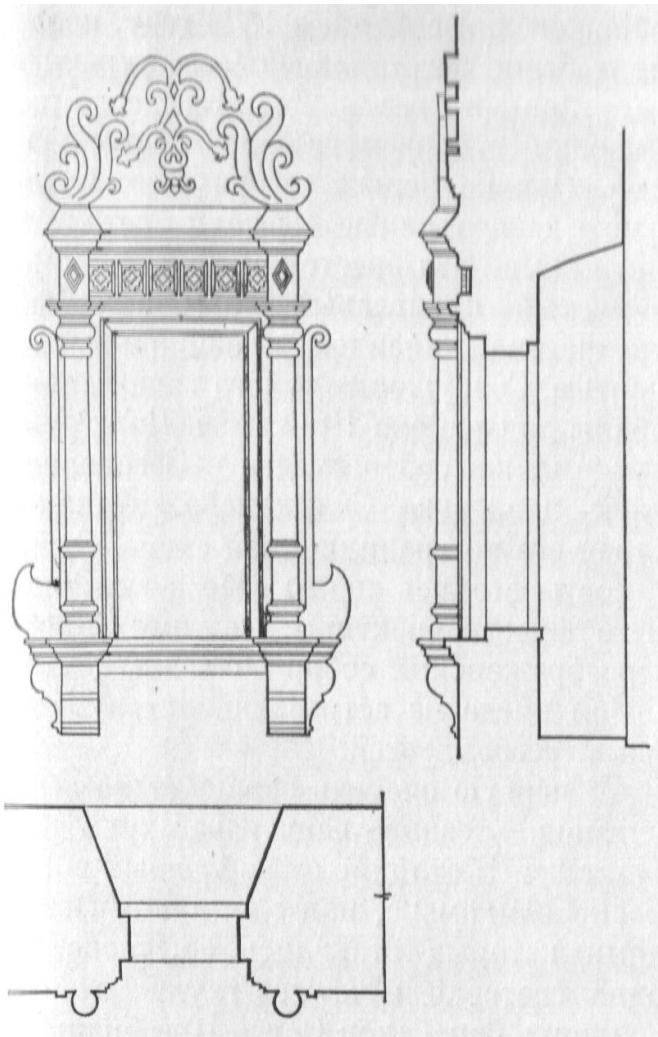

Усолье. Палаты Строгановых. Наличники окон фасада со стороны Камы

Строивший дом мастер явно стремился к общей цельности и компактности сооружения, к его обобщенному зрительному восприятию. В пропорциональном соотношении его частей, в превалирующем значении верхнего этажа над нижним, хозяйственным, с помещениями для хранения товаров и специальной каретной, проглядывает стремление зодчего отойти от старых, еще довлевших над ним архитектурных приемов. Выстроенный немного раньше Воеводский дом в Соликамске по сравнению со строгановским домом в Усо-

лье кажется уже вековой древностью. Высокими художественными качествами отличается также Спасо-Преображенская церковь новоусольского строгановского ансамбля, выстроенная, безусловно, теми же мастерами.

Как и дом Строгановых, эта церковь поражала прибывавших по Каме пышностью отделки и богатством внутреннего убранства. Строгановы не пожалели средств на ее украшение. Благодаря их заботам она быстро превратилась для Усолья в такой же «музей красоты», каким в свое время был Благовещенский собор Строгановых в далеком Сольвычегодске. В 1752 году, когда упразднили собор в Орлегородке, Александр,

*Усолье. Палаты Строгановых. Окно.
Обмер студентов МАрХИ*

Николай и Сергей Строгановы без особого труда получили разрешение о переименовании церкви в Спасо-Преображенский собор. Его многоярусный иконостас сплошь покрывала золоченая резьба. Наполненный специально питавшимися для него иконами, он был лучшим украшением просторного и светлого интерьера храма.

Среди огромного имущества Спасского собора особую ценность составляли золотой и серебряный кресты, пожертвованные в 1682 году Григорием Дмитриевичем Строгановым в деревянную Казанскую церковь, а также две серебряные чаши, паникадило и другие предметы декоративно-прикладного

искусства из состава его дарственных вкладов. Это были семейные реликвии братьев Строгановых, свято чтивших память отца. Тускло сверкали они при свете всюду расставленных свечей во время торжественных богослужений.

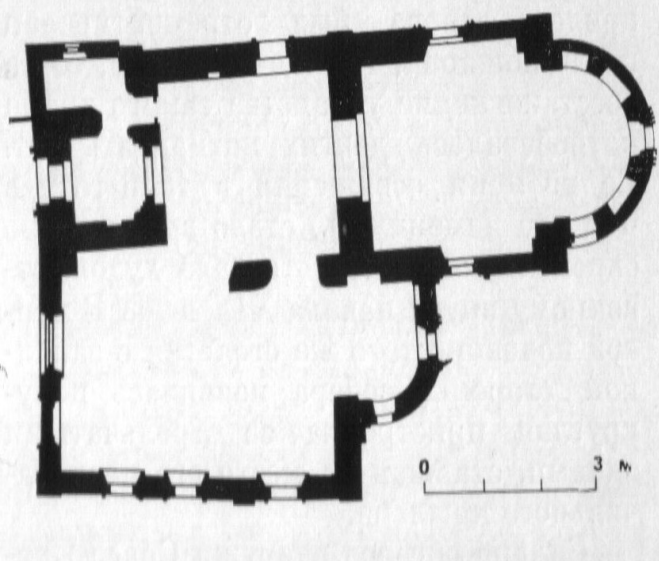
Позднее Спасо-Преображенский собор трижды выгорал во время пожаров (1753, 1768 и 1775), но Строгановы каждый раз отпускали средства на его восстановление. Они ремонтировали его обгоревший иконостас, приводили в порядок испорченное имущество, наполняли новыми иконами. Однако в 1809 году собор выгорел вновь (ущерб, причиненный ему тогда, исчислялся в тридцать тысяч рублей). Был полностью утрачен старый иконостас, большое количество икон в дорогих чеканных окладах, старые книги в роскошных переплетах и церковная утварь. Чудом уцелели только некоторые дарственные вещи отца баронов Строгановых, среди которых оказалась и книга «Беседы о деятельности святых Апостолов», изданная в Киеве в 1624 году, с собственноручной дарственной надписью Григория Дмитриевича Строганова в Богородицкую церковь Орла-городка, которую в 1754 году передал в новоусольский Спасо-Преображенский собор его средний сын Николай. И если Казанский придел собора был отремонтирован после пожара в том же 1809 году, то на восстановление убранства самого храма потребовалось долгих пятнадцать лет. Со времени освящения в 1826 году в нем все изменилось, стало значительно скромнее и соответствовало художественному вкусу начала XIX века. В первой половине того же столетия с западной стороны собора появилась полукруглая пристройка со стрельчатыми окнами, ставшая на место его первоначального крыльца.

Сильно обгорел снаружи Спасо-Пре-

Усолье. Спасо-Преображенский собор. Апсиды

*Усолье. Спасо-Преображенский собор. План.
Обмер ПСНРПИМ*

ображенский собор и в 1824 году, после чего были восстановлены его утраченные главы и кресты. Все это внесло изменения в первоначальный облик здания. Однако основа собора и его пышные декоративные детали остались прежними. Это бесстолпный, чуть приземистый пятиглавый храм с одной трехчастной апсидой и обширной папертью. Сооружения такого типа характерны для района Прикамья. По структуре плана собор сходен с Богоявленской церковью Соликамска. Однако, строя его по традиционной схеме, Строгановы остались верны себе и внесли в него свои коррективы. Поэтому Спасо-Преображенский собор обладает целым рядом нигде не встречающихся в Прикамье особенностей.

В первую очередь обращает на себя внимание позднее венчающее храм пятиглавие. В отличие от церковных построек Соликамска, над сомкнутыми сводами которых ставились обыкновенно одна световая и четыре глухих главы, все пять барабанов Спасо-Преображенского собора открыты внутрь и снабжены окопными проемами. Яркий рассеянный свет лился через них на высокий многоярусный иконостас, ликвидируя ту сумрачность в верхней части интерьера, которая создавалась подчас в одноглавых церквях.

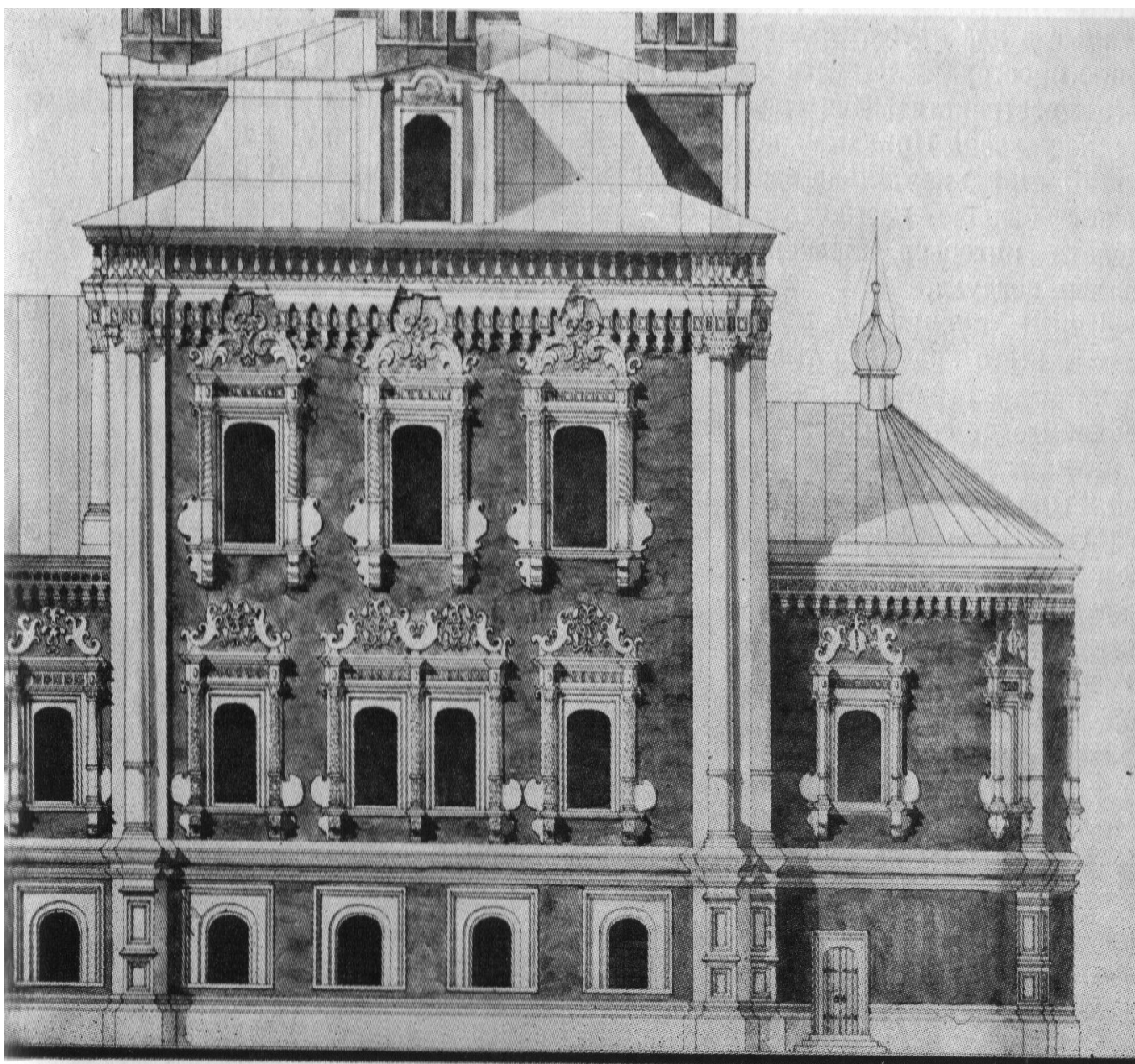
Примечательно также расположение малых глав Спасо-Преображенского собора. Они поставлены не на углах, как это делалось обыкновенно в других пятиглавых церковных постройках, а по сторонам света. Этот прием, типичный для культового зодчества Украины конца XVII века и использованный и 1684—1688 годах строителями Нового собора Донского монастыря в Москве, был хорошо известен Строгановым. Они воспользовались им в 1719 году, когда возводили церковь Рождества Богоро-

дицы в своей нижегородской усадьбе. По сторонам света были поставлены также световые барабаны малых глав Троицкого собора в Верхотурье, выстроенного в 1703—1710 годах артелью каменщиков из Москвы^{20.3}.

Мастера, возводившие более поздний новоусольский Спасо-Преображенский собор Строгановых, продолжили эту традицию. В техническом отношении перед ними стояла довольно сложная задача. Решая ее, они в нижних частях каждого лотка сомкнутого свода, где сосредоточены максимальные усилия его распора, выложили распалубки

с восьмигранными отверстиями наверху. Это по иному распределило нагрузку на стены четверика, не снизив его прочности в наиболее напряженных местах. Над отверстиями распалубок и были выложены затем восьмигранные (тоже необычные для района) барабаны четырех малых световых глав. Их совершенно иное расположение выделило новоусольский Спасо-Преображенский собор из состава всех других бесстолпных пятиглавых церквей древнего Усольского уезда. Однако в кон-

*Усолье. Спасо-Преображенский собор.
Проект реставрации. Архит. Л. Потапова*

структивном отношении его строитель лишь повторил схему, примененную в более ранней строгановской Рождественской церкви в Нижнем Новгороде; восьмигранные барабаны ее малых световых глав уже стояли тогда на широких распалубках сомкнутого свода и были своеобразным конструктивным «образцом» для строителей новоусольского собора.

Отличительную особенность Спасо-Преображенского собора в Новом Усолье, поставленного, как и другие храмы Прикамья, на высокий подклет, составляет, наконец, и его великолепная освещенность. Широкие, с лучковыми перемычками окна четверика, расположенные в два яруса, создавали впечатление простора и легкости его внутреннего пространства. Учитывая климатические условия Прикамья, зодчий, строивший этот храм, явно стремился как можно больше насытить его светом, сделать интерьер жизнерадостным и полным воздуха.

Перед иконными изображениями святых этого храма, предметы убранства которого отражали по вечерам мерцающий свет спускавшихся сверху паникадил и расставленных повсюду свечей, было приятно стоять и самим владельцам Нового Усолья и их крепостным людям. В светлом, поистине праздничном облике интерьера Спасского храма хорошо отразилось изменившееся отношение человека к религии, сущность которой для образованной верхушки общества сводилась тогда лишь к выполнению чисто внешней и сугубо показной обрядности. Баронов Строгановых такие обряды привлекали многокрасочностью, блеском и торжественной церемониальностью, соответствующей их высокому положению.

Светская стихия, наложившая яркий

отпечаток на развитие русского церковного зодчества XVII века, нашла свое отражение и во внешнем оформлении новоусольского Спасо-Преображенского собора. То ли по воле заказчика, то ли по замыслу зодчего, но «божий храм» строгановского ансамбля оказался сооружением, как бы равнозначным в художественном отношении роскошным палатам Строгановых. Первоначально кажется даже, что все детали этих построек одинаковы и повторяют друг друга. Только пристальный взгляд уловит разницу между ними, заметит большую усложненность декоративного узорочья храма. В первую очередь это относится к богатым наличникам рядами расставленных окон, которым, как и в строгановском доме, принадлежит главное место в композиции фасадов. Но если наличники дома Строгановых везде одинаковы, то у Спасо-Преображенского собора они различны и значительно богаче по прорисовке. Здесь каждый из них «наложен» на чуть выступающую из поля стены контурную «прокладку» с полукруглыми выступами внизу, усиливающими их декоративность.

Ближе всего по рисунку к наличникам строгановского дома рисунок обрамлений оконных проемов апсиды. Их фигурные фронтоны, напоминающие экзотические листья и лепестки какого-то неведомого цветка, даже проще и скромнее, чем на доме Строгановых. Зато наличники четверика собора намного богаче, пышнее и декоративнее. И если колонки окон верхнего этажа сделаны витыми, то внизу они сплошь покрыты тонкой порезкой, растительный орнамент которой повторяет золоченую резьбу иконостасов. Неодинаковы и венчающие части этих наличников. У нижнего ряда окон они довольно плоские, как бы силуэтные, и отлича-

ются витиеватостью рисунка, напоминающего сквозную пропиловку, а у верхнего — более рельефные и даже скульптурные, со склоненными друг к другу и почти лепными волютными завитками с причудливыми, как бы распутившимися цветками между ними. Каждый из этих наличников с полным правом может быть сопоставим с драгоценной резной рамой. Гладкие стоны четверика, снабженные трехчетвертными коринфскими колонками на раскрепованных углах, служат для них нейтральным фоном, подчеркивающим их пышность и декоративную значимость.

Необычностью рисунка отличается и карниз Спасо-Преображенского собора, несущий па себе низкий аттик со сплошным рядом часто поставленных балясин. Как бы раздвинутый над наличниками окон верхнего света и освободивший место для верхних частей, он завершает собой весь объем покрытого фигурной кровлей четверика и в общем декоративном убранстве храма играет важную роль.

Следует подчеркнуть, что все это пышное, как бы наложенное на стены «распутившееся» оформление, сделанное из лекального кирпича, превратило Спасо-Преображенский собор в такую же жизнерадостную постройку, как и более скромное декоративное убранство строгановского дома. Однако иное композиционное построение и другой пропорциональный строй внесли существенные коррективы в масштабное соотношение частей храма, сделали его менее величественным и представительным, нежели палаты Строгановых. Это и определило место Спасо-Преображенского собора в общем художественном облике парадного ансамбля баронов Строгановых в Новом Усолье.

В стилистическом единстве с собором и домом братьев Строгановых нахо-

дится и слегка накренившаяся колокольня новоусольского ансамбля начала XVIII века.

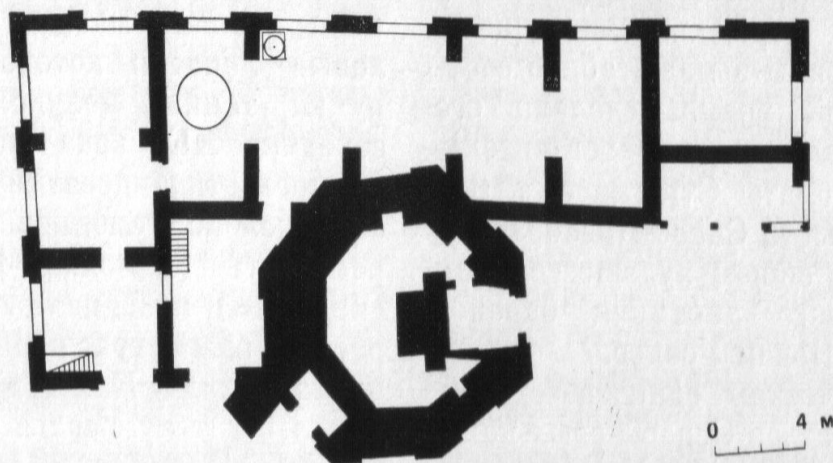
Гордо поднялась эта колокольня над поселком, уподобившись устремленному к облакам обелиску. Сейчас она венчается как бы немного продавленной луковичной главкой. Однако в 30-х годах XIX века над ней еще возвышался тонкий как игла, устремленный ввысь шпиль. Благодаря ему она уподоблялась церкви Архангела Гавриила (Меншикова башня, 1701—1707) в Москве и Петропавловскому собору (1712—1723) в Петербурге. Соликамские каменщики Рязанцев, Котельников и Кожин, за год сложившие стены новоусольской колокольни в соответствии с общим замыслом ансамбля и, возможно, под наблюдением его автора, сделали ее восьмигранной, с поставленными друг на друга убывающими кверху объемами, лишив их гладкие стены «накладных» деталей, столь свойственных соседним строгановским зданиям. Поэтому колокольня предельно проста и выглядит даже несколько аскетично. Только скромные пояса квадратных ширинок с фигурными вставками из лекального кирпича, повторяющие «жучковый» рисунок отдельных элементов карнизов и наличников дома Строгановых и Спасо-Преображенского собора, служат ей украшением.

Между широкими арочными пролетами нижнего массива колокольни, угловые лопатки которого переходят в пучки тонких полуколонок устоев, в середине XIX века висел знаменитый четырехсотпятидесятипудовый усольский колокол, сменивший собой старый расколотый в пожар 1775 года. В воскресные и праздничные дни его густой равномерный гул плавно стелился по водной глади Камы и был слышен за много верст от Усолья. В 1846 году он

Усолье. Колокольня Спасо-Преображенского собора. Общий вид

Усолье. Колокольня Спасо-Преображенского собора и торговые ряды. План. Обмер студентов МАрХИ

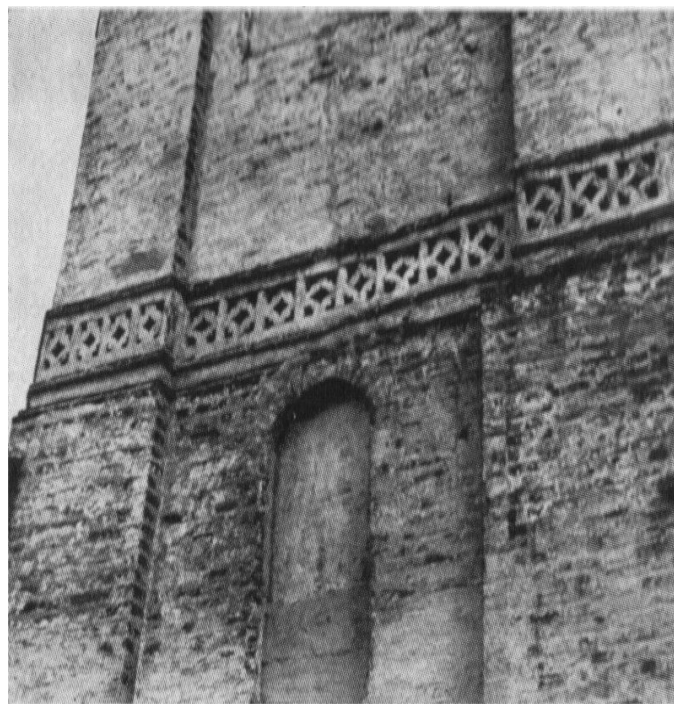

был заменой новым, пятьсотсорокапудовым, отлитым в Усолые в 1844 году мастером Шишкиным. Девять более мелких колоколов, «растопившихся» в пожар 1842 года, который уничтожил и огромный шпиль колокольни^{21.3}, размещались выше, во втором и третьем ярусах, с прямоугольными проемами звона, гармонирующими своей формой с окнами строгановских палат. Эти ярусы уже совсем лишены декоративных деталей. Только еле заметные кокошники, как бы нарисованные на гранях венчающей части среднего восьмерика колокольни, подчеркивают ее напряженность и динамичность.

Совершенно другое направление в архитектуре Нового Усоля характеризует Владимирская Рубежская церковь. Четверть века отделяют ее от времени создания строгановского ансамбля. Между ним и постройками начала XIX столетия она является как бы промежуточным звеном.

Стоит Владимирская церковь к северо-западу от строгановских построек, немного выше по течению Камы, в том месте, где раньше находились Верхние соляные промыслы и существовала небольшая слободка, называвшаяся Рубежом. Дата постройки церкви — 1757 год. Она выстроена «иждивением» приказчиков Якова Дьячкова и Федора Коровина взамен сгоревшей четыремя годами раньше деревянной церкви 1752 года^{22.3} того же Рубежского прихода. И несмотря на то, что при освещении в 1760 году этот храм был назван Владимирским, новоусольцы по-прежнему называли его Рубежской церковью.

Рубежской Владимирская церковь часто именуется и до сих пор. Ее обозрению не мешают ни остатки церковной ограды, ни деревянные изгороди близлежащих огородов. Словно маяк, возвышается она на зеленой лужайке в

Усолые. Колокольня Спасо-Преображенского собора. Фрагмент

окружении высоких, покрытых густой кроной деревьев, как в зеркале, отражаясь в ровной глади небольшой заводи. Спускаясь вниз по Каме от Соликамска, торговые предприниматели конца XVIII века видели эту церковь раньше, чем перед их глазами во всю ширь развертывался более ранний строгановский ансамбль.

Владимирская Рубежская церковь — это небольшая кубовидная, перекрытая сомкнутым сводом одноглавая постройка с обширной сводчатой трапезной и высокой многоступенчатой колокольней. Ее композиция сходна с композицией подмосковных храмов XVIII века, у которых объем трапезной также венчается высокой колокольней. Резко контрастирует она со строгановским Спасо-Преображенским собором. После его изощренного, нарочито помпезного богатства, эта церковь поражает своей скромностью. У заказчиков храма не было, видимо, достаточно средств на его украшение; не смели они, очевидно, и

*Усолье. Владимирская Рубежская церковь.
Общий вид*

пытаться перещеголять богатством его форм архитектуру ансамбля всесильных владельцев Усо́лья. Создав Рубежскую церковь без пышных декоративных украшений, с бесхитростным, выложенным из кирпича карнизом и простыми наличниками на оконных проемах, напоминающих обыкновенные прямоугольные рамки, Дьячков и Коровин искупили тем самым свою вину перед новоусольцами. Ведь, сводя личные счеты с Иваном Судейкиным и организовав в 1753 году поджог его дома, они вызвали тем самым огромный пожар в Новом Усо́лье. Небольшая скромная Владимирская церковь, став-

шая на месте уничтоженного тогда огнем деревянного храма, вроде бы очищала их совесть. После строгановского ансамбля она стала как бы вторым каменным сооружением поселка. Резко отличается от него эта церковь своей незамысловатостью и лаконичностью архитектурных форм. Словно архитектурный протест воспринимается она в сочетании с домом Строгановых, Спасо-Преображенским собором и его колокольней.

Несколько иначе воспринимается высокая четырехъярусная колокольня Владимирской Рубежской церкви, построенная над ее папертью в 1791 году^{23.3} взамен временной, деревянной, стоявшей рядом на столбах. Правда, ее архитектурные формы тоже просты. Это

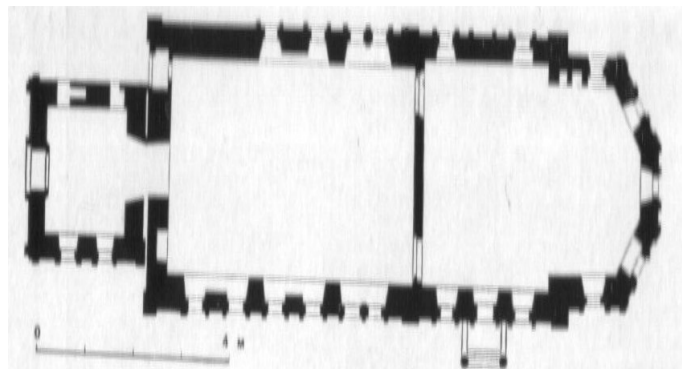
три уменьшающихся кверху восьмерика, поставленные на массивный глухой четверик и увенчанные небольшой главкой с ажурным крестом на яблоке. И если стены четверика расчленены карнизом на две части, из которых верхняя разбита еще на неглубокие «филенки», то так же на две части расчленен и массив основного восьмерика с лопатками на углах и широкими арочными пролетами звона.

Высоко над деревьями поднялась сейчас эта колокольня. После колокольни строгановского ансамбля она стала второй вертикалью Нового Усолья.

Остальные каменные здания Нового Усолья характеризуют следующий, уже третий и, может быть, наиболее яркий этап его архитектурно-исторического развития. Появились эти здания уже в XIX веке. Их хотя и поставили вдалеке один от другого, в разных концах старого соляного промысла, но все имеют они составили обширный и не менее выразительный архитектурный ансамбль Усолья, нежели постройки Сергея Строганова и его братьев, уже насчитывавшие в ту пору столетнюю давность.

Покровская часовня — самое раннее сооружение того времени. Обычно ее датируют началом столетия. Одинокое стоит теперь эта часовня среди луговых просторов к югу от строгановского ансамбля, в центре бывшей здесь некогда Капустной слободы. Часовней «на лугах» называют ее местные жители.

Имя мастера, создавшего Покровскую часовню, неизвестно. Известно, кто был и заказчиком этого миниатюрного сооружения. Сложена часовня из крупного кирпича с применением железных связей. Ее архитектурные формы отличаются простотой и ясностью. Это небольшая, граненная в плане ротонда с массивными трехчетвертны-

Усолье. Владимирская Рубежская церковь, План. Обмер. ПСНРПМ

ми колоннами на углах. Верхняя часть ротонды рустована. Профилированный карниз раскрепован в углах. Арочные проемы обведены архивольтами. Маленький восьмигранный купол увенчан шпилем. В целом это прекрасный образец архитектуры провинциального классицизма.

Дальнейшее развитие этого архитектурного направления в Новом Усолье характеризует Никольская церковь, выстроенная в память о победе над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. На бронзовой доске, стоявшей в алтаре церкви, значилось, что она сооружалась в 1813—1820 годах в честь «избавления от нашествия галлов и с ними двадцати язык... усердием и иждивением барона Григория Александровича Строганова»^{24.3}. Стоит она на том месте, где до пожара 1809 года возвышалась деревянная Покровская церковь, срубленная в 1778 году «иждивением» барона Александра Николаевича Строганова и «старанием» его управителя Ивана Седова^{25.3}.

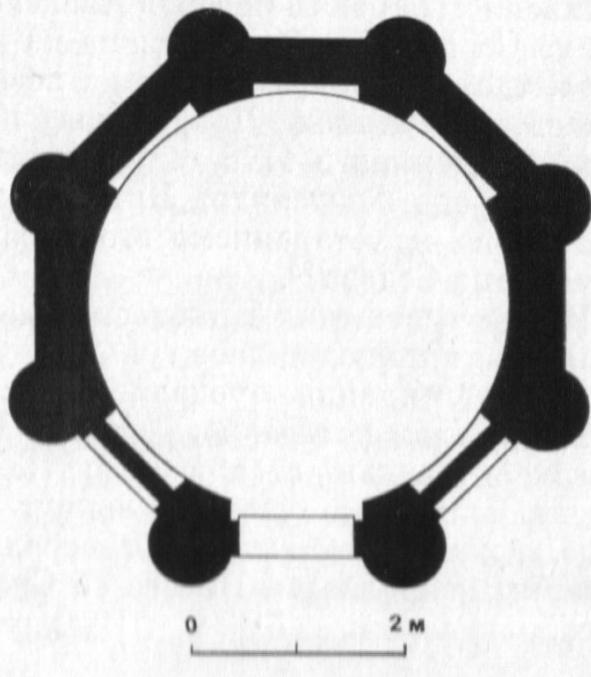
В день освящения Никольской церкви было многолюднейшее гуляние, устроена иллюминация, пускались ракеты.

В прошлом у северного фасада Никольской церкви стояли отлитые из чугуна солнечные часы, а вокруг нее существовала металлическая ограда с каменными столбами. Вместе со Спасо-Преображенским собором и Владимир-

Усолье. Покровская часовня. Общий вид

*Усолье. Покровская часовня. План.
Обмер ПСНРИМ*

ской Рубежской церковью она закрепляет один из углов обширного треугольника, внутри которого и находится подавляющая часть каменных построек Усолья.

Предполагается, что строилась Никольская церковь по проекту А. Н. Воронихина^{26.3}. Он родился в Новом Усолье, был крещен в новоусольском Спасо-Преображенском соборе и тут же провел свои ранние детские годы. Сюда, в Новое Усолье, А. И. Воронихин приезжал после обучения в уральском строгановском селе Ильинском (1765 - 1772) и отсюда же он уехал на «выучку» в Пыскорский монастырь (1772 - 1777), где находилась широко известная тогда в Пермском крае строгановская иконописная мастерская. Из Нового Усолья А. Н. Воронихин был отправлен и в Москву (1777), откуда вместе с графом А. С. Строгановым и его сыном Павлом ездил на свою родину в Новое Усолье (1787). Впоследствии он с Павлом Александровичем Строгановым путешествовал по югу России и странам Западной Европы, а по возвращении на Родину много проектировал и строил в Петербурге.

И кому, как не А. Н. Воронихину, в начале XIX века уже известному русскому зодчему, в последние годы жизни много работавшему над сооружениями, увековечивающими подвиг русского на рода в Отечественной войне 1812 года, было подстать сделать проект храма памятника в Новом Усолье. Да и барону Г. А. Строганову, отпустившему средства на постройку такого сооружения в своей прославленной пермской вотчине, незачем было обращаться к каким-то другим мастерам архитектуры для разработки его проекта. Ему проще было воспользоваться услугами бывшего крепостного своего дома, успешшего уже давным-давно завоевать попу-

лярность. Сопоставление Никольской церкви в Новом Усолье с известными сооружениями зодчего дает возможность думать, что так и произошло. Только рука неизвестного строителя, осуществившего проект А. Н. Воронихина в натуре, внесла в эту церковь свои коррективы. Ее отделка уже не отличается той изящностью, которая свойственна творениям зодчего, выстроенным при непосредственном его участии. Возможно, однако, что это были либо П. А. Шаров, либо И. Ф. Колодин — ученики А. Н. Воронихина, также работавшего в Усолье. К ним следует прибавить также усольских строгановских крепостных В. Опутина, В. Чише-

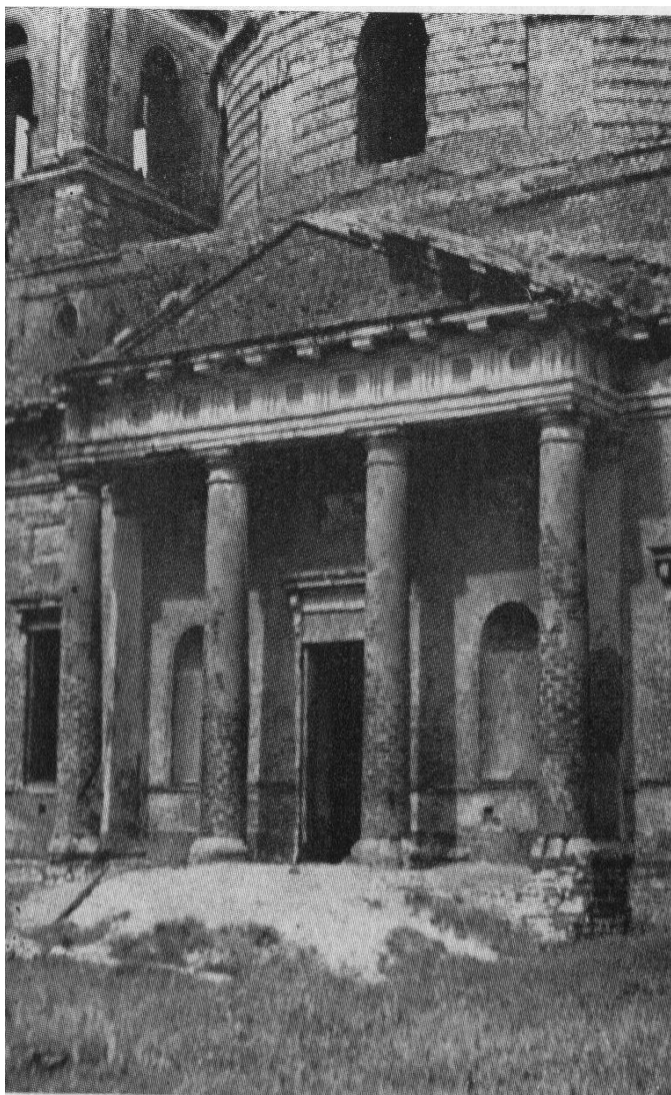
гина и Н. Шишова, а также работников соляных промыслов Ф. Собакина, Е. Сибирякова и К. Мамонтова - жителя деревни Веретье, располагавшейся на противоположном берегу Камы^{27.3}.

Стоит Никольская церковь на искусственном земляном холме, насыпанном для предохранения ее от весенних паводков. Вокруг нее деревья, высаженные для укрепления грунта.

Как и многие другие постройки начала XIX века, Никольская церковь отличается монументальностью. Это правильный, немного приземистый куб на сводчатом, опущенном в толщу хол-

Усолье. Никольская церковь. Общий вид

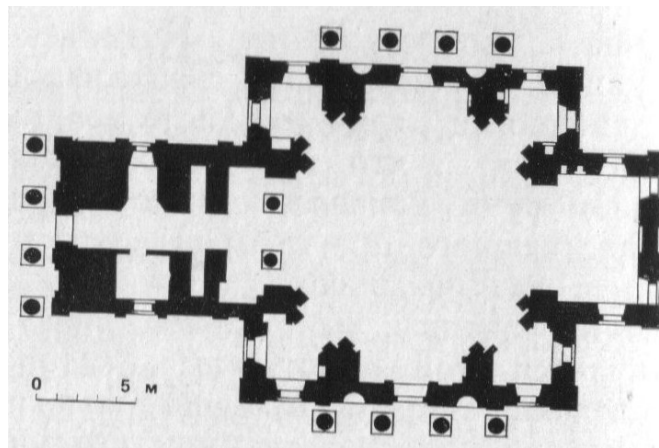

*Усолье. Никольская церковь.
Портал южного фасада*

ма подцерковья, с классическим, небольшого выноса белокаменным карнизом и гладким массивным аттиком. Стройные тосканские четырехколонные портики с треугольными фронтонами как бы прижались к нему с двух сторон. Полные воздуха, бросающие на стены яркие тени, они делают храм особенно привлекательным.

Впечатление легкости усиливает и слегка вынесенный вперед четырехколонный портик, примкнувший к нему двухъярусной, квадратной в плане колокольни. Снабженная пилястрами и рустованной раскреповкой на углах, она раньше венчалась небольшим куполом с люкарнами по сторонам света, где

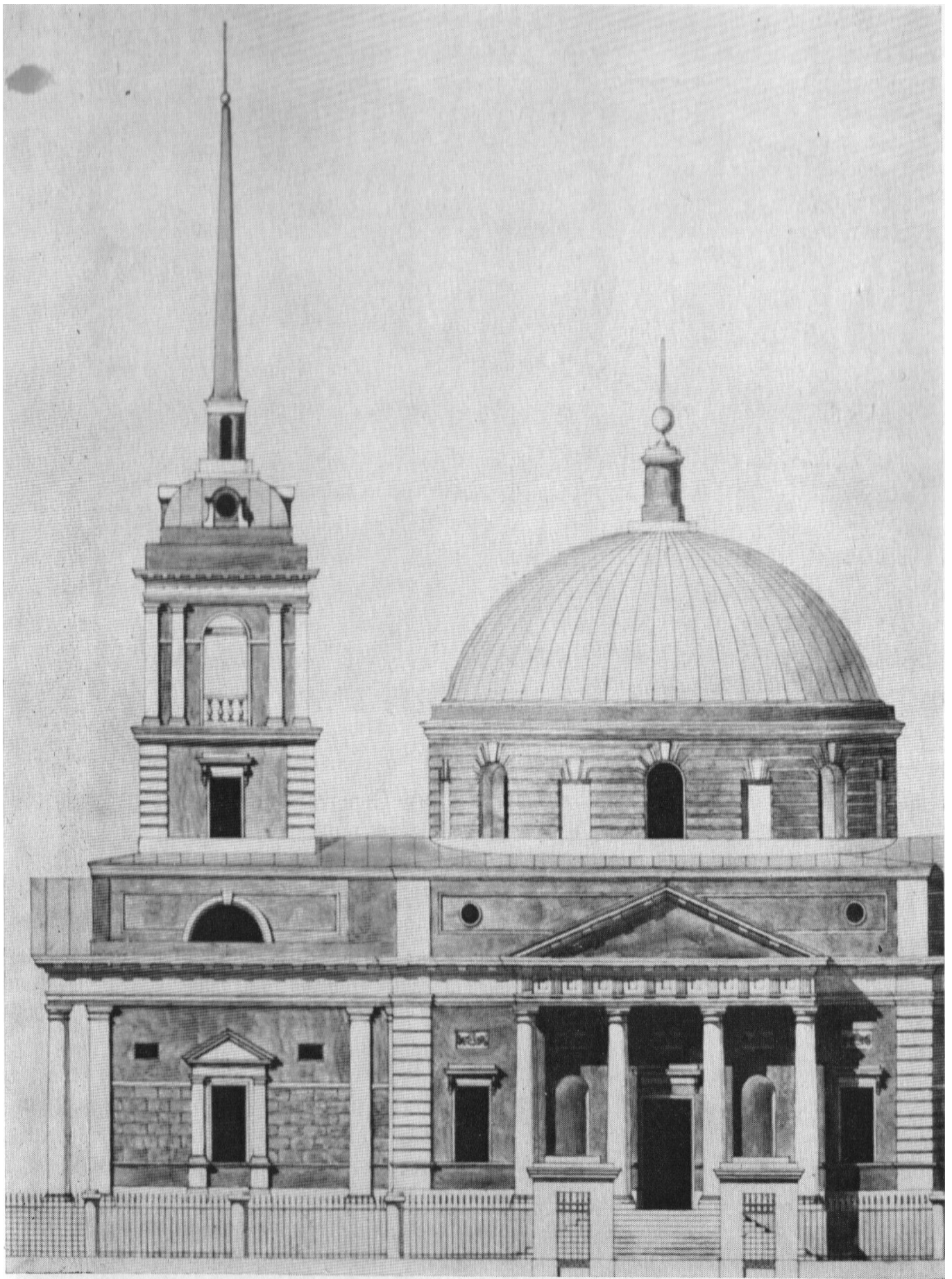
*Усолье. Никольская церковь. План.
Обмер. ПСНРПМ*

стояли отбивавшие время куранты, и высоким, словно игла, шпилем, завершившимся яблоком с крестом. Вместе с прямоугольной апсидой, колокольня четко выявляет продольную ось этого крестообразного в плане сооружения. Яркий свет падал на его иконостас сверху, из широких, ритмично расставленных арочных окон массивного и приземистого барабана, имеющего диаметр равный ширине основного объема.

Огромный, чуть прижатый сферический купол, несущий на себе крохотную главку, как бы завершает эту ясную и четкую композицию. В ней все просто, очень убедительно и в то же время весьма монументально.

Ясностью композиции отличается и красивый, хорошо освещенный бесстолпный интерьер Никольской церкви. Восьмигранный, с кессонированным куполом, декоративными полукружьями, барельефами и рядами ионических пилястр на стенах из искусственного мрамора, он производит впечатление и своей просторностью. Его отделка почти полное повторение обработки стен перестроенного А. Н. Ворониным минерального кабинета Строгановского дворца в Петербурге.

Создав Никольскую церковь неподалеку от Строгановского ансамбля,

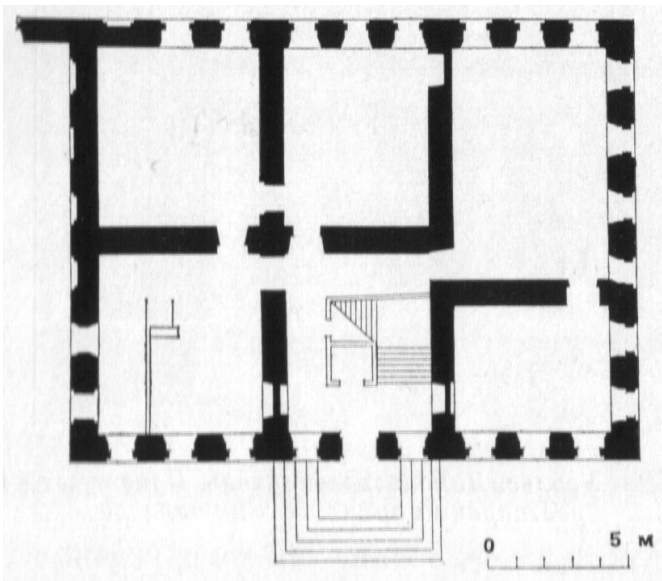

Усолье. Никольская церковь. Проект реставрации архит. М. Енишерлова

Усолье. Дом Голицына. Вид со стороны двора

Усолье. Дом Голицына. План первого этажа.
Обмер. ПСНРПМ

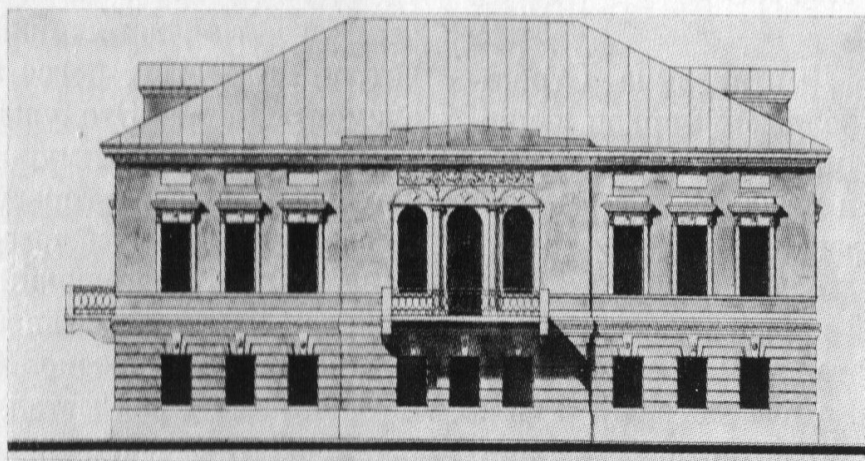
Г. А. Строганов не только показал, что пошатнувшиеся материальные возможности его рода были снова восстановлены, но и подтвердил свои права на Новое Усолье. Унаследовав от деда гордость и предприимчивость, он, невзирая на изменившиеся исторические условия, как бы развил далее его идею о преобразовании соляного поселка.

Г. А. Строганов снабдил Никольскую церковь и всевозможной утварью. В числе ее реликвий находилось Евангелие, привезенное в Новое Усолье в 1681 году из Орла-городка. Красотой и четкостью отличалось его уставное письмо, почерк которого принадлежал одной из женщин строгановского дома. Евангелие имело рисованные и раскрашенные от руки изящные орнаментальные заставки и скреплявшую по листам надпись о

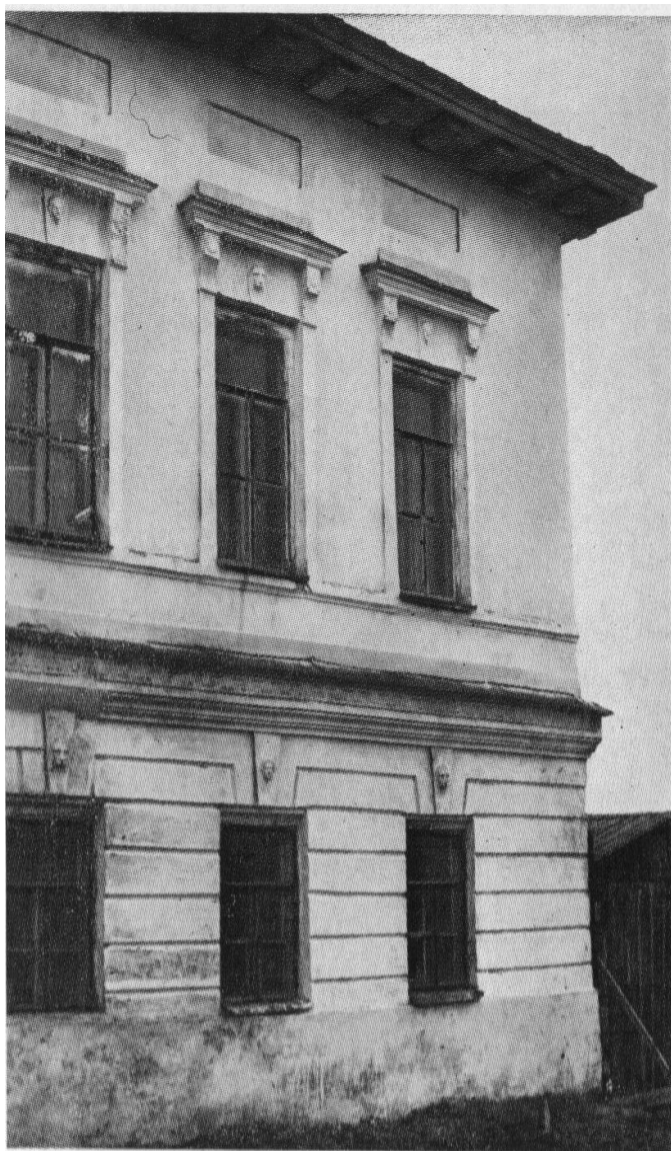

Усолье. «Господский дом». Общий вид

*Усолье. «Господский дом». Главный фасад.
Проект реставрации архит. М. Енишерлова*

пожертвовании его в 1603 году в храм реликвия была перенесена из этого городка Никитой Григорьевичем деревянной церкви Покрова, стоявшей Строгановым — основателем в стороне, побывав до этого в Спасо-новоусольского соляного промысла. Преображенском соборе и Быть может, что в Никольскую церковь предшествовавшей ему деревянной эта родовая Казанской церкви вре-

*Усолье. «Господский дом». Фрагмент
угловой части*

мени Григория Дмитриевича Строганова. Было в Никольской церкви и много старинных икон, присланных в Пермские имения графом Сергеем Григорьевичем Строгановым в 1848 - 1849 годах^{28.3}.

С Никольской церковью стилистически сходен двухэтажный каменный дом князя Голицына. «Дом каменный с флигелем заложен в 1815, а строением кончен и 1818 году при управлении Г. К. и М. Г.», значится на небольшой чугунной доске, вставленной в стену его вестибюля. Стоит голицынский дом на берегу Камы, к северу от строгановского Спасо-Преображенского собора.

Его классические формы просты и отличаются представительностью. Как по расположению комнат, так и по внешним архитектурным качествам он существенно отличается от построек строгановского ансамбля. Это типичный «образцовый», оштукатуренный по кирпичной кладке особняк, со сводчатыми помещениями в первом этаже. Их окна расположены в характерных для начала XIX века распалубках. В то время подобных домов довольно много строилось в Петербурге, Москве и провинциальных городах. В его облике нет декоративности, свойственной палатам Строгановых. Стройный прямоугольный массив дома покрыт вальмовой железной кровлей. Двойные замковые камни над перемычками прямоугольных, утопленных в неглубокие ниши световых проемов рустованного низа, скромные сандрики над вытянутыми и сближенными окнами средних раскрепованных частей почти одинаковых трехчастных фасадов, простой хорошо прорисованный профилированный карниз и незамысловатая междуэтажная тяга, отделяющая гладкий облегченный верх здания с его более высокими парадными комнатами от более тяжелого нижнего этажа, вот, по существу, и все архитектурные элементы дома. Это уже другая эпоха и другие вкусы имущих заказчиков. Трудно определить сразу, где лицевая, а следовательно, и фасадная сторона дома. Лишь невысокий треугольный фронтон над центральной раскрепованной частью да навесной балкон, держащийся на четырех металлических кронштейнах, указывают на его ориентацию в сторону Камы. Однако этот фасад не имеет входа. Прямоугольный дверной проем с широкой открытой лестницей в пять ступеней и навесным козырьком на фигурных кронштейнах расположен по оси другого, противоположного фаса-

да, обращенного к главной улице поселка, проходящей параллельно речному руслу.

В скромных архитектурных формах выстроен также небольшой одноэтажный хозяйственный флигель голицынского дома, выдвинутый вперед в сторону улицы. Вместе с железной, забранной в кирпичные столбы оградой, он образует его парадный двор, куда въезжали с пристани кареты.

Петербургский дом князя Голицына на Фонтанке был куда роскошнее и представительнее, нежели его особняк в Новом Усолье. И это не удивительно: Голицыны были близки к императорскому двору, постоянно жили в «стольном граде», и дом в Новом Усолье был нужен им как место временного пребы-

Усолье. Особняк. Общий вид

вания в крайне редкие сюда заезды. Это и обусловило, очевидно, скромность новоусольского особняка известного вельможи, его постройку по «типовому» проекту. Есть предположение, что автором проекта особняка мог быть тот же А. Н. Воронихин^{29.3}. Во всяком случае зодчий был хорошо знаком с княгиней Е. П. Голицыной, для которой он построил дом в ее калужском имении Городня.

Определенного изящества не лишен и так называемый «Господский дом» в Новом Усолье, стоящий почти напротив дома Голицына, на противоположной стороне улицы. Считается, что он был выстроен архитектором Т. Тудвасевым

в 1832 году^{30.3}. Его владельцы не известны. Это солидный двухэтажный, оштукатуренный по кирпичной кладке «типовой» особняк, сходный с голицынским домом. Правда, пропорции, а вместе с ними и размеры его уже другие, но структура фасадов, по существу, та же самая. Здесь такой же чуть приземистый первый этаж с мелким горизонтальным рустом и такой же облегченный более высокий верхний этаж с ровными стенами. Здесь такая же трехчастная структура фасада, выделение его средней части еле приметной раскреповкой и более уплотненная группировка трех средних оконных проемов. Даже общее количество окон главного фасада «Господского дома» соответствует количеству окон лицевого фасада дома Голицына.

Но выглядит «Господский дом» все же иначе. Львиные и женские маски на клинчатых замковых камнях окон, узкие наличники с профилированными сандриками над удлиненными оконными проемами второго этажа, неглубокие прямоугольные ниши над сандриками, фигурные консоли простого, нависающего над стенами карниза и широкая междуэтажная тяга с плетенкой миандра — все это делает «Господский дом» более нарядным. Совершенно иначе трактована здесь и средняя часть верхнего этажа. Ее оконные проемы уже арочные, и посажены они более плотно, и в простенках между ними поставлены тщательно прорисованные ионические полуколонки с каннелированными стволами. Кроме того, центральная часть дома снабжена балконом на простых массивных консолях, а над ее проемами размещены полукруглые паддуги и широкая полоса растительного орнамента. Все это еще более отличает «Господский дом» от голицынского.

С «Господским домом» и домом Го-

лицына стилистически сходен небольшой особняк, стоящий на той же улице, но еще дальше к северу от строгановского ансамбля. Ни время его создания, ни имя первоначального владельца не известны. Но это постройка того же строительного периода.

Особняк двухэтажный с рустовком в нижней части и трехчастным делением фасада. Предельная простота характерная его особенность. Однако боковые крылья этого здания короче, только с двумя окнами, да и размещены они по всей длине фасада равномерно. Нет у него ни лепных деталей, ни орнаментированной междуэтажной тяги, ни сильно вынесенного вперед карниза. Украшением дому служат лишь плоские горизонтальные пояса, замковые камни над нижними, более мелкими окнами и простые сандрики на консолях над верхними окнами. И если бы не треугольный фронтон над раскреповкой, то трудно было бы определить его главный фасад.

Совершенно по-иному воспринимаются дома, расположенные к югу от строгановского ансамбля, но стоящие на той же улице. Среди них в первую очередь обращает на себя внимание двухэтажный особняк, именуемый «зданием Конторы Сользаводов». Расположен он чуть в стороне от строгановских палат и обращен главным фасадом в сторону Камы. По сравнению с домом Голицына или же «Господским домом» этот особняк менее строг и представительен, но зато более интимен и уютен. Считается, что он был выстроен в 1833 году архитектором Т. Тудвасевым^{31.3}. Но архитектура этого особняка явно не согласуется с его административной принадлежностью. Это настоящий барский дом, в художественном облике которого есть что-то и от загородных усадеб того времени. Если же

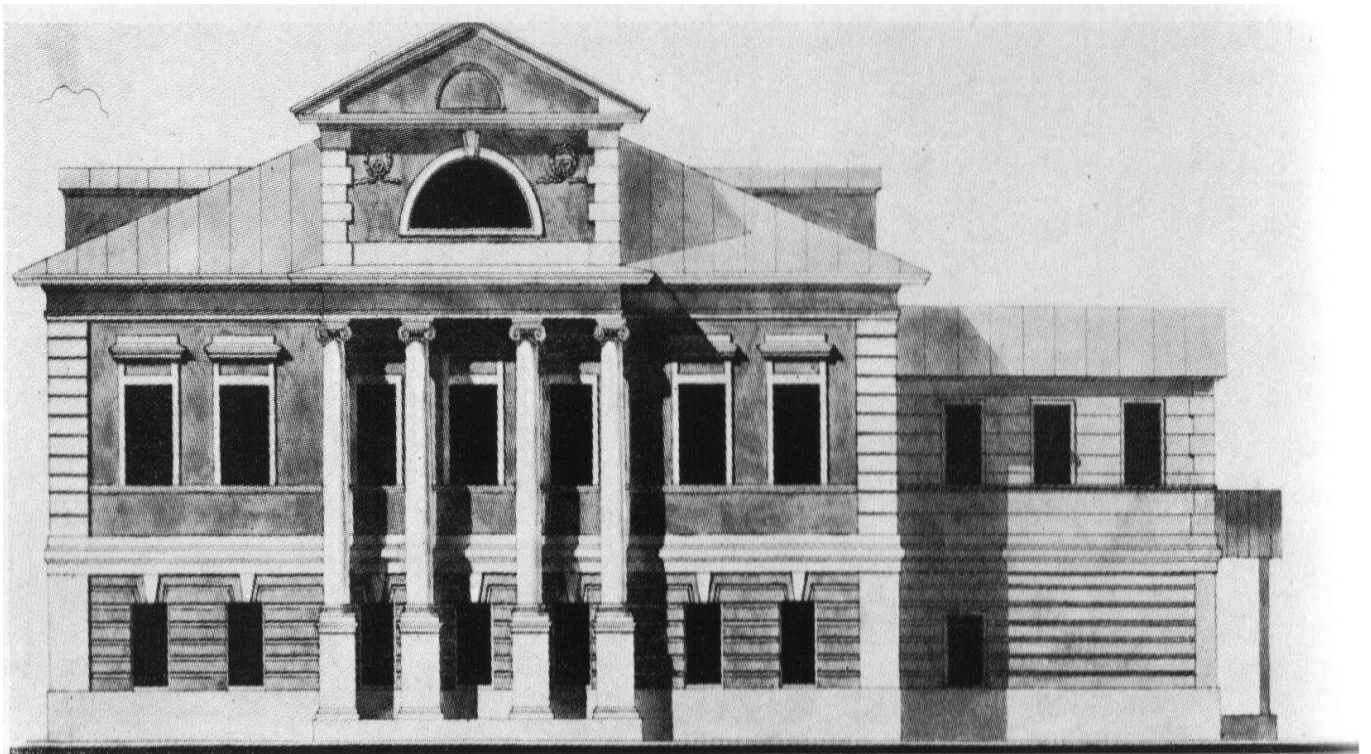

учесть, что во время постройки дома в палатах Строгановых начала XVIII века располагалось «правление промысловых дел», а затем и контора, у нас есть основание считать данный особняк вторым строгановским домом, тем более, что граф Сергей Григорьевич Строганов приезжал в Новое Усолье на шесть дней в 1846 году и на девяносто дней в 1850 году и останавливаться он мог тогда только в собственном доме, а не в доме предков, занятом учреждениями.

Как и другие постройки Усолья первой четверти XIX века, дом «Конторы Сользаводов» (сохраним пока за ним это название) принадлежит к сооружениям, созданным на основе «образцовых» проектов. Это небольшая двух-

*Усолье. Дом «Конторы Сользаводов».
Главный фасад*

этажная, оштукатуренная по кирпичной кладке постройка с горизонтальной рустовкой по первому этажу и трехчастным делением фасадов. По композиции прямоугольного объема с тремя окнами в центре и двумя по сторонам она сходна с маленьким особняком, стоящим к северу от дома Голицына. Однако в отличие от этого особняка центральная часть фасада дома «Конторы Сользаводов» акцентирована высоким портиком, четыре ионические колонны которого стоят на высоких постаментах. Кроме того, над кровлей дома возвышается мезонин с большими полукруглыми окнами и маленькими циркульными лю-

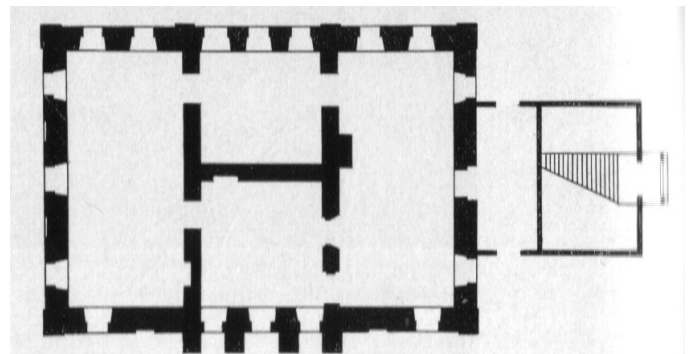
*Усолье. Дом «Конторы Сользаводов».
Главный фасад. Проект реставрации
архит. М. Енишерлова*

карнами. Это существенно отличает его от других жилых зданий Нового Усо́лья.

В ансамбль новоусольских зданий эпохи классицизма входит также особняк, известный как дом Абамелек-Лазарева. Как палаты Строгановых и дом Голицына, этот особняк стоит на берегу Камы. В одну линию с ними выстроился он к югу от строгановского ансамбля и здания «Конторы Сользаводов». Дата постройки особняка неизвестна, но это также сооружение первой четверти XIX века, позднее несколько измененное.

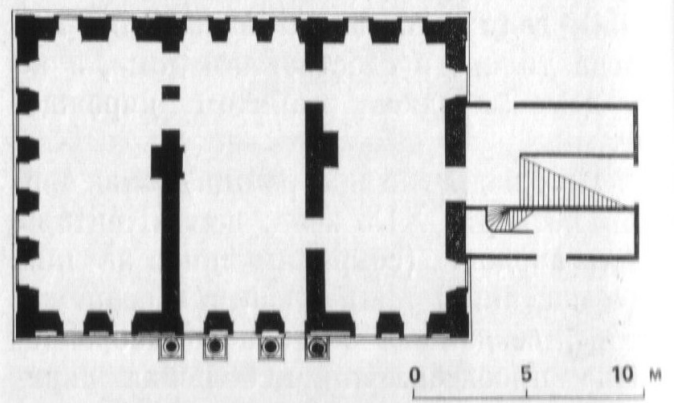
Здание двухэтажное, кирпичное, оштукатуренное, с рустованным низом, простым карнизом и сандриками над некоторыми из окон парадных комнат. Четырехколонный тосканский портик с нарочито расширенным средним интерколумнием акцентирует центральную часть второго, более высокого парадного этажа.

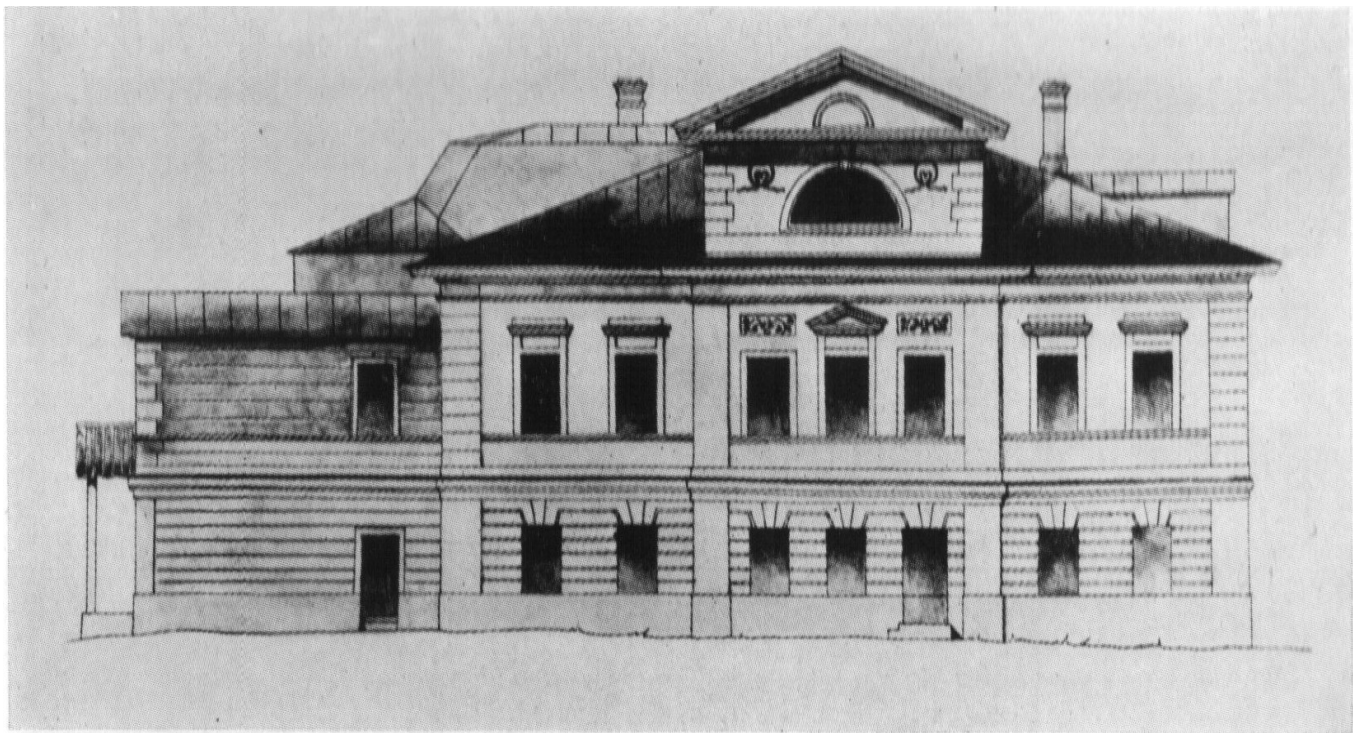
Сохранились изогнутые
металличе-

*Усолье. Дом «Конторы Сользаводов».
План первого этажа. Обмер студентов МАрхИ*

*Усолье. Дом «Конторы Сользаводов».
План второго этажа. Обмер студентов МАрхИ*

*Усолье. Дом «Конторы Сользаводов».
Садовый фасад. Обмер студентов МАрхИ*

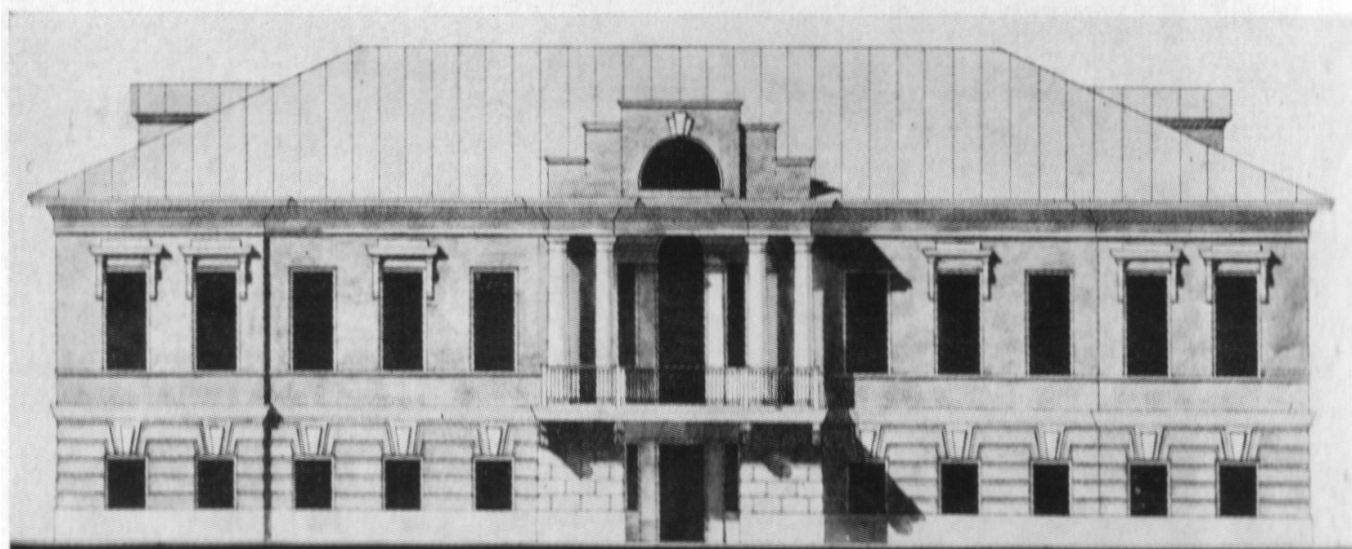
*Усолье. Дом «Конторы Сользаводов».
Садовый фасад*

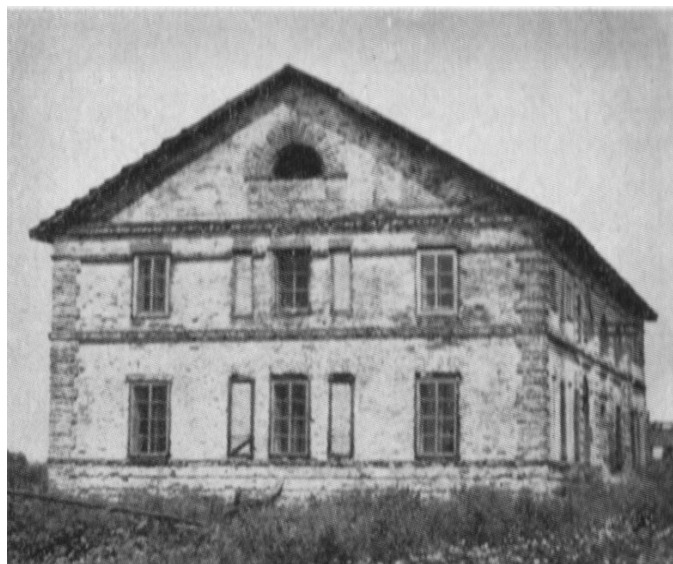
Усолье. Дом Абамелек-Лазарева. Общий вид

*Усолье. Дом Абамелек-Лазарева.
Проект реставрации архит. М. Енишерлова*

ские каркасы лепных кронштейнов широкого балкона, нависавшего над низким парадным входом. От других одновременных зданий Усолья данная постройка отличается некоторой грузностью. Ступенчатый аттик с полукруглым окном, расположенный над портиком, усиливает это впечатление.

А за домом Абамелек-Лазарева расположена территория бывших Нижних промыслов. Здесь до сих пор сохранились промышленные здания XIX века — «магазинны», или соляные амбары солеваренных магнатов. Это небольшие, продолговатые постройки с ложными арками на стенах, рустованными пилястрами и углами. Простота их форм полностью соответствует утилитарному

*Усолье. Каменный соляной амбар.
Торцовый фасад*

*Усолье. Каменный соляной амбар.
Боковой фасад*

*Усолье. Ворота деревянного жилого дома.
Не сохранились*

назначению. Прекрасно характеризуют они промышленную архитектуру Нового Усожья середины — второй половины XIX века.

О художественном вкусе менее имущих жителей поселка того времени го-

ворят деревянные жилые дома XIX века. Их осталось немного. Это чаще одноэтажные, реже двухэтажные постройки. Некоторые из них внизу каменные, вверху деревянные. Украшенные крупными накладными розетками ворота являются подчас их неотъемлемой принадлежностью.

3. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ БЛИЖНИХ СЕЛ

В двух верстах к северу от современного Усожья, на левом берегу Камы, не так давно существовало село Ленва. Основу села составлял Ленвенский соляной промысел, появившийся здесь в 1610 году, одновременно с новоусольским. Его первым владельцем был балахонец Ивашка Соколов. Позднее промысел перешел к нижегородским гостям

Семену Задорину (назван выше вероятным строителем) и Владимиру Черкасову, которые продали его затем Михаилу Шорипу. Шорин, в свою очередь, уступил Ленву в 1681 году московским гостям Шустовым и Филатьевым. В то время в Ленве была только одна рассолоподъемная труба, но прошло 16 лет, и новые владельцы создали

здесь крупный промысел. В 1697 году в нем было 44 соляных варниц, 23 рассолоподъемных трубы и 21 соляной амбар. Кроме того, в Ленве работала «немецкая» мельница. Шустовы и Филатьевы, как впоследствии писал П. И. Мельников-Печерский, привели село в «цветущее состояние»^{32.3}. В середине прошлого столетия это было крупное селение с прямоугольными кварталами и улицами, тянувшимися с севера на юг вдоль камского русла.

Теперь Ленвы нет; поело пуска Камской ГЭС (1955), подъема воды в Каме и образования Камского моря, село оказалось в зоне затопления. Однако ленвенская Троицкая церковь сохранилась до сих пор. Это редкий памятник архитектуры XVII века, перестроенный, как считается, из жилых палат.

Единственным источником, повествующим о постройке Троицкой церкви в 1688 году, является надпись на каменной плите, которая была вмонтирована в стену ее паперти^{33.3}. «Построена и освящена сия церковь,— значит на ней,— при великих князьях Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче в Усольском уезде, меж Ленвы-реки и меж Чашкина истока, у соленого варничного промыслу, у гостей Василия, Григория и Никиты Федоровых, детей Шустовых по обещанию»^{34.3}. По этой церкви село Ленва впоследствии (1715) именовалась Троицко-Ленвенским, а то и просто Троицким.

Интересно, что в 1688 году, когда строилась Троицкая церковь, село Ленва не принадлежало Г. Д. Строганову; владея почти всем Прикамьем, он не был тогда его хозяином. Однако расположение крупного соляного промысла московских гостей Шустовых и Филатьевых рядом с Новым Усольем его не устраивало. Привлекала Строганова и высокая концентрация ленвенских со-

ляных рассолов. Поэтому, опираясь на неясность территориальных границ старых жалованных грамот^{35.3}, Г. Д. Строганов в 1696 году подал на имя Петра I челобитную, обвинив Шустовых и Филатьевых якобы в захвате принадлежащих ему земель. В связи с этим в 1697 году из Москвы был откомандирован в Пермь князь Тюфякин, которому поручалось разобраться в существе дела и дать свое заключение. По прибытии на место Тюфякин создал «комиссию» из 90 человек, в состав которой вошли и местные старожилы. Комиссия в присутствии Г. Д. Строганова осмотрела спорные места и межи, сличила старые грамоты с писцовыми книгами и другими документами и установила, что Ленвенский промысел расположен на земле, принадлежавшей предкам Г. Д. Строганова. Основываясь на этом, князь Тюфякин в силу данных ему полномочий присудил отдать Ленву Г. Д. Строганову. Решение было утверждено Петром I, и именитый Г. Д. Строганов по царскому указу получил весь Ленвенский промысел с 44 варницами, 23 рассолоподъемными трубами, 21 амбаром и «немецкой мельницей» в вечное пользование^{36.3}.

Покидая село, прежние владельцы оставили в нем и свои дворы. Двор Шустовых располагался между рекой Ленвой и Чашкинским истоком, неподалеку от их впадения в Каму. Каменный жилой дом этого двора был единственным тогда в Прикамье. Он хотя и был очень небольшим, но имел два этажа. В 1687—1688 годах этот дом и был якобы превращен Шустовым в трапезную Троицкой церкви.

Церковь небольшая, двухсветная, на низком сводчатом подклете. Кубовидный четверик церкви, в архитектуре которого явно проглядывают московские формы, покрыт четырехскатной

*Ленва. Троицкая церковь. Вид с запада
Снимок начала XX в.*

кровлей, над которой высится тонкий световой барабан небольшой главки с перехватом у основания. Стены четверика завершаются ложными закомарами — по три с каждой стороны. Под закомарами проходит красочный керамический фриз из зеленовато-голубых изразцов. Такой же фриз имеется и под карнизом крупной полукруглой апсиды, оконные проемы которой обрамлены красивыми наличниками.

С северной стороны к церкви примыкает галерея, украшенная поясом из квадратных ширинок. Трапезная покрыта цилиндрическим сводом. Два придела церкви — более поздние. Один из них выстроен в 1786 году на средства Савватия Некипелова. К позднему вре-

мени относится и высокая колокольня со шпилем, примыкающая к трапезной. Колокольня двухъярусная, выстроенная восьмериком на призматическом четверике. Четверик украшен глубокими ширинками, часть которых имеет изразцовые вставки.

К колокольне примыкают остатки крыльца, лестница которого вела в верхнюю часть храма. Сохранились остатки кирпичной ограды, окружавшей некогда церковную территорию. Как крохотный бакен, высилась Троицкая церковь на берегу широкого камского русла. Ее видел каждый, кто спускался вниз по реке к Новому Усолю. Одинокое стоит теперь ленвенская Троицкая церковь на небольшом бугорке, неясным силуэтом воспринимаясь со стороны быстрораствующего Усолья.

* *
*

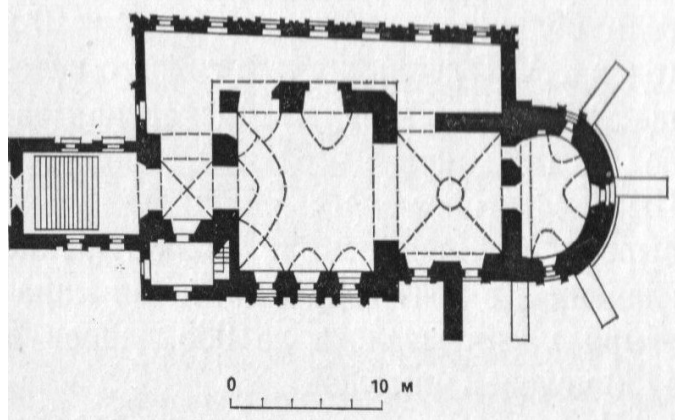
Если от Ленвы подняться вверх по Каме, то еще издали будет видно, как слева сквозь густую зеленую поросль высокого и крутого берега мелькнут белые стены каменной церкви, а над пышной кроной деревьев поднимется ее небольшая главка. Это Никольская церковь села Пыскор, выросшего на базе некогда существовавшего здесь Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря.

Спасо-Преображенский монастырь — детище Строгановых. Поручив жалованную грамоту на право владения всеми землями по обе стороны Камы, от устья Лысьвы до реки Чусовой (1558), Григорий Строганов основал его в 1560 году «под горой» на речке Нижней Пыскорке, близ города Камкора, выстроенного его отцом па правой стороне Камы в 1558 году. По деревянной Спасо-Преображенской церкви монастырь и получил свое название.

Позднее, в 1570 году, когда Строгановы выстроили на Каме Орел-городок, они дали поступную запись Спасо-Преображенскому монастырю на городок Камкор и расположенные вокруг него земли, посоветовав его настоятелю Варлааму перенести «обитель» в этот городок, на что отпустили и соответствующие средства. В результате в Камкоре был устроен новый монастырь с храмом и монастырскими строениями, но уже на горе. В новый Спасо-Преображенский храм Строгановы дали ризы, свечи, книги и всевозможную утварь. Вместе с этим в Пыскорский монастырь поступило много икон, специально изготовленных для него строгановскими иконописными мастерами в Сольвычегодске. По сбегавшей в Каму речке Верхней Пыскорке Спасо-Преображенский монастырь стал называться еще и Пыскорским.

*Ленва. Троицкая церковь.
Вид с южной стороны*

*Ленва. Троицкая церковь. План.
Обмер. ПСНРПМ*

Писцовая книга Михаила Кайсарова 1694 года свидетельствует, что через 15 лет после перенесения на новое место в Пыскорском монастыре было две деревянных клетских шатровых церкви, Спасская и Благовещенская с трапезной, колокольница с часами и четырьмя колоколами и 18 братских келий. Кроме того, «под горой» в то время существовал девичий монастырь с деревянной клетской церковью Изо-

симы и Савватия Соловецких и девятью монашескими кельями^{37.3}.

За пределами монастыря располагались церковные дворы и монастырская слободка с колесной мельницей на речке Лысьве и пустой варницей на речке Пыскорке^{38.3}.

В начале XVII века, когда в стране шел поиск всевозможных руд, близ Пыскорского монастыря был пущен первый на Руси медеплавильный завод, дававший в год несколько сот пудов меди^{39.3}.

Во второй половине XVII века, в связи с оживлением солеваренной деятельности Соли Камской, производство соли начали и пыскорские монахи. Опираясь на старую жалованную грамоту о безоброчной выварке соли, они развернули свою деятельность и, не платя положенного оброка, стали получать с соли большие прибыли. К концу 40-х годов XVII века, когда в связи с истощением медной руды Пыскорский завод был закрыт, соляной промысел Пыскорского монастыря значительно вырос. Увеличились и монастырские владения; в 1647 году в вотчинах монастыря насчитывалось до 965 дворов и 1136 человек жителей.

Именно тогда здесь начали развертывать свою деятельность и местные живописцы, иконописные произведения которых распространились позднее по всему Прикамью. Однако за неплатеж оброка в 1652 году были конфискованы лучшие варницы монастыря, отписан в казну большой монастырский двор и целый ряд других дворов с их населением.

Прошло, однако, несколько лет, и монастырь вновь восстановил свой соляной промысел, испросив на то разрешение правительства. В это время в нем появилась первая каменная постройка - Никольская церковь.

Позднее, в конце XVII века, в период дальнейшего расширения промысловой деятельности Пыскорского монастыря, в непосредственной от него близости формируется новый архитектурный комплекс — Введенский девичий монастырь. Основание ему было положено в 1686 году, когда на пожертвования Анны Никитичны Строгановой «под горой» была выстроена Введенская церковь^{40.3}. Затем здесь в 1687 и 1688 годах одна за другой были срублены Богородицкая и Преображенская церкви, а в 1730—1736 годах неподалеку от них встала и Введенская Богородицкая церковь^{41.3}.

В первой половине XVIII века новые каменные здания появились и «на горе», в мужском Пыскорском монастыре, получавшем огромные прибыли с вывариваемой соли^{42.3}. Однако все они в 1755 году были сломаны повелением архимандрита Иуста, начавшим строить новый монастырь на Лысьве^{43.3}.

В 1764 году по распоряжению правительства был отписан в казну и соляной промысел Пыскорского монастыря, получивший название Дедюхинского солеваренного завода^{44.3}. При впадении Пыскорки в Каму остались лишь больница и каменная Никольская церковь с деревянной трапезной.

С ликвидацией мужского монастыря в Пыскоре пришел в упадок и расположенный рядом женский монастырь, каменная Введенская церковь которого также была разобрана при Иусте. В начале XIX века на месте этого монастыря остались лишь ветхая деревянная церковь и каменная церковь Преображения.

Ныне в Пыскоре существует две каменных церкви — Никольская и Преображенская.

Преображенская церковь бывшего женского монастыря стоит «под горой».

Она выстроена в 1782 году «иждивением» прихожан^{45.3}. Это чуть приземистое здание почти полностью утратило первоначальный облик. Появившееся после энергичной «деятельности» Иуста, оно к женскому монастырю прямого отношения не имеет. У него нет ни венчающей части, ни колокольни. Неизвестны и их формы. Остались только грузный четверик храма, покрытый на четыре ската железной крышей, да примыкающая к нему продолговатая трапезная с двускатным покрытием.

Иное дело Никольская церковь бывшего мужского монастыря. Выстроенная «иждивением» соликамского промышленника Григория Шустова то ли в 1655, то ли в 1695 году^{46.3}, она стоит

Пыскор. Никольская церковь. Общий вид

«на горе», в стороне от сельских построек и служит селу прекрасным украшением. Это небольшая двухсветная одноглавая постройка с пониженной каменной трапезной, притвором и колокольней. Ее высокий четверик с двумя ложными закомарами на южном и северном фасадах увенчан поздним деревянным карнизом и покрыт четырехскатной железной кровлей. Под закомарами пропущен богатый пояс из кирпича.

Колоритными пятнами смотрятся на глади выбеленных известью стен четверика небольшие трехцентровые арочные окна верхнего света, обрамленные

красивыми наличниками. Между ними размещен небольшой, обведенный кирпичным узором киот для иконы.

Пол четверика выложен чугунными плитами. Свод четверика — коробовый. Поставленный на него ложный барабан круглый, с килевидными кокошниками у основания, прикрытыми кровлей четверика. Верх барабана явно переложен. Его сложная луковичная главка покрыта железом и увенчана крестом.

Апсида церкви полукруглая, приземистая, с поясом поребрика под карнизом. Перекрыта она полусводом на распалубках, в которых разместились простые трехцентровые арочные окна. В отличие от верхних окон четверика они не имеют наличников.

Трапезная небольшая, с плоским потолком, крыта на два ската по деревянным стропилам. Окна трапезной прямоугольные, так же, как у апсиды, без наличников.

Колокольня церкви столбовидная, вытянутым восьмериком на четверике. Стены ее четверика расчленены вертикальными филенками, а восьмерик — уступом кладки по горизонтали на две части. Последний по углам скреплен лопатками. В верхней части восьмерика колокольни на четыре стороны открываются широкие арки звона. Над сводом колокольни поднимается невысокий шпиль с крестом.

К западной стене четверика колокольни примыкает крыльцо с двумя дорическими колоннами. Раньше вокруг церкви была кирпичная ограда. Сохранились ее арочные ворота. Красиво смотрится Никольский храм на фоне окружающей зелени и виднеющегося вдали широкого русла полноводной Камы.

* *
*

Наряду с Ленвой и Пыскором в состав современного Усольского рай-

она входит поселок Орел. Он расположен на правом берегу Камы в 15 километрах к югу от Усолья, близ устья реки Яйвы. Это преемник Орла-городка, которым коми-пермяки называли Кергеданом, то есть «городом в устье реки».

Орел-городок был основан Григорием Аникеевичем Строгановым по жалованной грамоте на высоком мысу левого берега реки Камы в 1564 году. Тогда это был деревянный острог с тремя воротами, двумя глухими башнями и рублеными городнями стенами. С южной стороны острог прикрывался довольно широким (2,5 м) и глубоким (1,5 м) рвом^{47.3}. Одно время он считался укрепленной слободой в пермских строгановских вотчинах и имел свои особый «Орловский уезд»^{48.3}. В конце XVI века этому «городку» не раз приходилось выдерживать набеги мансийских князьков — вассалов сибирского хана. В 1581 году из него ушли на восток сформированные Строгановыми казацкие дружины атамана Ермака. Тогда «городок» имел правильную сетку улиц^{49.3}, внутри него в начале XVII века стояло два шатровых деревянных клетских храма, один из которых был «о пяти верхах», колокольница с десятью колоколами, хоромы Строгановых, торговые лавки, дома ремесленников и зависимых крестьян. Здесь жили московские мастера и работавшие вместе с ними местные ремесленники. Они изготавливали гончарную посуду и глиняные игрушки, делали черепицу и изразцы для облицовки печей^{50.3}.

На посаде Орла-городка располагались деревянная клетская церковь, церковные дворы, дворы беспашенных крестьян и бобылей. За посадом же, на берегу Камы, стояла одна варница, было одиннадцать варничных мест с рассолоподъемными трубами и одна колесная мельница^{51.3}. Тут же неподалеку

находились кузницы и соляные варницы, с выработки которых сын Григории Аникеевича - Никита Григорьевич Строганов получал большие прибыли. При нем Орел-городок стал центром строгановского солеварения во всем уезде.

С присоединением Сибири к Русскому государству и постепенным появлением в ней целой линии укрепленных пунктов значение Орла-городка как крепости на исходе XVI века резко снизилось. Он оказался в глубоком тылу и превратился в торгово-ремесленный поселок.

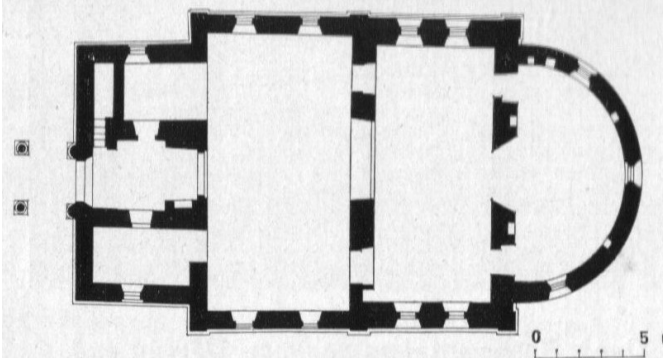
Однако в начале XVII века Кама пробивает себе новое русло, частично разрушает старые укрепления Орла-городка, которые вновь уже не восстанавливаются, а затем затапливает и большую часть его территории. Это приводит к сокращению размеров поселка и к упадку его ремесленного производства. «И всего в Орле-городке посадских люмедчих и самых молодчих людей, оприч бобыльских 30 дворов», — сообщает о количестве его построек в 1624 году писцовая книга Михаила Кайсарова^{52.3}.

Особенно сильно на хозяйственной жизни поселка, сохранившего название Орла-городка, сказалось истощение соляных рассолов. В 30-х годах XVII века Никита Григорьевич Строганов вообще переносит центр соляного промысла из Орла-городка в Новое Усолье. Однако другие промыслы поселка продолжают развиваться. В нем работали кузнецы и плавильщики, трудились косторезы, кожевники, столяры и плотники, выдавали свою продукцию гончарные мастерские. Последние во второй половине XVII века выпускали уже большемерный (31X13X8 см) и маломерный (21X10X5 см) строительный кирпич, делали зеленую кровельную черепицу

*Пыскор. Никольская церковь.
Наличники окон южного фасада*

*Пыскор. Никольская церковь. План.
Обмер. ПСРПИМ*

с отверстиями для гвоздей, готовили для церквей голосники и изразцы с многоцветной поливой. Не исключено, что именно в то время в Орле-городке появились первые каменные церкви, фундаменты которых были вскрыты при раскопках^{53.3} в той его части, где жили Строгановы и их ближайшее окружение^{54.3}.

Однако на рубеже XVII—XVIII веков производство кирпича и многоцветных изразцов переместилось из Орла-городка в Соликамск^{55.3}, где в ту пору развернулось большое каменное строительство. Его гончарные мастерские прекращают свое существование.

Орел. Богородицкая церковь. Общий вид центральной части

К концу XVII века резко уменьшилась и территория Орла-городка, ежегодно подмываемого водой во время весенних разливов Камы. В 1706 году строгановский приказчик Прокопий Воронов просит даже разрешения перенести на другое место подмытую водой церковь Похвалы Богородицы, которой «стоять впредь на старом месте было уже невозможно»^{56.3}. В итоге и основная масса жителей городка, уставших постоянно укреплять речной берег, переселилась на противоположную сторону Камы. Так на правом берегу реки обра-

Орел. Богородицкая Церковь. Колокольня

зовался новый населенный пункт — нынешний поселок Орел.

Каменная церковь Похвалы Богородицы поселка Орел датируется 1735 годом^{57.3}. Исследователи предполагают, что это та самая церковь, которая в 1706 году была «перенесена» сюда с левого берега Камы^{58.3}. Ее кладка из того же строительного материала, что и фундаменты зданий, обнаруженных при раскопках на первоначальном месте Орла-городка^{59.3}.

Богородицкая церковь выстроена в виде продолговатого восьмерика на вы-

тянущим четвериком и по своим архитектурным формам отличается от всех других церквей Верхнего Прикамья. Ее продолговатый купол с восьмигранным фонарем, заменяющим главку, завершен ажурным металлическим крестом.

Восьмерик Богородской церкви с арочными окнами. Его некоторая грузность скрадывается угловыми пролопатками. Расчлененный пилястрами четверик двухсветный, внизу с прямоугольными окнами, а вверху с круглыми по одному на северном и южном фасадах. Объем четверика увенчан классическим карнизом с широким фризом и украшен триглицедами. Приподнятые полукружия в виде ложных закомар четко акцентируют центральную часть боковых фасадов четверика. Этим храм сходен с чердынским Воскресенским собором.

Апсида церкви Похвалы Богородицы граненая, чуть приземистая, с пилястрами на углах. Примыкающая к четверику обширная трапезная с лот-

ковым сводом перекрыта на два ската. Как и у четверика храма, ее фасады расчленены пилястрами и увенчаны классическим карнизом, по фризу которого редко расставлены триглицефы.

Двухъярусная колокольня церкви, примыкающая к трапезной, состоит из высокого четверика, расчлененного на две части промежуточной тягой, и широкого восьмерика с арками звона. Арки звона восьмерика забраны невысокими парапетами с классическими балясинами. Над купольной частью восьмерика возвышается высокий шпиль с крестом.

В целом Богородицкая церковь сходна по объемно-пространственной структуре с московскими храмами XVIII века. Элементы древнерусского зодчества прекрасно ужились в ней с архитектурными формами первой половины XVIII века. Новые архитектурные мотивы, в трактовке которых звучат классические ордерные элементы, взяли уже верх над всеми другими формами декора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На знакомстве с памятниками архитектуры Чердыни, Соликамска и Усолья, а также близлежащих к ним населенных пунктов можно было бы закончить эту книгу. Однако публикация многих из этих памятников делается здесь чуть ли не впервые. Некоторые из них не только ждут еще реставрации, но и более глубокого историко-художественного осмысления. Требуется также подробное изучение других памятников искусства Верхнего Прикамья, которые находятся в глубинных районах края и не были названы в данной работе.

Между тем то, что сказано выше, даже при неполноте изучения архитектурного наследия Чердыни, Соликамска, Усолья и ближайших к ним населенных пунктов, требует, с научной точки зрения, своего обобщения. Поэтому отметим еще раз, что соляные промыслы не только способствовали появлению городов Верхнего Прикамья, а поваренная соль не только кормила эти города на протяжении многих десятков лет русской истории и стимулировала их экономическое процветание; одновременно доходы с выварочной соли стали той материальной базой, на основе которой развивалась и их художественная культура. Говоря иначе, крупный подъем соледобывающей промышленности в районе Верхнего Прикамья и, особенно в Усольских землях, вместе с огромным объемом выдаваемой ими продукции, расходившейся по многим городам страны, способствовал расширению культурных связей Верхнего Прикамья и появлению в нем большого количества произведений искусства,

ставших теперь свидетелями его славной истории.

Особенно благотворно рост соледобывающей промышленности в Верхнем Прикамье сказался на застройке верхнекамских городов монументальными каменными зданиями. Своим появлением они отражали увеличение в Прикамье объема добычи поваренной соли и экономический рост прикамских городов и постепенно возраставшие строительные возможности их имущего населения. Создававшиеся преимущественно торговыми людьми и солепромышленниками, эти здания зримо характеризовали их материальное состояние и уровень городской культуры.

Но если по объему выварочной соли на смену Чердыни быстро пришел Соликамск, уступивший затем главенствующее место строгановскому Усолью, то в области капитального каменного строительства дело обстояло несколько иначе. Началось это строительство не в древней Чердыни, очень рано оказавшейся в стороне от сибирского тракта, а в крохотном селе Верх-Боровом, перейдя затем в Соликамск, который на исходе XVII и начале XVIII века приобрел для страны особо важное экономическое значение. Именно тогда Соликамск стал главным городом Верхнего Прикамья, очагом его художественной культуры и обладателем самого большого количества монументальных каменных зданий, умноживших его славу.

Новые каменные постройки, органически вошедшие в состав городской застройки, появлялись в Соликамске и позднее, в середине — второй половине

XVIII века, когда объем соликамской соледобывающей промышленности стал заметно снижаться. Тогда отголоски этого строительства прозвучали и в Чердыни, уже совсем заглохшей в экономическом отношении; немногочисленные каменные церкви, появившиеся в ту пору в этом небольшом уральском городке и уральских землях, как бы продолжали уже намеченную линию развития соликамского каменного строительства. Однако пальма первенства в этой области явно перешла тогда к Новому Усолю, быстро набиравшему силу и по выварке соли занявшему первое место не только в Пермском крае, но и во всей стране. И если постройка великолепного строгановского ансамбля, затмившая своей необычностью и удивительной красотой все другие архитектурные сооружения края, была лишь частным эпизодом в жизни соляного промысла, начавшего менять художественный облик, то крупное каменное строительство, проведенное в этом поселке в начале XIX века, не только превратило его в настоящий город, но и знаменовало выход этого «города» в области монументального каменного строительства на первое место во всем Прикамье. По сути дела это был следующий, вполне закономерный и экономически оправданный этап архитектурного развития верхнекамских городов. Каждому из этих этапов соответствовали не столько свои типы возводимых каменных зданий, сколько свои архитектурные мотивы и художественные формы.

Первоначально, то есть в конце XVII и в самом начале XVIII века, в Верхнем Прикамье и, в частности в Соликамске, населенном по преимуществу выходцами из центральных областей страны, широкое распространение имели архитектурные мотивы, свойст-

венные монументальным каменным зданиям Москвы, Ярославля и других приволжских городов середины второй половины XVII века. Они великолепно вскрывали художественные вкусы наиболее состоятельных соликамцев, говорили об их приверженности к определенным типам и формам. Но если в богатом декоративном «узорочьи» соликамских храмов того времени ясно чувствуется влияние архитектуры других русских городов, то наряду с этим в нем не менее ясно проглядывают и местные художественные формы, другим городам уже не свойственные. По существу это и был первый этап архитектурного развития Верхнего Прикамья.

Весьма отчетливо местные художественные оттенки проглядывают и в архитектуре верхнекамских построек первой половины XVIII века. В то время на смену причудливому декоративному узорочью, изобиловавшему ложными полукружиями, глубокими фигурными ширинками, сложными балясинами, топкими валиковыми перехватами, мелко расчлененными дольками и другими всевозможными деталями, придававшими сооружению красочную нарядность и живописность, пришли уже новые, более торжественные формы с хорошо прорисованными ордерными колонками и разнообразными спиралевидными волютами, которые, не лишая постройки внешней привлекательности, придали им определенную торжественность.

Великолепный строгановский ансамбль в Новом Усолье хотя и отличается своими художественными качествами, но несмотря на это не выпадает из числа этих прекрасных строений. Правда, с первого взгляда кажется, что создавшие его мастера лишь продолжили линию развития более ранних

построек, относимых к так называемой «строгановской школе зодчества». Однако им явно не было чуждо и творческое наследие мастеров, работавших на соликамских стройках в более раннее время. Опираясь на это наследие, они с непревзойденным мастерством сумели создать то новое, что не только выделило строгановские здания из среды других верхнекамских построек, но и не было не замечено зодчими, работавшими на стройках Верхнего Прикамья в последующие годы.

Все это свидетельствовало о новых художественных веяниях в соликамской купеческо-промысловой среде, накопившей крупные капиталы, говорило об изменении их вкусов и эстетических идеалов. Фактически это был уже второй, весьма яркий и своеобразный период в архитектурной истории обширного Пермского края.

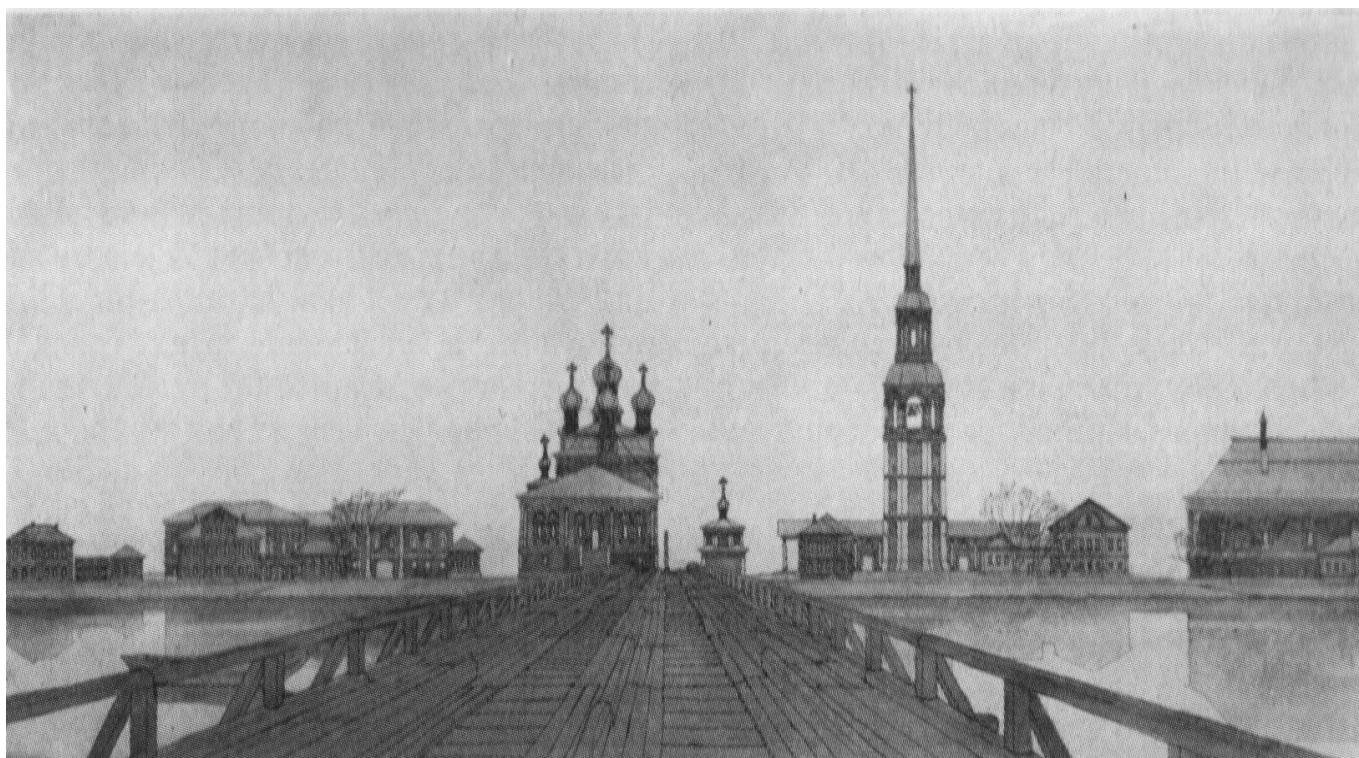
В этот период вписываются и те сооружения, которые отличаются предельной простотой архитектурных форм и скромностью внешнего художественного облика. Возникшие в усольских землях на всем протяжении XVIII века, они воспринимаются как своеобразный «архитектурный протест» против безудержного богатства строгановских построек первой половины столетия. Среди них особое место занимают храмы с колокольней на своде четверика, которые своим появлением в середине XVIII века наметили новые пути развития культового зодчества в прикамских землях. Эти храмы хотя и перекликаются с многоярусными центрическими церковными постройками Москвы XVII века, однако для них характерны все же своя собственная объемно-пространственная структура и своя собственная весьма лаконичная декоративная обработка, основанная на ордерной системе. Именно она и сближает

эти постройки с другими бесхитросными сооружениями второй половины XVIII века.

Третий этап развития архитектуры старых городов верхнего течения Камы наступил уже в XIX веке, после Отечественной войны 1812 года. В это время старые приемы и художественные формы напрочь уходят в прошлое. Крупные строительные работы, проводившиеся в Москве, Петербурге и русской провинции, находят отклик и в экономически сильно выросшем Усолье. Маленький промысловый поселок, снабжавший страну поваренной солью, энергично подхватывает в архитектуре все то, что делалось в ту пору в центре страны, и украшается целым рядом построек, классические формы которых соответствовали эпохе и духу времени. По существу он делает гигантский шаг вперед по пути своего художественного развития и тем самым оказывается в общем потоке развития русской строительной культуры.

Следующий, уже заключительный этап развития архитектуры городов Верхнего Прикамья, наступил уже и наше время, когда эти города выросли территориально и стали соседями крупных промышленных центров, когда в них появились новые, хорошо благоустроенные кварталы жилых домов с магазинами, клубами, кинотеатрами и предприятиями культурно-бытового обслуживания, когда на базе местных ископаемых в них выросли корпуса огромных бумажных, химических и других промышленных предприятий, известных далеко за пределами нашей страны. Но это уже другая тема, материал для другой книги.

Однако хочется отметить, что теперь, когда бывшее Новое Усолье стало «старым городом» и оказалось в непосредственном соседстве с таким крупным и

широко известным на Урале промышленным центром, как город Березники, оно само по себе превратилось в подлинный музей архитектуры. Ведь комплекс старинных зданий древнего соляного промысла удивителен по своей красоте и не знает себе подобных. Он прекрасно характеризует главнейшие этапы жизни Нового Усолья, великолепно рассказывает о его культуре и наиболее значительных периодах развития.

В связи с этим давным-давно заслужило Старое Усолье статус архитектурного заповедника и давным-давно его прекрасные здания должны стать объектами музейного показа, местами интереснейших музейных экспозиций. И вот сейчас, когда я заканчиваю эту книгу, перед моими глазами, уже в который раз, встают, словно мираж, во всей своей неповторимой красоте сгруппированные в единый архитектурный комплекс церковные, жилые и промышленные каменные здания Усолья с разумно присоединенными к ним деревянными строениями, перевезенными из

*Усолье. Центральная часть промысла.
Проект реставрации студента МАрХИ
В. Мызникова, выполненный в 1974 г.
под руководством В. Косточкина*

соседних сел и районов. Я ясно представляю себе эти памятники зодчества, наполненные прекрасными произведениями живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, изобилующими различными предметами, связанными с вываркой когда-то очень дорогой поваренной соли и трудом простого народа, занимавшегося ее производством.

«Верхнекамским музеем искусства и промыслов имени А. Н. Воронихина» называю я такой, к сожалению, еще не существующий музей в предгорьях Урала. Но такой музей, безусловно, будет. Я верю в это. Я верю также и в то, что о создании такого музея в самое ближайшее время заговорят не только в давным-давно существующих органах охраны памятников истории и культуры, не только в Советском фонде культуры, развертывающем свою деятельность, но и в местных пермских пар-

тийных и государственных органах, до сих пор делающих вид, что сохранение архитектурно-художественных и культурных ценностей прошлого не столь уж важное дело, а подчас и не их забота.

Верю я также и в то, что со временем в таком музее соберется все, что в недалеком прошлом «ушло» из района Верхнего Прикамья и «разошлось» по многим городам страны и ее хранилищам. Это мне и хотелось отметить в конце настоящей работы. Читатель, побывавший в Чердыни, Соликамске и Усолье и в прилегающих к ним районах, без сомнения одобрит идею создания такого музея-заповедника на Верхней Каме, а население этих городов, как и местные власти, станут активными поборниками его организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Предположение о существовании пути, шедшего из Индии в Биармию и Белое море, не раз высказывалось в XVIII-XIX вв. См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31. Пермская губерния.- Пермь, 1875.- С. СXXXIX.
2. В летописях Пермь Великая впервые упоминается под 1321 г. См.: **Приселков Д. М.** Троицкая летопись.— М. — Л., 1950,— С. 357. Существует мнение, что наименование «Пермь» (Пермия) является искаженным названием «Биармия».
3. **Смирнов И. Н.** Пермяки (историко-этнографический очерк) // Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанск. ун-те. Казань, 1891.— Т. 9, вып. 2.— С. 3-7.
4. **Стрингольм А. М.** Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов: Пер. А. Шемякина.— М., 1861.- Ч. 1.- С. 220-225.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М. — Л., 1950. — С. 40 и 344.
6. **Теплоухов Ф. А.** Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. См.: Пермский край: Сборник сведений о Пермской губернии.- Пермь, 1895.- - Т. 3.— С. 247—290.
7. Теперь коллекция сасанидского серебра в Государственном Эрмитаже считается лучшей в мире. В самом Иране и смежных с ним странах известно не более трех произведений декоративно-прикладного искусства сасанидского времени. Их исчезновение в странах Ближнего Востока было связано с тем, что в XI в. в Иране наступил «серебряный кризис», во время которого прекратилось не только производство серебряных вещей, но и чеканка серебряных монет (диргем). Это повлекло за собой массовую переделку старой серебряной посуды на новую, что в следующие века привело к почти полному исчезновению сасанидской утвари из благородных металлов. Последнюю публикацию об этом серебре см.: **Тревер К. В., Луконин В. Г.** Сасанидское серебро // Собрание Государствен-

ного Эрмитажа: Художественная культура Ирана III-VIII веков.- М., 1987.

8. **Бадер О. Н., Оборин В. А.** На заре истории Прикамья.— Пермь, 1958.— С. 108.

9. **Бадер О. Н.** О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье//На Западном Урале: Сборник статей 1951 г.— Молотов, 1952,— С. 194—200.

10. В Кудымкарском музее есть портреты-миниатюры членов семьи Строгановых, выполненные А. Н. Ворониным. Подробнее о зодчем см.: **Аркин Д. Е.** Захаров и Воронихин. — М., 1933; **Панов В. А.** Архитектор А. Н. Воронихин: Очерк жизни и творчества.- М., 1937; **Крутецкий А., Лундберг Е.** Зодчий Андрей Никифорович Воронихин: Материалы к биографии. — М., 1937. Чертежи А. Н. Воронихина: Коллекция музея архитектуры. — М., 1938, **Безсонов С. В.** Крепостные архитекторы.- М., 1938; **Гримм Г. Г.** А. Н. Воронихин: Чертежи и рисунки. — Л. — М., 1952; **Воронихин Н. Н.** По поводу некоторых версий об А. Н. Воронихине // Архитектурное наследство. — Л. — М., 1959. — Вып. 9; **Терехин А. С.** Архитектор Андрей Воропихин. — Пермь, 1968; **Лисовский В. Г.** Андрей Воронихин. — Л., 1971; **Терехин А. С.** Новое о зодчем А. Н. Воронихине // На Западном Урале. — Пермь, 1974. — Вып. 6. **Петрова Т. А., Воронихина А. Н., Комелова Г. Н., Шуйский В. К.** А. Н. Воронихин, Т. де Томон, А. Д. Захаров (к 225-летию со дня рождения): Каталог выставки. — Л., 1986.

11. Особенно противоречива Пермская летопись В. Н. Шишонко, изобилующая всевозможными вставками. См.: **Смирнов И. Н.** Указ. соч.— С. 60.

12. **Малченко В. С.** Архитектурные памятники в Соликамске //Известия XII археологического съезда в Харькове.— № 8.— Харьков, 1902.— С. 114—116; **Слупский А. И.** К вопросу о московском и новгородском влиянии в архитектурных памятниках Соликамска и Чердыни // Тр. Пермской губернской уч. архивной комиссии.— Пермь, 1905.— Вып. 9.— С. 29—33; **Слупский А. И.** Архитектурные памятники Соликамска // Древности: Тр. имп. Московск. археол. об-ва.— М., 1906.— Т. 21, вып. 1.— С. 39—56; **Слупский А. И.** Подземные ходы города Соликамска // Труды Пермской губернской

- ученой архивной комиссии.— Пермь, 1913.— Вып. 10.— С. 176—187; **Грабарь И.** История русского искусства. — М. — б. г. — Т. 2. — С. 137-304.
13. Итогом этой работы явилась книга: **Алферов Н. С.** Зодчие старого Урала,— Свердловск, 1960.
14. **Соколов А. К.** Соликамск: Краткий путеводитель.— Пермь, 1969; **Терехин А. С.** Архитектура Прикамья XVI—XIX вв.— Пермь, 1970; **Терехин А. С., Канторович Г. Д.** Памятники каменной архитектуры XVII — начала XVIII века в Соликамске // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. — Пермь, 1971.— С. 34—50; **Канторович Г. Д., Терехин А. С.** Древнерусские строители Урала // Сб. науч. тр. Пермского политехи, ин-та.— Пермь, 1971. — №86,—С. 5—11; **Косточкин В. В.** Древнерусские города: Памятники зодчества XI—XVII вв.—М., 1972,—С. 442—446; **Канторович Г. Д.** Воеводские дома XVII —XVIII вв. в Прикамье // Сб. науч. тр. Пермского политехи. ин-та.—Пермь, 1973,—№ 124. —С. 8—12; Соликамск. Историко-культурные памятники: Путеводитель.— Пермь, 1976.— С. 69—133.
15. Некоторые сведения о них: Памятники истории и культуры Пермской области—Пермь, 1971.—С. 83—90; **Чагин Г. Н.** Чердынь: Краткий исторический очерк.— Пермь, 1972.— С. 44—53; **Косточкин В. В.** Новое Усолье — родина А. Н. Воронихина // Архитектура СССР. — 1974.— № 7,— С. 44—46; **Терехин А. С., Канторович Г. Д.** Архитектурный ансамбль верхнекамского Усожья (XVII — начало XIX в.) // Уральск, археограф, ежегодник за 1972 г.— Пермь, 1974. — С. 24—39.
16. **Луначарский А. В.** Пермские боги // Советское искусство, М. — Л., 1928. № 5. — С. 22—29.
17. **Серебренников Н. Н.** Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись.— Пермь, 1928; **Серебренников Н. Н.** Пермская деревянная скульптура,— Пермь, 1967.
- путешественников конца XVII в. См.: **Избрант Идес и Адам Брант.** Записки о русском посольстве в Китай — 1692—1695.— М., 1967. — С. 67 и 300.
- 4.1 **Щекатов А.** Словарь географический Российского государства.— М., 1808.— Ч. 6, т. 10.— Столб. 60-61.
- 5.1 **Коробов Н.** Историческое описание города Чердыни и прошлое управления оным // Пермские губернские ведомости.— 1862.— № 32 (Часть неофициальная).— С. 429.
- 6.1 Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец).—М.—Л., С. 85, 89-90.
- 7.1 Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник.— Сыктывкар, 1958.— Вып. 4.— С. 261.-262.
- 8.1 Устюжский летописный свод.— С. 94.
- 9.1 Иоасафовская летопись,—М., 1957.— С. 80.
- 10.1 Устюжский летописный свод,— С. 103.
- 11.1 Там же.
- 12.1 Там же.
- 13.1 **Попов Н. С.** Указ соч. — С. 180; **Макарий** (архимандрит). Памятники древности в Пермской губернии // Записки имп. археологического общества.— СПб., 1856.—Т. VIII.— С. 198-199.
- 14.1 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Пермь, 1884.- Отд. 1.— С. 22.
- 15.1 Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией,— СПб., 1841.-Т. 3, № 8.-С. 8; № 43.-С. 39.
- 16.1 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1.— С. 26; Акты археографической экспедиции. — Т. 3, № 13.
- 17.1 **Шишонко В. Н.** Пермская летопись,— Пятый период,—Пермь, 1887.— Ч. 2.— С. 294.
- 18.1 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Отд. 2,— С. 43.
- 19.1 **Попов Н. С.** Указ соч.— С. 192.
- 20.1 Статистические сведения о Чердыни за 1861 г. // Пермские губернские ведомости,— 1862.— № 3. (Часть неофициальная). — С. 33-34.
- 21.1 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.- СПб., 1841,— Т. 1, № 207.- С. 397-398.
- 22.1 Грамота на построение церкви Иоанна Богослова в г. Чердыни // Пермские губернские ведомости. — 1862. — № 36 (Часть неофициальная).— С. 451.
- 23.1 Сохранилась запись о выдаче 50 руб. «шведским пленникам, двум человекам, которые в Чердыни и Богословском монастыре» работали «у строения церкви». См.: **Канторо-**

ЧЕРДЫНЬ

- 1.1 **Лунегов И. А.** Древняя Чердынь // Календарь-справочник Пермской области на 1970 г.— Пермь, 1969,— С. 105.
- 2.1 **Попов Н. С.** Хозяйственное описание Пермской губернии. — СПб., 1813. — ч. 3. — С. 180; Списки населенных мест Российской империи: Пермская губерния, 1875.— Т. 31. С. СLY
- 3.1 Не совсем ясные сведения об этом древнем пути имеются в записках одного из

- вич Г. Д., Терехин А. С.** Древнерусские строители Урала // Сб. науч. тр. Пермского политехн. ин-та,—Пермь, 1971.—№ 58.—С. 6—7.
- 24.1 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Пермь, 1885.— Ч. 1.— С. 651.
- 25.1 Грамота на построение теплого деревянного собора в г. Чердыни // Пермские губернские ведомости.— 1862,— № 36 (Часть неофициальная).—С. 451; Памятники истории и культуры Пермской области.—Пермь, 1971.— С. 90.
- 26.1 **Девятков И. Ф.** Путь на Печору // Материалы по изучению Камского Приуралья.— Пермь, 1930.— Вып. 2,— С. 25.
- 27.1 **Попов И.** Достопримечательности с. Ныроба Чердынского уезда // Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Пермь, 1890.— Вып. 3.— С. 67.
- 28.1 Подробнее смотри: **Капустин М., Удинцев В.** Материалы для истории Пермской епархии // Пермские епархиальные ведомости.— 1870.— № 30 (Отдел неофициальный).— С. 353.
- 29.1 Церковь Богоявления была построена в 1736 г. См.: **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Пермь, 1885.— Ч. 1.— С. 232.
- 30.1 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Пермь, 1889.— Ч. 3.— С. 330.
- 31.1 Известия имп. Археологической комиссии. СПб., 1911.— Вып. 39.—С. 24.
- 32.1 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Второй период,—Пермь, 1882,—С. 85 и Т. 2, Пермь, 1887,— С. 231.
- 33.1 Памятники истории и культуры Пермской области.— Пермь, 1971.— С. 62.
- 34.1 **Маковецкий И. В.** Редкий памятник русского деревянного зодчества // Сообщ. Ин-та истории искусств АН СССР. М., 1956.— Вып. 7. — С. 106.
- 35.1 **Новокрещенных Н. Н.** Археологические исследования в западной части Пермской области // Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Пермь, 1901.— Вып. 4.— С. 123.
- 36.1 **Волегов Ф. А.** Краткое описание села Пянтежского и находящейся в нем древней церкви // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1915.— Вып. 5.— С. 6—9.
- 37.1 **Маковецкий И. В.** Указ. соч.— С. 107.
- 38.1 **Косточкин В. В.** Деревянный «город» Колы // Материалы и исследования по археологии СССР,— М., 1958,— Вып. 77.— С. 224, 227.
- 39.1 Памятники истории и культуры Пермской области. — С. 62. Когда книга находилась в типографии, было опубликовано реконструкция церкви, произведена ее реставрация, суммированы все известные о ней данные. См.: **Кацко Г. Л.** Малоизвестный памятник древнерусского зодчества в Прикамье: Архитектурное наследие и реставрация // Реставрация памятников истории и культуры России; Сб. трудов объединения «Росреставрация». — М., 1986. — Вып. 2. — С. 231—241.
- 40.1 **Кривошеков И.** Географическо-статистический словарь Чердынского уезда.— Пермь, 1914.
- 41.1 Там же.
- 42.1 Там же.
- 43.1 Памятники истории и культуры Пермской области,— С. 62.

СОЛИКАМСК

- 1.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи.— Пермь, 1884,— Отд. 1.— С. 22.
- 2.2 Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией,—СПб., 1841,—Т. 3, № 43.—С. 39.
- 3.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Отд. 1.— С. 30.
- 4.2 **Алексеев М. П.** Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив.— М.— Л., 1936.— Вып. 1.— С. 151—152.
- 5.2 Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.—М., 1955.—С. 106.
- 6.2 **Трофимов И. В., Кирьянов И. А.** Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР,— М., 1952.— № 31 — С. 340.
- 7.2 Материалы для истории Пермского края // Пермские губернские ведомости.— 1957,— № 24 (Часть неофициальная).— С. 85—86.
- 8.2 Путешествие и журнал по указу Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 году, марта 14 дня // Древняя Российская вивлиофика.— М., 1789.— Изд. 2, ч. 8.— С. 366.
- 9.2 Во второй половине XVII в. Орел-городок был центром керамического производства в Прикамье. Однако к началу XVIII в. производство голосников, изразцов и других керамических изделий в Орле-городке прекращается и переносится в Соликамск.
- 10.2 **Шишонко В. Н.** Пермская летопись. Пятый период. — Пермь, 1889. Ч. 3. — С. 290, 511. Интересно, что многие посадские люди, выходцы из Соликамска, частично крестьяне «именитого человека» Г. Д. Строганова, в конце XVII — первой четверти XVIII в. работали на различного рода стройках каменщиками,

- кирпичниками и творильщиками, а некоторые и «подмастерьями каменных дел» в таких городах, как Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Екатеринбург и Челябинск. См.: **Копылова С. В.** Каменное строительство в Сибири: Конец XVII—XVIII вв. — Новосибирск: Наука, СибО, 1979,— С. 220—240.
- 11.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1.— С. 46.
- 12.2 Талицкий медеплавильный завод находился в двух верстах от Соликамска, там, где теперь деревня Талицы.
- 13.2 **Дмитриев А. А.** Соликамская летопись, — Отд. 1.— С. 55; Ср. Отд. 2.— С. 41.
- 14.2 Там же. — Отд. 1. — С. 55—56.
- 15.2 Во время этих пожаров в городе было уничтожено в общей сложности около 100 дворов. См.: **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи,— Отд. 1.— С. 57; Отд. 2.— С. 29.
- 16.2 Дневные записи доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768, 1769 и 1771 гг. — СПб., 1780. — Ч. 3. — С. 135-189.
- 17.2 Журнал или дневные записи путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг.— СПб., 1772.— Ч. 3.— С. 95—96.
- 18.2 **Берх В.** Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей,— СПб., 1821.— С. 4.
- 19.2 Там же.
- 20.2 **Попов Н. С.** Хозяйственное описание Пермской губернии. — СПб., 1813.— Ч. 3.— С. 170.
- 21.2 В Соликамском краеведческом музее экспонируется закладная чугунная доска гостиного двора с указанной датой.
- 22.2 **Дмитриев А. А.** Федор Алексеевич Волегов — Пермский край: Сборник сведений о Пермской губернии,—Пермь, 1895.—Т. 3.— С. 139.
- 23.2 **Мельников П. И.** (Андрей Печерский). Дорожные записи на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Полн. собр. соч.— СПб.— М., 1898.- Т. 12.- С. 83.
- 24.2 **Словцов И.** Соликамск в настоящем и прошедшем // Русский дневник,— СПб., 1859. — № 72- С. 3.
- 25.2 **Луканин А.** Город Соликамск в историческом и археологическом отношениях // Пермские губернские ведомости.- 1856.- №5 (Часть неофициальная).— С. 2.
- 26.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.- Пермь, 1885. - Ч.1.— С. 88.
- 27.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Отд. 1.—С. 36—38.
- 28.2 **Оборин В. А.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.) // Уч. записки Молотовского гос. ун-та им. А. М. Горького. — Молотов, 1957. — Т. 10, вып. 3.
- 29.2 **Алеппский Павел.** Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в,—М., 1898.—Вып. 3.—С. 33-34.
- 30.2 **Оборин В. А.** Указ. соч.— С. 161.
- 31.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1.— С. 42.
- 32.2 Там же.— Отд. 2.— С. 41.
- 33.2 Там же.— Отд. 1.— С. 43.
- 34.2 Там же.— Отд. 2.— С. 42; **Шишонко В. Н.** Указ. соч. Пятый период,— Ч. 3.— С. 304 и 565.
- 35.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период,- Пермь, 1887. —Ч. 2.- С. 216; Ч.3.- С. 304.
- 36.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Отд. 2.— С. 40.
- 37.2 Там же.— С. 21.
- 38.2 **Канторович Г. Д.** Воеводские дома XVII—XVIII вв. в Прикамье // Сб. науч. тр. Пермского политехн. ин-та.— Пермь, 1973.— № 124.- С. 8.
- 39.2 **Слупский А. И.** Подземные ходы города Соликамска // Тр. Пермской губернской уч. архивной комиссии.— Пермь, 1913.—Вып. 10.- С. 183.
- 40.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период,— Ч. 1.— С. 294.
- 41.2 Там же.— С. 294.
- 42.2 Там же.— С. 75.
- 43.2 **Луканин А.** Указ. Соч. // Пермские губернские ведомости.- 1860. - № 52 (Часть неофициальная).— С. 575-577.
- 44.2 **Канторович Г. Д., Терехин А. С.** Древнерусские строители Урала // Сб. науч. тр. Пермского политехн. ин-та.—Пермь, 1971.— № 86,— С. 6.
- 45.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, —Отд. 1.—С. 36; **Шишонко И. Н.** Указ. соч.- Пятый период. - Ч. 1.- С. 73, 78, 291.
- 46.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период. Ч. 1.—С. 73, 87, 511, 563.
- 47.2 Там же.— Ч. 1.— С. 74; Ч. 2.- С. 477; **Слупский А. И.** Архитектурные памятники Соликамска // Древности. Тр. имп. Московского археолог, об-ва.— М., 1906.— Т. 21, вып. 1.- С. 49.
- 48.2 **Соколов А. К.** Соликамск: Краткий путеводитель.— Пермь, 1969. - С. 13.
- 49.2 Памятники истории и культуры Пермской области.— Пермь, 1971.- С. 77.

- 50.2 **Слупский А. И.** Архитектурные памятники Соликамска.— С. 50.
- 51.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. Отд. 1.— С. 51.
- 52.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 3.— С. 543.
- 53.2 Там же.— Ч. 1. — С. 421.
- 54.2 Там же.— С. 424
- 55.2 **Кривощев И. Я.** Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии.— Екатеринбург, 1877.—С. 125.
- 56.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1. С. 49.
- 57.2 Там же.— С. 53.
- 58.2 Там же.— С. 58.
- 59.2 Там же.— Отд. 2.— С. 42.
- 60.2 Там же.— С. 44.
- 61.2 Там же.— Отд. 1.— С. 60.
- 62.2 Там же.
- 63.2 Там же.— Отд. 2.— С. 45.
- 64.2 Там же.— С. 46.
- 65.2 Там же.— С. 47.
- 66.2 Там же.— Отд. 1.—С. 50—51.
- 67.2 Там же.— С. 39—40.
- 68.2 Там же.— С. 50—51.
- 69.2 Там же.— С. 59; Отд. 2.— С. 35—36.
- 70.2 **Слупский А.** Подземные ходы города Соликамска,— С. 182- 183.
- 71.2 **Попов Н. С.** Указ. соч.—С. 164.
- 72.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Отд. 2.— С. 36—37.
- 73.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период,— Ч. 3.—С. 610.
- 74.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, — Отд. 2.— С. 46.
- 75.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 3. - С. 617.
- 76.2 Списки населенных мест Российской империи. Пермская губерния.— Пермь, 1875.— Т. 31.— С. СLIII.
- 77.2 **Канторович Г. Д.** Древнейшая в крае: Календарь-справочник Пермской области на 1970 г.— Пермь, 1969.—С. 82.
- 78.2 **Богословский П. С.** Замечательная надпись XVII в., высеченная на каменной церкви Верх-Боровского села // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. Пермь, 1915.— Вып. 1.— С. 80-82.
- 79.2 **Оборин В. А.** Указ. соч.— С. 161.
- 80.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи, —Отд. 1.—С. 28; **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 476.
- 81.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1. — С. 31.
- 82.2 Там же.— С. 35.
- 83.2 Там же.— С. 56; **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.—Ч. 2.—С. 478.
- 84.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.- С. 479.
- 85.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд.2.—С.46.
- 86.2 Каслинский металлургический завод был основан в 1749 г. туляком Яковом Коробковым.
- 87.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 475.
- 88.2 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1.— С. 25 и 28.
- 89.2 Там же.— С. 25.
- 90.2 Там же.— С. 28.
- 91.2 Там же.
- 92.2 Там же.— Отд. 2.— С. 28.
- 93.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 475 и 519.
- 94.2 Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.—М., 1975,— С. 112.
- 95.2 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 420.
- 96.2 О них см. Шишонко В. Н. Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 413—423.
- 97.2 Там же.— С. 421.
- 98.2 Там же.— С. 422.

УСОЛЬЕ

- 1.3 **Дмитриев А. А.** Пермская старина.— Пермь, 1892.— Вып. 4.— С. 173.
- 2.3 **Волегов Ф. А.** Материалы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губернии. — Пермь, 1893. — Т. 2.— С. 90.
- 3.3 [**Икосов П. С.**] История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии Строгановых. Сочинена в 1761 г. (издана В. Н. Шишонко). Пермь, 1887. — С. 113.
- 4.3 **Шишонко В. Н.** Пермская летопись.— Пятый период.— Пермь, 1887.— Ч. 2.— С. 180.
- 5.3 Там же.
- 6.3 **К[ривощев] П.** Извлечение из летописи о церквях Нового Усолья // Пермские епархиальные ведомости.— 1869.— № 50 (Часть неофициальная).— С. 575.
- 7.3 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Пермь, 1884.— От. 1.— С. 53 и 56.
- 8.3 Журнал или дневные записи путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг.— СПб., 1772,— Ч. 2.— С. 82.
- 9.3 **Волегов Ф. А.** Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся

- до истории о Строгановых // Пермский край: Сборник сведений о Пермской губернии.— Пермь, 1895.— Т. 3.— С. 169.
- 10.3 Там же.— С. 171.
- 11.3 **К[ривощеко]в П.** Указ. соч. — С. 578.
- 12.3 О существовании подобного рода специалистов в Чердыни и Соликамске в то время см.: **Попов Н. С.** Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813.—Ч. 3.—С. 156, 185.
- 13.3 **Безсонов С. В.** Крепостные архитекторы. — М., 1938. — С. 87; **Терехин А. С.** Архитектура Прикамья XVI—XIX вв. — Пермь, 1970.— С. 38; **Терехин А. С.** Новое о зодчем А. Н. Воронихине. — На Западном Урале. — Пермь, 1974. - Вып. 6. — С. 208.
- 14.3 **Мельников П. И.** (Андрей Печерский). Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Полн. собр. соч. — СПб. — М., 1898,— Т. 12.— С. 237—238.
- 15.3 **К[ривощеко]в П.** Указ. соч.— С. 580.
- 16.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период,- Пермь, 1889,— Ч. 3.— С. 599.
- 17.3 **Весновский В.** Иллюстрированный путеводитель по Уралу.— Екатеринбург, 1904.— С. 97.
- 18.3 **Паустовский К. Г.** Книга скитаний.— М., 1964.— С. 187—188.
- 19.3 **Грабарь И.** История русского искусства.- М., б. г.— Т. 2.— С. 299.
- 20.3 **Канторович Г. Д., Терехин А. С.** Древнерусские строители Урала // Сб. науч. тр. Пермского политехн. ин-та.—Пермь, 1971.— С. 7-9. Приведенные здесь документы опровергают версию о том, что Верхотурский Троицкий собор строился каменщиками из Нового Усолья (**Тельтевский П. А.** Троицкий собор в Верхотурье // Архитектурное наследство.— М., 1960. Вып. 12.—С. 169—178) и Соликамска (**Каптиков А. Ю.** К вопросу об авторстве Троицкого собора в Верхотурье // Вопросы архитектуры и стр-ва: Тезисы докл. 3-й научн.-техн. конф. Уральского филиала Московского архитектурного ин-та.— Свердловск, 1971.— С. 72). О времени постройки собора см.: **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Пермь, 1885. - Ч. 1.—С. 175.
- 21.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 184.
- 22.3 Там же.— С. 181.
- 23.3 **К[ривощеко]в П.** Указ. соч. - С. 576.
- 24.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.—Пятый период.— Ч.2.— С. 184.
- 25.3 Там же.— С.— 182, 184.
- 26.3 **Терехин А. С.** Архитектор Андрей Воронихин,—Пермь, 1968.— С. 52; **Терехин А. С.** Архитектура Прикамья XVI-XIX вв.—С. 38;
- Лисовский В. Г.** Андрей Воронихин.— Л., 1971.
- 27.3 **Терехин А. С.** Новое о зодчем А. Н. Воронихине // На Западном Урале.— Пермь, 1974. — Вып. 6.— С. 208.
- 28.3 **Дмитриев А. А.** Федор Алексеевич Волегов // Пермский край: Сборник сведений о Пермской губернии. — Пермь, 1895. — Т. 3. — С. 147.
- 29.3 **Терехин А. С.** Архитектор Андрей Воронихин,— С. 55.
- 30.3 Памятники истории и культуры Пермской области.— Пермь, 1976.— 2-е изд.— С. 108.
- 31.3 Там же.— С. 109. Здесь указано, что планы и фасады этого дома имеются в альбоме «О каменной соли в Усольских владельческих соляных промыслах открытой». При этом отмечено, что альбом был составлен в 30-х гг. XIX в. по заказу Строгановых и имеет 59 листов, из которых 10 посвящены Усольским соляным промыслам. Место нахождения альбома, к сожалению, не обозначено. Есть, однако, сведения, что он происходит из «Пермского музея» и имеет 30 чертежей, подписанных «Т. Тудвас» или «Т. Т.». Тут же воспроизведены чертежи двух усольских господских домов, опубликованные как тудвасевские (См. **Безсонов С. В.** Указ. соч.— С. 87, 141, 142). К интересующему нас зданию, как и к названному выше «Господскому дому», эти чертежи прямого отношения не имеют.
- 32.3 **Мельников П. И.** (Андрей Печерский). Указ. соч.— С. 243.
- 33.3 Сейчас плита находится в экспозиции Березниковского краеведческого музея.
- 34.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.—Пятый период.— Ч. 1.— С. 218, 219, 383.
- 35.3 См.: **Дмитриев А. А.** Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Тр. Пермской уч. архивной комиссии,—Пермь, 1901.— Вып. 4.— С. 72—73.
- 36.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период. — Ч. 2.— С. 150—152.
- 37.3 **Дмитриев А. А.** Пермская старина,— Вып. 4.—С. 184-185.
- 38.3 Там же.— С. 186-187.
- 39.3 Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.— М., 1955,— С. 27.
- 40.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 1.— Пермь, 1885.— С. 221.
- 41.3 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 1.— С. 49, 52; **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 1.— С. 296, 298, 310.
- 42.3 Об этом см. **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2.— С. 296.
- 43.3 **Дмитриев А. А.** Соликамские летописи. — Отд. 2.— С. 293; **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 1.— С. 298—299.

- 44.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.— Пятый период.— Ч. 2,— С. 179.
- 45.3 Там же.— С. 447.
- 46.3 Там же. Четвертый период.— Пермь, 1884.— С. 332; Памятники истории и культуры Пермской области.— Пермь, 1971.— С. 86.
- 47.3 **Оборин В. А.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье XVI-XVII вв. // Уч. записки Молотовского гос. ун-та им. А. М. Горького.— Молотов, 1957.— Т. 10, вып. 3. - С. 149-150.
- 48.3 **Дмитриев А. А.** Следы русских поселений. — С. 74.
- 49.3 **Оборин В. А.** Орел-городок // Советская археология.—1957.—№ 4.—С. 145.
- 50.3 **Поносова И. С.** Изразцы Орла-городка // Из истории нашего края — Молотов, 1956. — С. 52.
- 51.3 **Дмитриев А. А.** Пермская старина.— Пермь, 1892.—Т. 4. - С. 163-172.
- 52.3 Там же.— С. 172-173.
- 53.3 **Оборин В. А.** Орел-городок.— С. 146-147; **Оборин В. А.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье.— С. 159.
- 54.3 **Бедер О. Н., Оборин В. А.** На заре истории Прикамья.—Пермь, 1958.— С. 227-233.
- 55.3 **Оборин В. А.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье,— С. 162; **Бедер О. Н., Оборин В. А.** Указ. соч.— С. 233.
- 56.3 **Шишонко В. Н.** Указ. соч.—Пятый период.— Ч. 3.— С. 341.
- 57.3 **Терехин А. С.** Архитектура Прикамья XVI-XIX вв.—Пермь, 1970.— С. 24.
- 58.3 **Оборин В. А.** Орел-городок.—С. 146; **Оборин В. А.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье,— С. 154.
- 59.3 **Оборин В. А.** Орел-городок,— С. 146.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЩИЕ РАБОТЫ*

О древнем и нынешнем состоянии Великой Пермии // Древняя Российская вивлиофика. — М., 1791. — 2-е изд., ч. XVIII.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 2.— Пермь, 1804;— Ч. 3,— СПб., 1813.

Щекатов А. Словарь географический Российского государства.— Ч. 6, т. 10.— М., 1808.

Берх В. Путешествие в города Чердын и Соликамск для изыскания исторических древностей,— СПб., 1821.

Любарский В. О солеварении на пермских промыслах // Горный журнал или собрание сведений о горном деле — Кн. 1 и 2, — СПб., 1821.

И. Р. Города Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи.— Т. 1.— СПб., 1839.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России,— М., 1852.

Макарий (архимандрит). Памятники древности в Пермской губернии // Записки имп. археолог. об-ва,— Т. 8.— СПб., 1856.

Прозоровский Д. П. Старинное описание солеваренного снаряда.— Известия имп. археолог. об-ва.— Т. 6.— СПб., 1868.

Капустин М. Материалы для истории Пермской епархии // Пермские епархиальные ведомости.— 1870.— № 30 (отдел неофициальный).

Списки населенных мест Российской империи,—Т. 31. Пермская губерния.— СПб., 1875.

Шишонко В. Н. Пермская летопись. Первый период.— Пермь, 1881; Второй период.— Пермь, 1882; Третий период.— Пермь, 1884; Четвертый период.— Пермь, 1884; Пятый период. Ч. 1.—Пермь, 1885; Ч. 2.—Пермь, 1887; Ч.3.— Пермь, 1889.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Древности бывшей Перми Великой. Вып. 1.— Пермь 1889; Пермь Великая в XVII в. Вып. 2. - Пермь, 1890; Экономические очерки Перми Великой (Чердынский и Соликамский

край на рубеже XVI и XVII вв.). Вып. 3.— Пермь, 1891.

Дмитриев А. А. О границах древней Перми Великой // Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Вып. 1,— Пермь, 1892.

Дмитриев А. А. Критические заметки по истории Перми Великой XVI в. //Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Вып. 2.— Пермь, 1893.

Дмитриев А. А. Соляная торговля на Урале и в Сибири в XVI в // Тобольские губернские ведомости.— 1895.— № 25—26 (части неофициальные).

Теплоухов Ф. А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край: Сборник сведений о Пермской губернии— Т. 3.— Пермь, 1895.

Дмитриев А. А. Исторический очерк Пермского края.— Пермь, 1896.

Спицнн А. А. Древности камской чуди из коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России.— № 26.— СПб., 1902.

Весновский В. Иллюстрированный путеводитель по Уралу.— Екатеринбург, 1904.

Бобылев Д. М., Зеленов И. К., Кривошеков И. Я. и др. Кама: Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по реке Вишере с Колвой.— Пермь, 1911.

Коломинский С. Торговля солью на Руси в 16—17 вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени // Университетские известия.— № 12.— Киев, 1912.

Шестаков И. Древние монастыри Пермского края.— СПб., 1912.

Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII вв.—Л., 1924.

Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура (материалы предварительного изучения и опись).—Пермь, 1928.

Луначарский А. Пермские боги // Советское искусство,— № 5.— М.— Л., 1928.

Соболевский А. Древняя Пермь (к вопросу о Биармии) // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. — Т. 34, вып. 3—4.— Казань, 1929.

Бадер О. Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье // На Западном Урале: Сб. статей 1951 г.— Молотов, 1952.

* Список литературы составлен по хронологическому принципу.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья.— Пермь, 1958

Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура.— Пермь, 1967.

Терехин А. С. Архитектура Прикамья XVI-XIX вв. — Пермь, 1970.

Канторович Г. Д., Терехин А. С. Древнерусские строители Урала // Сб. науч. тр. Пермского политехн. ин-та.— № 86.— Пермь, 1971.

Памятники истории и культуры Пермской области.— Пермь, 1971.

Канторопич Г. Д. Памятники гражданской архитектуры XVII—XVIII вв. // На Западном Урале. — Пермь, 1974. — Вып. 6.

ЧЕРДЫНЬ

Вагнер Н. От Чердыни до Ныроба // Пермский сб.— Кн. 2, отд. IV (смесь) — М., 1860.

Коробов Н. Историческое описание города Чердыни и прежнее управление оным // Пермские губернские ведомости.— 1862.— № 32 (Часть неофициальная).

Коробов Н. Прислание боярина Михаила Никитича Романова в Ныроб в 7109 г. // Пермские губернские ведомости.— 1862.— № 33, 34, 36 (Части неофициальные).

Попов Г. Боярин Михаил Никитич Романов в селе Ныробе в заточении // Пермские епархиальные ведомости.— 1873.— № 10 (Отдел неофициальный).

Попов В. Е. Михаил Никитич Романов и место его заточения — село Ныроб.— Пермь, 1860.

Дмитриев А. А. Ссылка окольного Михаила Никитича Романова в Чердынский край и Ныробские древности // Сб. материалов для ознакомления с Пермской губернией.— Вып. 2.—Пермь, 1891. (То же в приложении к Памятной книжке и адресу-календарю Пермской губернии на 1892 г.— Пермь, 1981.)

Попов И. Село Ныроб и его достопримечательности // Пермские епархиальные ведомости,— 1896.— № 4, 5 (Отделы неофициальные).

Попов И. Достопримечательности с. Ныроба Чердынского уезда // Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Вып. 3.— Пермь, 1896.

Сергеев С. И. Памятники древности близ села Искора, Губдора и В. Боровского Чердынского уезда // Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Вып. 3.— Пермь, 1896.

Новокрещеных Н. Н. Археологические исследования в западной части Пермской гу-

бернии // Тр. Пермской уч. архивной комиссии.— Вып. 4.— Пермь, 1901.

Хребтов А. К. Село Ныроб // Исторический вестник. — 1906. - № 7

Санин Н. А. Пермское село Ныроб, его древности и святыни // Русский архив.— № 3.- М., 1908.

Кринощек И. Я. Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники (Чердынский уезд) // Материалы по изучению Пермского края.— Вып. 4. - Пермь, 1911.

Кривощек И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии.—Пермь, 1914.

Волегов Ф. А. Краткое описание села Пянтожского и находящейся в нем древней церкви // Материалы по изучению Пермского края. - Вып. 5.— Пермь, 1915.

Маковецкий И. И. Редкий памятник русского деревянного зодчества // Сообщения Ин-та истории искусств АН СССР.— Вып. 7.— М., 1956.

Луногов И. А. Древняя Чердынь: Календарь-справочник Пермской области на 1970 г.— Пермь, 1969.

Чагин Г. Н. Чердынь (Краткий исторический очерк).—Пермь, 1972.

Кацко Г. Л. Малоизвестный памятник древнерусского зодчества в Прикамье: Архитектурное наследие и реставрация // Реставрация памятников истории и культуры России; Сб. трудов объединения «Реставрация». — М., 1986.

СОЛИКАМСК

Луканин А. Город Соликамск в историческом и археологическом отношении // Пермские губернские ведомости. — 1856.— № 5—8; 1858.—№ 40—46, 48—49; 1860.—№ 51-53 (Части неофициальные).

Словцов И. Деревня Соликамского края в XVI в. // Пермский сб.— Кн. 1.— М., 1859.

Слопцов И. Соликамск в настоящем и прошедшем // Русский дневник. — № 72. — СПб., 1859.

Словцон И. Ф. Соликамско-Истобенский Свято-Троицкий третьеклассный мужской монастырь // Пермские епархиальные ведомости.—1869.—№ 51—52; 1870.—№ 2—3 (Части неофициальные).

Луканин А. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска.— Пермь, 1882.

Дмитриев А. А. Соликамские летописи, — Пермь, 1884.

Кривощек И. Я. Указатель к карте Со-

ликамского уезда Пермской губернии.— Екатеринбург, 1897.

Малченко В. С. Архитектурные памятники в Соликамске // Известия 12-го археологического съезда в Харькове.— № 8.— Харьков, 1902.

Слупский А. И. К вопросу о московском и новгородском влиянии в архитектурных памятниках Соликамска и Чердыни // Тр. Пермской губернской уч. архивной комиссии.— Вып. 9.— Пермь, 1905.

Слупский А. И. Архитектурные памятники Соликамска // Древности: Тр. имп. Московского археологического о-ва.—Т. 21, вып. 1.— М., 1906.

Слупский А. И. Подземные ходы города Соликамска // Тр. Пермской губернской уч. архивной комиссии.— Вып. 10.— Пермь, 1913.

Грабарь И. История русского искусства.— Т. 3. - М., б/г.

Шестаков И. Исторический путеводитель по г. Соликамску,— Соликамск, 1917.

Богословский С. С. Соликамск на рубеже XVI—XVII вв. // Пермский краеведческий сб.— Вып. 2.— Пермь, 1926.

Коловарский Л., Мельков Ю. Новый список писцовой книги Михаила Кайсарова // На Западном Урале: Сб. статей, 1951 г. — Молотов, 1952.

Бахрушин С. В. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Научные тр.— Т. 3, ч. 1.— М., 1955,

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.— М., 1957.

Сытина Т. М. Архитектура русской провинции первой половины XVIII в.— Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР за 1957 г.— М., 1958.

Штейман Г. А. Решение некоторых конструктивных проблем в русском зодчестве XVI—XVII вв. // Памятники культуры (исследование и реставрация).— Вып. 3.— М., 1961.

Соколов А. К. Соликамск (краткий путеводитель).— Пермь, 1969.

Канторович Г. Д. Древнейшая в крае // Календарь справочник Пермской области на 1970 г.— Пермь, 1969.

Терехин А. С., Канторович Г. Д. Памятники каменной архитектуры XVI — начала XVIII в. в Соликамске // Уральский археографический ежегодник за 1970 г.— Пермь, 1971.

Канторович Г. Д. Воеводские дома XVII— XVIII вв. в Прикамье // Сб. науч. тр. Пермского политехн. ин-та. — № 124.— Пермь, 1973.

Соликамск. Историко-культурные памятники: Путеводитель. Пермь, 1975.

Барановский Е. Ю. Проектирование музея истории солеварения в г. Соликамске // Архитектурное наследие и реставрация: Сб. научн. тр.— М., 1984.

УСОЛЬЕ

Устрялов Н. Именитые люди Строгановы,- СПб., 1842.

Материалы для истории Пермского края. — Пермские губернские ведомости.— 1857.— № 23—25 (Части неофициальные).

Коровнн В. К. Краткий исторический очерк дома Строгановых // Пермские губернские ведомости.— 1862.— № 25—27 (Части неофициальные).

Словцов И. Ф. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь // Пермские епархиальные ведомости.— 1867.— № 12—15, 21, 24, 25, 27 и 28 (Отделы неофициальные).

К[ривощеко]в П. Извлечение из летописи о церквях Нового Усолья // Пермские епархиальные ведомости.— 1869.— № 50 (Отдел неофициальный).

Словцов И. Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости.— 1875.— № 44, 45, 49, 50 (Отделы неофициальные).

Волегов Ф. А. Исторические сведения о гг. Строгановых // Пермские губернские ведомости.— 1876.— № 89-95, 97-102; 1877.— № 1—6 (Части неофициальные).

Ярушин П. Материалы для истории Пыскорского монастыря // Пермские епархиальные ведомости.— 1876.— № 49 (Отдел неофициальный).

[Икосов П. С.] История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых. Сочинена в 1761 г.— Пермь, 1881. (Издана В. Н. Шишонко).

Волегов Ф. А. Усольская летопись (издана А. А. Дмитриевым) // Пермские губернские ведомости,— 1882.— № 96, 97 (Части неофициальные).

Дмитриев А. А. Библиографическая заметка к сочинению Волегова «Исторические сведения о гг. Строгановых» // Пермские губернские ведомости.— 1882.— № 81 (Часть неофициальная).

Тихонравов Н. Синодик и родительский летописец Строгановых // Чтения в имп. о-ве истории и древностей Российских при Моск. Ун-те.— Кн. 1.— М., 1884.

Рогов Н. А. Материалы для истории Пермского заповедного майоратного имения графов Строгановых.— Пермь, 1892.

- Дмитриев А. А.** Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 1647 г. по вотчинам Строгановых // Тр. Пермской уч. архивной комиссии. Вып. 2.— Пермь, 1893.
- Волегов Ф. А., Дмитриев А. А.** Родословная гг. Строгановых.— Пермский край: Сб. сведений о Пермской губернии.— Т. 3.— Пермь, 1895.
- Вологдин И. В.** Материалы к истории Пермского майоратного (заповедного) имения графов Строгановых // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губернии.—Т. 2.— Пермь, 1803; Т. 3.— Пермь, 1895.
- Дмитриев А. А.** Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // Тр. Пермской уч. архивной комиссии,— Вып. 4.— Пермь, 1901.
- Безсонов С. В.** Крепостные архитекторы.— М., 1938.
- Маковецкий И. В.** Памятники древней промышленной архитектуры в Прикамье // Сообщения Ин-та истории искусств АН СССР.— Вып. 4, 5.— М., 1954.
- Поносова И. С.** Изразцы Орла- городка // Из истории нашего края. Молотов, 1956.
- Оборин В. А.** Орел-городок // Советская археология.—1957.— №4.
- Оборин В. А.** Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.) // Уч. на писки Молотовского гос. ун-та им. А. М. Горького.— Т. 10, вып. 3.— Молотов, 1957
- Воронихин Н. Н.** По поводу некоторых версий об А. Н. Воронихине // Архитектурное наследство.— Вып. 9.— М., 1959.
- Введенский А. А.** Дом Строгановых в XVI-XVII вв.— М., 1962.
- Штейман Г. А.** Бесстопные покрытия в архитектуре XVI-XVII вв. // Архитектурное наследство.— Вып. 14.— М., 1962.
- Тиц А. А.** Русское каменное жилое зодчество XVII в.— М., 1966.
- Терехин А. С.** Архитектор Андрей Воронихин.— Пермь, 1968.
- Лисовский В. Г.** Андрей Воронихин.— Л., 1971.
- Косточкин В. В.** Новое Усолье - родина А. Н. Воронихина // Архитектура СССР.— 1974 — № 7.
- Терехин А. С.** Новое о зодчем А. Н. Воронихине // На Западном Урале.— Вып. 6.— Пермь, 1974.
- Терехин А. С., Канторович Г. Д.** Архитектурный ансамбль Верхнекамского Усолья (XVII — начало XIX в.) // Уральский археограф. ежегодник за 1972 г.— Пермь, 1974.
- Брайцева О. И.** Строгановские постройки рубежа XVII—XVIII веков,—М., 1977.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГЭ	— Государственный Эрмитаж
Мархи	— Московский архитектурный институт
ПСНРПМ	— Пермская специальная научно-производственная реставрационная мастерская
Сархи	— Свердловский архитектурный институт
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИАЛ	— Центральный государственный архив г. Ленинграда
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив

* *

*

За помощь, оказанную мне в подборе графических материалов для данной книги и высказанные пожелания, приношу сердечную благодарность главному архитектору Пермской научно-реставрационной производственной мастерской Г. Л. Кацко, архитектору-реставратору той же мастерской Г. Д. Канторовичу, директору Соликамского краеведческого музея Д. Г. Соколовой и научному сотруднику этого музея Т. С. Борисовой.

* *

*

Снимки с натуры без указания на принадлежность сделаны автором в 1955—1976 гг.

* *

*

В оформлении форзацев использованы фрагменты дипломной работы студентов МАрхи М. Енишерлова и Л. Потапова «Усолье. Музейно-туристский комплекс Соляного пояса», выполненной в 1976 г. под руководством В. Косточкина.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

7

Чердынь

15

1. Очерк истории города
15
2. Архитектурное наследие города
21
3. Памятники архитектуры ближних сел
28

Соликамск

43

1. Очерк истории города
43
2. Архитектурное наследие города
55
3. Памятники архитектуры ближних сел
94

Усолье

113

1. Очерк истории города
113
2. Архитектурное наследие города
123
3. Памятники архитектуры ближних сел
154

Заключение

164

Примечания

169

Список литературы

176

Принятые сокращения

180

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КОСТОЧКИН
Владимир Владимирович

ЧЕРДЫНЬ, СОЛИКАМСК, УСОЛЬЕ

Редакция литературы
по градостроительству и архитектуре

Зав. редакцией Т. Н. Федорова

Редакторы Е. Б. Овсянникова,
Г. А. Гатова

Художник Ю. П. Трапаков

Технический редактор Л. И. Шерстнева
Корректоры Н. А. Шатерникова,
Г. Г. Морозовская

ИБ № 4442

Сдано в набор 19.01.88. Подписано в печать
22.06.88. Т-15320. Формат 70x90¹/₁₆. Бумага мело-
ванная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать
высокая. Усл. печ. л. 13,45. Усл. кр.-отт. 14,32. Уч-
изд. л. 13,70. Тираж 25 000. Изд. № АІХ—1931 Зак.
№ Т4059. Цена 2 р. 50 к.

Стройиздат, 101442, Москва, Каляевская, 23а
Ленинградская типография № 3 Головное предпри-
ятие дважды ордена Трудового Красного Знаме-
ни Ленинградского производственного объединения
«Типография имени Ивана Федорова» Союзполи-
графпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 191126, Ленинград, Звенигородская, 11

В Стройиздате выходит в свет:

БУБНОВ Е. Н. РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО УРАЛА.
16 л.

РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ПАМЯТНИКАХ АРХИТЕКТУРЫ УРАЛА, ИЗВЕСТНОГО СВОЕЙ БОГАТОЙ И ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРОЙ, О БОЛЬШОМ РАЗНООБРАЗИИ ФОРМ, ПРИЕМОВ И ТИПОВ ПОСЕЛЕНИЙ, УСАДЕБ И ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК, ОБЛАДАЮЩИХ ОГРОМНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО, ДЛЯ НАУКИ И АРХИТЕКТУРНОЙ ПРАКТИКИ, ОБ ЭВОЛЮЦИИ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА В РАЗНЫХ РАЙОНАХ УРАЛА. БОЛЬШОЕ ВНИМАНИЕ УДЕЛЕНО ДЕКОРАТИВНОМУ ОФОРМЛЕНИЮ ФАСАДОВ И ИНТЕРЬЕРОВ ЖИЛИЩА. БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ФОТОГРАФИЙ И ЧЕРТЕЖЕЙ ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ.

ДЛЯ АРХИТЕКТОРОВ И ИСКУССТВОВЕДОВ.

В Стройиздате выходит в свет:

ХАЛИТОВ Н. Х. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ КАЗАНИ XVIII — НАЧАЛА XIX В. 10 л.

ОСВЕЩЕНЫ ВОПРОСЫ СОЧЕТАНИЯ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ. ПРОАНАЛИЗИРОВАНЫ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛЫХ И КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ. РАССМОТРЕНО ВЛИЯНИЕ БЫТОВОГО УКЛАДА, ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ КАЗАНИ, НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ СВОЕОБРАЗНЫХ ФОРМ В ЗОДЧЕСТВЕ ГОРОДА. БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ РИСУНКОВ ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ.

ДЛЯ АРХИТЕКТОРОВ И ИСКУССТВОВЕДОВ.